

Татьяна
Корсакова

Ведьмин круг

Annotation

Ты особенная, значит, ты умрешь! Приговор вынесен и обжалованию не подлежит, ведь неизвестный уже начал охоту на женщин, обладающих особой силой. Кто же окажется следующей? Может, ты?.. Арина, одна из тех, кто наделен ведьмовским даром, не хочет скрываться, а потому встречает убийцу – глаза в глаза. Но удастся ли уцелеть после этого поединка?

- [Татьяна Корсакова](#)

- -
-

Татьяна Корсакова

Ведьмин круг

© Корсакова Т., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Женщина сидела на мокрой парковой скамейке, не обращая внимания ни на мелко морозящий дождь, ни на торопливо пробегающих мимо людей. Она была странной даже по меркам ко всему привыкшей столицы. Не по погоде легкое черное платье-балахон, распущенные по плечам морковно-рыжие волосы, густо подведенные черным глаза, белая пудра и алая помада, совершенно неуместная на простоватом круглом лице. Имелось и еще кое-что, то, что непременно должно было привлечь к ней внимание прохожих или хотя бы заставить их замедлить шаг: в пухлых руках она держала расписанный под гжель череп. Слава богу, не человеческий, кажется, кошачий. Да, наверняка кошачий, коль уж им заинтересовался Блэк...

Блэк замер, сделал стойку, словно почуяв добычу, и вопросительно посмотрел на Арину. Она тоже остановилась, переводя взгляд с расписного черепа на расписное лицо его владелицы.

Женщина была мертва. Мысль эта не напугала Арину так, как напугала бы еще пару месяцев назад, но по позвоночнику юркой змейкой пополз холодок, предвестник неладного. Мертвые не вмешивались в ее жизнь, существовали в параллельной Вселенной, она просто знала, что они

есть, бродят среди живых неприкаянными душами, не мешают. Хотелось так думать. Наверное, поэтому, заметив кого-то с той стороны, Арина поспешно отворачивалась, делала вид, что ничего особенного не происходит, и мертвые проходили мимо. Может быть, не обращали на нее внимания, а может, тоже делали вид, что ничего не происходит. Это казалось правильным, потому что позволяло жить в относительном ладу с самой собой и окружающим миром – живым и мертвым. Незнакомка о правилах призрачного этикета не знала или же намеренно их игнорировала.

– Убери от меня свою псину! – На выбеленном лице отразилось неудовольствие пополам с брезгливостью.

– Блэк, сидеть! – скомандовала Арина и едва удержалась, чтобы не ухватить пса за ошейник. – Извините, – сказала смущенно, – он вас не обидит.

– Ты это мне? – Подведенные алым губы растянулись в неуверенной улыбке, белесые брови удивленно поползли вверх. – Значит, ты меня видишь?

– Я вас вижу.

Надо уходить! Одно дело, видеть призраков, и совсем другое – вступать с ними в диалог. Она не собирается усложнять свою жизнь еще больше. Хватит с нее!

– Блэк, пойдём! – Все-таки она схватилась за ошейник и даже ощутила под пальцами шершавость вытертой кожи и холод стальных клепок. Своего мертвого пса Арина чувствовала так хорошо, словно он был живее всех живых.

– Стоять! – Незнакомка вскочила на ноги, едва не уронив расписной череп, поймала его уже у самой земли невероятно стремительным для простого человека движением. Впрочем, кто сказал, что она простой человек?

Блэк оскалится, обнажая черные десны, и заступил знакомке дорогу.

– Как же я не люблю собак! – сказала она с досадой. – Вот кошек обожаю. – Ноготь с облезшим черным лаком ласково постучал по расписной черепушке. – Это Маруся, одна из моих любимиц. Была... – В мутно-голубых глазах блеснула слеза.

– Вы ее?.. – Арина невольно отступила на шаг.

– Да ты что?! – Незнакомка возмущенно тряхнула рыжими патлами. – Подумала, я ее того?.. Дикость какая! Маруся умерла от старости в очень преклонном возрасте!

– А череп? – Ей бы уйти, не вступать в дебаты с сумасшедшим призраком, но любопытство... любопытство сгубило кошку. И ее когда-

нибудь погубит.

– А череп... это я уже потом... – Тетка смутилась, но ненадолго, тут же воинственно уперлась кулаками в бока, снова едва не уронив черепушку. – Хобби у меня такое.

– Какое?

– А вот такое! – Она помахала перед Ариным носом тем, что осталось от несчастной кошки Маруси. – Я их расписываю!

– Черепа?..

– А что? Это искусство, милочка моя! Пусть несколько трансцендентальное, но и профессия у меня, знаешь ли, соответствующая.

– Вы художница?

– Я?! – Тетка посмотрела на нее со смесью жалости и удивления. – Помилуй, какая из меня художница! Я спирит. – Она снова трянула патлами, отступила на шаг, пропуская куда-то спешащего под кособоком зонтиком мужичка.

Тот ее не заметил, но на Арину, стоящую истуканом посреди аллеики и разговаривающую с пустотой, глянул неодобрительно.

– Спирит – это что-то вроде медиума? – уточнила Арина, провожая мужичка тоскливыми глазами.

– Спирит – это что-то вроде тебя. – Незнакомка снова погладила свою черепушку, с прищуром посмотрела на собеседницу и добавила: – Только ты слабенькая совсем, я-то была ого какая мощная!

Значит, «была»? Это радует. В том смысле, что тетенька осознает, что умерла. То есть призрак она хоть и экстравагантный, но вполне вменяемый.

– Я мадам Марго! Слыхала небось? – спросила тетенька с надеждой. – Или, может, в газете видела? Объявление мое в газете...

Арина не слыхала и не видела, но обижать мадам Марго ей не хотелось.

– Я вообще-то не местная, – брякнула она первое, что пришло в голову.

– Лимита, значит? – Мадам Марго смирла ее презрительным взглядом, и Арина тут же пожалела о своей тактичности. – То-то я смотрю, ни шарма в тебе, ни лоску.

– Зато в вас и шарму, и лоску...

Разговор нужно было сворачивать. Не хватало еще поцапаться с первым встречным призраком. Арина поморщилась, совсем недавно нынешняя ситуация показалась бы ей совершенно нереальной, но тогда она еще была нормальным человеком, а сейчас ведьма, прогуливающаяся по городу в компании с призрачным псом и таскающая в дамской сумочке многовековое веретено.

– Обиделась? – Мадам Марго добродушно усмехнулась, луноликое ее лицо пошло складочками и морщинками, в которых совсем утонули и без того небольшие глазки. – Да ты не дуйся, чего там! Я и сама-то не столичная штучка. С Урала, считай, вообще из глухомани, но в Москве живу вот уже двадцать... – Она осеклась, сжала черепушку так сильно, что Арина испугалась за бедную Марусю. – То есть жила...

Она была еще совсем не старой, лишние годы добавляли нелепый балахон и макияж, да и рыжий цвет волос не молодил. Арина решила, что ей чуть за сорок. Рановато для естественной смерти... Но спрашивать, из-за чего мадам Марго оказалась в рядах тех, с кем раньше пыталась выйти на связь, Арина не стала, посчитала невежливым, да и ненужным. У каждого своя жизнь и своя... смерть.

– Мне пора. – Она отступила на шаг, потянула за собой Блэка. – Было приятно познакомиться.

– Уходишь? – В голосе мадам Марго послышалась тоска.

– Электричка. – Арина выразительно посмотрела на наручные часы. – Я уже опаздываю.

В Москву они с Блэком приехали по делу: подписать в издательстве договор на новую книгу, забрать причитающиеся авторские, обсудить перспективы. Перспективы вырисовывались вполне приятные, книги молодой писательницы Арины Рысенко продавались неожиданно бойко, по этому случаю тираж увеличили вдвое. Факт сей не мог не радовать, грел душу даже в такой унылый сентябрьский день. До того самого момента, пока черт не дернул ее посмотреть в сторону этой несомненно экстравагантной, но бесповоротной мертвой дамы.

– Так мы и не познакомились даже! – Марго переложила черепушку из одной руки в другую, спросила: – Тебя как зовут, colega?

– Арина.

– Псевдоним? – Белесые бровки снова поползли вверх.

– Просто имя.

– Просто имя в нашем деле не катит, нужно что-то звучное, как...

– Как ваше? – Вообще-то «мадам Марго» больше подходило хозяйке борделя, чем промышляющей спиритизмом даме, но озвучивать свое мнение Арина не стала.

– Всяко лучше, чем Маруся Федорцова. Это я в миру так зовусь... звалась.

– Извините, мне и в самом деле пора. – Не хотелось ей становиться на эту скользкую тропку: знакомиться с человеком, которого уже нет и никогда не будет. Пустое и бессмысленное занятие.

– Ну, раз пора, так иди. – Марго взмахнула зажатой в руке черепушкой, плюхнулась обратно на скамейку.

Пробежавшая мимо девчонка, которую она едва не задела полой своего балахона, испуганно шарахнулась в сторону. Люди не могли видеть тех, кто приходит из другого мира, но некоторые из них чувствовали. Как животные, которые чувствуют гораздо больше людей.

– Всего доброго. – В сторону Арины Марго больше не смотрела, разглядывала узоры на Марусиной черепушке, голос ее звучал едва слышно из-за усилившегося дождя. – И знаешь, что... ты береги себя.

– Зачем? – Арина уже отвернулась, чтобы уйти, но что-то в словах Марго ее насторожило. Нет, не в словах даже, в интонации, с которой они были произнесены.

– Чтобы не оказаться вот тут. – Марго похлопала по скамейке рядом с собой и зашлась недобрым, совершенно сумасшедшим смехом.

– Больная какая-то, – буркнула Арина себе под нос, поправила на плече увесистую сумку с авторскими экземплярами, а вслух сказала: – Спасибо за совет.

– Это не совет, а предупреждение, – ответили ей, но на сей раз она не стала ни останавливаться, ни оборачиваться, наоборот, ускорила шаг.

* * *

Волков не звонил, совершенно и окончательно пропал с радаров, как только устроил новую Аринину жизнь, справил ей новую личность, подарил ручку с золотым пером и дарственной надписью. Наверное, если бы не этот презент, она бы смирилась и потихонечку стала его забывать, но ручка... ручка с золотым пером и гравировкой была не обещанием – нет, но как бы крючком, занозой, засевшей в сердце и не позволяющей выбросить из памяти все напрочь.

Тогда, больше года назад, Арина надеялась, что Волков уйдет из ее новой жизни раз и навсегда, потому что знает про нее всю правду, знает, во что она превратилась и что сделала. Не самое лестное знание, беспокойное.

По собственной воле стать ведьмой – это еще полбеды, особенные обстоятельства могут извинить и не такое. Но Волков единственный, кто не только знал тайну Арины, но видел ее в деле, представлял, на что она способна и что может сотворить с тем, в ком увидит угрозу.

И Волков ушел, а потом взял и прислал подарок, засевший в сердце острой занозой. Подарок ведь всегда знак внимания, доказательство того,

что тебя помнят, несмотря ни на что. Плохо это или хорошо, Арина не знала, однако всякий раз, когда брала в руки ручку с золотым пером, думала о Волкове.

Конечно, он мог бы вручить свой подарок лично, но, наверное, это было бы слишком опасно, слишком интимно. Гораздо проще воспользоваться услугами посредника, чтобы не встречаться и в то же время дать понять, что... Что Волков хотел дать понять, передавая через мальчишку-посыльного свой подарок, Арина не знала. Она могла только догадываться и мечтать. Мечтать очень редко, на самой границе сна и бодрствования, когда мысли и чаяния имеют особую силу.

Нет, Волков не вытолкнул ее окончательно из своей жизни. У Арины был номер его мобильного – еще один подарок, а может, знак особого расположения.

«Звони, если что», – сказал он ей, стремительным почерком выводя на листке бумаги ряд цифр.

Арине хотелось бы знать поточнее, что должно случиться для того, чтобы она смогла воспользоваться этим номером, оторвать Волкова от важных дел. Небеса должны упасть на землю или ей достаточно просто соскучиться?..

Если первое, то ей ничего не светит, потому что ближайший конец света уже прошел, небеса не упали. Если второе, то... то она никогда не осмелится. Об этом нет смысла даже думать. Но она все равно думала, на самой границе сна и яви, в тот самый момент, когда граница эта размывалась и делалась едва заметной, когда достаточно только пожелать, только протянуть руку, чтобы втащить Волкова в свой сон.

Впрочем, он никогда не сопротивлялся. В мире грез Волков был совсем другим и поступал так, как никогда не поступил бы в реальной жизни. Девичьи грезы – они ведь на то и нужны, чтобы хоть на время превратить мечты в явь...

Электричка качнулась, притормаживая у едва различимой в пелене дождя станции, двери раскрылись с тихим шипением, и Арина вслед за Блэком прыгнула на мокрую блестящую платформу. В воздухе пахло осенью, самым ее началом, увядающей листвой и едва уловимой горечью далеких костров. Арина осень не любила, именно из-за этих вот предвестников неминуемого умирания, из-за острой уверенности, что дальше станет только хуже: дожди и туманы усилятся, птицы улетят на юг, и на каждом участке запылает погребальный костер из опавших листьев. Даже мысль, что все это не навсегда, что когда-нибудь, спустя много-много дней, наступит весна, в такие дождливые дни не вселяла никакого

оптимизма. «Когда-нибудь» – это сродни «звони, если что». Вот так-то...

Перрон быстро пустел, люди спешили укрыться от дождя. Арина раскрыла зонт, краем глаза успев заметить одиноко стоящую у дальнего края платформы фигуру в черном. Блэк повел ушами, но особого беспокойства не выказал. Псу, как и ей самой, не хотелось неслучайных встреч.

Фигура в черном приветственно взмахнула рукой с зажатой в ней расписанной под гжель черепушкой, но с места не сдвинулась. Вот и славно! Арина кивнула в ответ и поспешила прочь от призрака. Конечно, Марго безобидная и в некотором смысле даже забавная, но хватит на сегодня забавных и безобидных призраков. Не в гости ведь ее приглашать, в самом деле. И вообще, они уже попрощались.

Узкая тропинка петляла между зарослями лопуха, лебеды и прочей дикой растительности. Блэк трусил впереди, Арина шла следом, изо всех сил стараясь не обернуться. Почему-то это казалось особенно важным – не оборачиваться, не встречаться взглядом с призрачной Марго. Арина не знала никаких особых правил, не имела понятия о технике безопасности при контакте с потусторонним, потому просто старалась избегать любых нежелательных контактов.

До нынешнего дня. Сегодня она поступила опрометчиво, подошла слишком близко к краю, вступила в контакт. И вот теперь боится обернуться, из последних сил борется с желанием со всех ног побежать по мокрой тропинке. И дело не в страхе. Она не боится! По крайней мере, таких, как Марго. Она просто не хочет продолжать это никому не нужное, досадное знакомство.

Тропинка нырнула в заросли черемухи, углубилась в одичавший вишневый сад. Вот она и дома!

Этот домик Арина считала своей самой лучшей находкой. Маленький, из красного кирпича, с выложенной на фронте датой постройки. Если верить дате, домик появился на свет в тысяча девятьсот сорок седьмом году и многое повидал на своем веку. Когда-то в нем жил станционный смотритель. Неподалеку, возле железнодорожного переезда, до сих пор стояла полуразвалившаяся будка, где он нес свою вахту. С тех пор многое изменилось, переезд автоматизировали, покинутая будка смотрителя ветшала, сам смотритель ушел на пенсию и переехал в другое место, некогда ухоженный вишневый сад разросся и одичал, а дом из красного кирпича на десятилетия выпал из жизни и едва не умер в забвении. О нем вспомнили относительно недавно, выкупили, отремонтировали и выставили на продажу. Вот только охотников жить вблизи железной

дороги, да еще в такой вишнево-черемуховой глухомани не нашлось, и вывеску «продается» сменила вывеска «сдается». Если верить хозяину дома, Арина стала первым его жильцом.

Ее устраивало все: и стоимость аренды, и недавний ремонт, и уединенность, и вишневые кущи. А железная дорога ведь не видна, о ее существовании напоминают лишь гудки поездов да изредка дребезжащие стекла. Одиночество Арину не смущало, уединенность домика не пугала. Блэк свое дело знал и о вторгающихся в ее вишневое царство посторонних оповещал практически мгновенно. Впрочем, уединенность домика была весьма условной. До железнодорожного переезда – пять минут ходьбы, а там, за переездом, начинается город, который не хуже и не лучше Дымного лога, такой же провинциальный, такой же унылый. А с вишневым садом граничит другой, холеный, ухоженный, яблочно-грушевый, обнесенный аккуратным забором, – дачный.

Дачи, большие и маленькие, советского образца и богатые новоделы, тянулись вдоль железной дороги на несколько километров, узкие улочки расходились от платформы и убегали вниз, к реке. Там участки становились все больше, а дома, обставленные крепкими заборами, утепленными гаражами, спутниковыми тарелками и кондиционерами, выше и основательнее. И если дачи у путей были обитаемыми лишь в сезон, то речные не пустовали даже зимой. Так что об отшельничестве речь не шла, скорее, о некотором уединении.

Домик смотрителя располагался на самой границе двух жизней, городской и дачной, и, если бы не вишневый сад и полное отсутствие хоть клочка подходящей для возделывания земли, мало чем отличался бы от соседских дач. Вишневый сад определенно спасал ситуацию. Хоть хозяин домика и грозился его выкорчевать, Арина знала – сделать это будет не так уж просто. Выковырять из земли даже маленькое вишневое деревце – задача трудная, очень крепкие у него корни. Что уж говорить о том, чтобы уничтожить целый сад с многочисленными старыми деревьями. Прошлой весной хозяйский порыв ограничился лишь вырубкой больных и мертвых деревьев да прореживанием особо непролазных зарослей молодняка.

Под сенью сада дождь казался не таким сильным, по глянцевым листочкам он барабанил гораздо деликатнее, чем по зонту. По дорожке, мощенной красным кирпичом, Арина подошла к дому, вставила ключ в замочную скважину и уже на пороге все-таки не удержалась – оглянулась. Сад, надежно скрывавший от глаз унылый пейзаж железной дороги, был тих и пуст. Вот и славно!

Туфли промокли. Арина сбросила их прямо у порога, сунула ноги в

удобные тапочки, из крошечной прихожей шагнула в единственную комнату, поставила сумку на венский столик. Столик был старый, добротный, с остатками инкрустации. Арине хотелось думать, что он принадлежал еще станционному смотрителю, любителю поездов, уединения, вишневых садов и каминов. Да, в ее крошечном домике имелся камин! Совсем маленький, смахивающий на слегка облагороженную печку-буржуйку, но действующий! Стена с камином отделяла жилую комнату от кухни, и тепло распространялось по всему дому. Зимой, когда с паровым отоплением то и дело случались проблемы, это было особенно актуально. Да и таким вот унылым сентябрьским вечером тоже.

Не раздеваясь, Арина побросала в камин заранее приготовленные дрова, сунула туда же несколько с весны заготовленных вишневых полешек – для аромата и атмосферы – и разожгла огонь.

В кухне заскрежетало и закуковало. Арина сначала привычно вздрогнула, а потом так же привычно улыбнулась. Часы с кукушкой она выпросила у своей прежней хозяйки, они оставались едва ли не единственным доказательством того, что когда-то у нее была совсем другая жизнь. Вот эти сиплые часы с кукушкой, бабы-Глашина шаль и звонки подружки Ирки. Та иногда вырывалась из прошлой жизни в нынешнюю, привозила с собой смех, шум и кучу гостинцев. Последний раз она приезжала в начале августа на целую неделю, но Арина успела соскучиться и уже подумывала, как бы выманить подружку в гости еще раз.

Огонь резво скакал по дровам, вишневые полешки занялись и пахли упоительно. Для полного счастья Арине не хватало лишь ноутбука и чашки кофе. Вообще-то, конечно, ей не хватало не только этого, но она приучила себя к умеренности.

Блэк, все время вертевшийся поблизости, куда-то исчез, а потом из кухни послышалось его рычание. Не тревожное, от которого у Арины пробегал холодок по спине, а так... предупреждающее. Она еще не вошла в кухню, но уже знала, о чем предупреждает ее Блэк. Вернее, о ком...

Марго сидела на любимом Ариным стуле, придвинутом спинкой к обогреваемой камином стене. Можно подумать, призраку так уж необходимо тепло. Она ведь его не чувствует.

– Я вот тут подумала, – сказала Марго как ни в чем не бывало, словно продолжая только что прерванный разговор.

– О чем? – Арина поставила на огонь джезvu, щедро сыпанула кофе.

По-хорошему, незваную гостью следовало бы выставить за дверь, да вот только станет ли она для такой, как Марго, препятствием! Блэку двери не помеха. И двери, и стены, и расстояние.

– А я вот больше чай уважаю. Черный, сладкий, с малиновым вареньем. – Марго погладила свою черепушку. Блэк покосился на нее с неодобрением, если не сказать, с отвращением.

Черный чай с малиновым вареньем любила Вера Федоровна. Сердце заныло, а рука с джезвой дрогнула. Вот уже вторая женщина в ее жизни любит черный чай с малиновым вареньем. И эта вторая, так же, как и первая, мертва...

Вмиг и камин с вишневым дымом «для настроения», и часы с кукушкой, и даже кофе стали ей немилы, в душу холодной змеей прокрались тоска и предчувствие грядущих неприятностей. А их вестница продолжала задумчиво поглаживать свою расписную черепушку. Арине казалось, она даже слышит, как коготь с облезлым черным лаком с тихим скрежетом обводит синие узоры под гжель. Ее замутило.

– А если к чаю да еще пирожок с повидлом, – сказала Марго мечтательно. – Нет лучшей улады ни сердцу, ни желудку.

– Вы голодны? – Ей все-таки удалось справиться с тошнотой, и руки больше не дрожали.

– Я? Да нет вроде бы. Я как раз поела незадолго до того, как...

Арина не хотела продолжения, но ее мнением никто не поинтересовался.

– Незадолго до того, как эта сволочь меня убила! – жестко закончила Марго, и черный коготь беззвучно цокнул по черепушке.

– Какая сволочь?

Еще один ненужный, неправильный вопрос. Зачем Арине знать, кто убил Марго? И вообще, убили ли ее? Может, она сама?.. Отравилась пироженками с повидлом...

– Представляешь, не знаю! – Марго театральным жестом взъерошила свои рыжие космы. – Вот, казалось бы, должна была помнить, а не помню. Ничегошеньки. Очнулась на скамейке в парке, сижу дура-дурой, народ мимо туда-сюда шныряет, а вот тут, – черным ногтем Марго ткнула себя в грудь, – дырка!

Арина проследила за ногтем: никакой дырки в груди собеседницы не наблюдалось. Что же с ней сделали? Выстрелили в сердце? Или закололи ножом?

– И главное, чувство такое гаденькое, свербящее, будто меня как-то не по правилам убили. – Марго выпучила глаза, переложив черепушку из одной руки в другую, снова погладила.

– Убийство – всегда не по правилам, – буркнула Арина себе под нос, но гостя ее услышала.

– А это как посмотреть, – сказала назидательно. – Если бы я умерла как нормальный человек, не мыкалась бы сейчас тут, в этом захолустье.

– Вас здесь, кстати, никто не держит.

– Да не дуйся! Это я не в обиду тебе, а так... рассуждаю. – Марго в успокаивающем жесте подняла вверх руку. – Думаю над своей нелегкой долей. Горюю.

Кофе едва не убежал. Обжигая пальцы, Арина сняла джезvu с огня.

– Я вам очень сочувствую, – сказала она не слишком искренне. – Но не понимаю...

– Чем можешь мне помочь? – Марго усмехнулась, подбросила и на лету поймала Марусину черепушку. Блэк неодобрительно рыкнул. Арина отвернулась.

Она не хотела помогать Марго. Слишком шумной, назойливой и наглой та была, никак не тянула на несчастную жертву.

– Я ведь за эту неделю прямо одичала вся, – сказала Марго доверительным шепотом. – Никто меня не видит, никто не слышит, поговорить не с кем. Одна отрада – телевизор и газеты. Но и здесь есть нюансы: каналы переключать я не могу, страницы переворачивать – тоже. Выходит, читай и смотри только то, что дают. Сунулась было к Зойке, соседке, мы с ней дружили вроде как. – Марго нахмурилась: – Именно вроде как! Такое от этой змеюки о себе услышала. И грязнуля я, и гулящая, и шарлатанка. Шарлатанка! А сама-то, гадина, ко мне чуть ли не каждый день бегала. «Погадай, Маргоша, раскинь картишки, расскажи про суженого-ряженого!» А что гадать, когда суженый в тюрьме второй срок мотает, а ряженный захаживает раз в неделю по одной-единственной своей кобелиной надобности. Но как же я могу человеку, считай, лучшей подруге, сказать, что не будет у нее никакой радости в жизни! Подвирала, конечно, обещала червовый интерес в казенном доме, собиралась даже ряженого приворожить, чтобы хоть два раза в неделю заходил. А она мне, змеюка, вот такой черной неблагодарностью отплатила. Бабе Вале, нашей соседке по коммуналке, всяких гадостей про меня наговорила. – Марго скорбно замолчала.

Арина перелила кофе в чашку, присела к столу.

– Как ты можешь пить эту мерзость? – Марго брезгливо поморщилась.

Может, и не наводила подружка Зойка на нее напраслину? Если при жизни она была такой же вредной, то любая напраслина может оказаться чистейшей правдой.

– Не ваше дело! – Арина сделала маленький глоток кофе, закрыла глаза.

– А ты мне не выкай, – слышалось совсем рядом, прямо за спиной. – Мы с тобой почти ровесницы.

Глаза пришлось открыть. Так и есть: Марго сменила дислокацию. И куда только смотрит Блэк!

– Я моложе тебя почти вдвое, – захотелось сказать гадость, и она не стала себя сдерживать.

– Всего лишь раза в полтора. – Марго не обиделась. – Но выглядишь ты для своих годков старовато.

Куснула! Да, соседка Зойка не такая уж гадюка...

– И живешь в таком захолустье! – Марго обвела комнату придирчивым взглядом. – А ведь при твоих-то талантах могла бы как сыр в масле кататься.

– При каких таких талантах? – Разговор получался странный и неприятный. Настолько неприятный, что даже кофе не радовал. Конечно, кофе ведь нужно пить либо в хорошей компании, либо в одиночестве. Мертвая склочная тетка – это хорошая компания?

– Да при твоих талантах! Ты же меня видишь! И вот пес с тобой. – Марго скосила взгляд на прислушивающегося к разговору Блэка. – А он ведь мертвый, я это сразу просекла. Мертвый пес служит тебе, как живой! Вот и скажи, что ты делаешь в этой дыре, когда можешь грести деньги лопатой в Москве. Обозвалась бы как-нибудь позатейливей – Кассандрой или Кассиопеей – и рубила бы бабло.

– Кассиопея-то тут при чем? – спросила Арина растерянно.

– Ни при чем! Имя просто красивое, заковыристое. Народ у нас любит, чтобы помудреннее было. И еще чтобы званий побольше, а родословная подлиннее. Вот я, к примеру, спирит и таролог в седьмом поколении.

– В седьмом?..

– Цифра мне эта нравится. Удачу она приносит. Да ты не отвлекайся, послушай успешного человека, который не первый год в бизнесе. Значит, так, имя позаковыристее, грамоток всяких-разных в фотошопе наделать, на принтере распечатать, комнатку в правильном стиле оформить, побрякушек магических прикупить для имиджа. Кстати, – Марго подняла вверх указательный палец, – на побрякушках советую не экономить. Брать лучше не в сувенирной лавке, а в антикварном магазине, что-нибудь действительно старинное, настоящее. Клиент нынче пошел разборчивый, потому что кругом конкуренция. – Марго горестно вздохнула, но тут же встрепенулась, продолжила: – Главное, первого клиента заполучить, а потом сарафанное радио заработает, при твоих-то талантах.

Она говорила так страстно, с таким воодушевлением, словно и в самом

деле собиралась устроить Аринину магическую карьеру. Это было даже забавно. Никогда раньше ей не встречался такой деятельный и энергичный призрак.

– Зачем я нужна этим твоим клиентам? – спросила Арина и вместе со стулом отодвинулась от нависающей над ней Марго, деликатно намекая на святость личного пространства.

– Как зачем?! – Та намек не поняла, подалась следом. – Ты же можешь с ними общаться.

– С кем?

– С покойниками! А знаешь, сколько желающих получить весточку с того света? Тьма! Это я тебе как специалист говорю.

Терпеть это не было сил, и, отбросив деликатность, Арина пересела на стул у стены. Теперь зайти ей за спину у Марго не получилось бы ни при каком раскладе. Мало приятного, когда над твоей душой стоит... неприкаянная душа.

– А ты специалист? – спросила Арина не без интереса. Все-таки с настоящими спиритами ей так тесно общаться еще не доводилось.

Марго ее разочаровала. Она сказала правду:

– В некотором смысле. Если ты про то, выходили ли ко мне на связь покойники, врать не стану, не случалось такого ни разу, но оцени профессионализм – недовольных клиентов у меня тоже почти не было! Главное тут – понять, что человеку нужно, а там уже сообразишь, что к чему, если не дура.

– Значит, ты шарлатанка. – Неожиданно Арине стало обидно, как ребенку, которому вместо мороженого подсунули манную кашу с комочками.

– Почему это сразу шарлатанка! – возмутилась Марго, и Блэк, встревоженный ее воплями, тут же вскочил. – Были у меня кое-какие способности. Были!

– Какие?

– Я умею гадать на картах! В яблочко попадала в девяносто девяти случаях из ста. Да вот хочешь, я тебе сейчас... – Она похлопала себя по бокам, пытаясь нащупать что-то в складках своего балахона, и круглое лицо ее сделалось растерянным: – Пропали... Они пропали.

– Что пропало? – Арине снова стало интересно.

– Мои карты. Я не расставалась с ними десять лет. Они очень действенные, сродство у меня с ними. Даже карман для них специальный сшила в каждом платье, чтобы всегда носить при себе.

– Это на них ты гадала своей подружке?

– Еще чего! Я ей на обыкновенных игральных гадала, а эти были для серьезных клиентов, профессиональные. Как я могла их... – Марго вдруг замолчала, застыла с раскрытым ртом, вперив остекленевший взгляд в расписанную под гжель черепушку, а потом сказала очень тихо и серьезно: – Это он их забрал.

– Кто?

– Тот гад, который меня того... – Она перевела взгляд на Арину и сказала требовательно: – Ты должна мне помочь!

– Я?! – От нагретой камином стены волнами шло тепло, но позвоночник вдруг прихватило холодом. Чувство это было знакомо, ничего хорошего оно не предвещало.

– Ты! – Марго кивнула. – Мне больше не у кого просить помощи. Сама понимаешь, в полиции у меня заявление не примут.

– Но что я могу?..

– Можешь! – Марго не дала ей договорить. – Только ты и можешь.

– Как?

– Для начала нам нужно найти мое тело... – Она осеклась, но потом решительно продолжила: – А дальше будем действовать по обстоятельствам.

– Хочешь сказать, тебя... – Арина тоже запнулась. – Твое тело до сих пор не нашли?

– Зойка-змеюка считает, что я укатила на юга с новым хахалем, значит, не нашли.

– С новым хахалем?

– А что? Я девушка видная! – Марго приосанилась. – Да ты не завидуй! Мертвым завидовать некрасиво.

– Я просто пытаюсь понять, не мог этот... хахаль тебя...

– Убить? – усмехнулась Марго. – Мужик он страстный, южных кровей, ревнивый, а я, сама видишь, какая! То есть теоретически, наверное, мог бы, но это не он.

– Откуда такая уверенность? – Арина залпом допила остывший кофе и подивилась сама себе. Еще совсем недавно она мечтала, чтобы Марго оставила ее в покое, а теперь вот сидит, расспрашивает про хахалей, пытается вычислить убийцу.

– А оттуда, что я Джафарика первым делом навестила, даже раньше, чем Зойку. Не он это. Если бы он, так сейчас бы спокойным был или, наоборот, водку литрами жрал, а он бесится. Понимаешь? Зойка-гадюка ему сказала про юга и нового хахаля. И он поверил. Бесится! Клянется найти меня и зарезать. Вот какой страстный! – добавила с нежностью. –

В общем, он ни при чем, тут и к гадалке не ходи. – Марго с силой припечатала черепушкой по столу, но никакого звука не последовало.

– Такие страдания не сыграешь, это я тебе говорю! А я в людях разбираюсь. Это не Джафарик.

– Может, подруга? – предположила Арина.

– Зойка могла бы. Она мне всегда завидовала, но это не она. Ведет она себя нормально. Злится, конечно, но не так, как Джафарик.

– А почему злится?

– Потому что она в самом деле считает, что я укатила на юга с хахалем, а у нее из хахалей только суженый, который срок мотает, да ряженный, обыкновенный кобель.

– Кто-нибудь из клиентов?

На них стоило подумать в первую очередь. Вполне возможно, что Марго переоценивает свои таланты и кто-то все-таки остался недоволен. До такой степени, что пошел на убийство?

– Клиент! – Марго тяжело плюхнулась на пустой стул, хлопнула себя ладонью по лбу. – Клиент мог, наверное. Ненормальных сейчас хватает. Грамотные все, начитанные, права потребителя и Уголовный кодекс знают наизусть.

– Ну вот, нужно вспомнить, кто из клиентов выказывал недовольствие. Может быть, тебе кто-то угрожал?

– Не могу я вспомнить. – Марго развела руками. – Странное дело: Джафарика помню, Зойку-гадину, а все, что связано с работой, забыла напрочь. Да что там клиенты! Где собственное тело потеряла, не знаю. Вот ты мне скажи, как такое могло случиться? – Ее голос дрогнул.

Арина не знала, как такое могло случиться и могло ли случиться вообще. Уж больно странным казалось происходящее. И призрак мертвой гадалки, которая при жизни представлялась спиритом и дурила народ, – далеко не самая большая странность. Посмертная амнезия, поразившая Марго, куда удивительнее. О мире живых мертвые должны знать все. По крайней мере, Арине так раньше казалось. А теперь что же? Где ответы на вопросы? Еще и карты пропали...

– Марго, а карты ты всегда с собой носила? – В голове заворочалась смутная, не до конца оформившаяся мысль.

– Зачем?

– Ну, ты же говорила, карманы в каждом платье для них сделала.

– В каждом рабочем платье. Вот в таком, как это. – Марго похлопала себя по бокам. – Карты я с собой беру, только когда нужно погадать клиенту.

Вот и ниточка! Не бог весть какая длинная, но ухватиться за нее все-таки можно. Если карты были при Марго в момент смерти, значит, она встречалась или планировала встретиться с кем-то из клиентов. Узнать бы с кем. А как, если посмертная амнезия все испортила?

– Ты вела записи? – Арина посмотрела на Марго с надеждой.

– Какие? – Та подалась вперед, в глазах вспыхнул огонек понимания. – Деловые?

– Да.

– Разумеется! У меня прием только по записи... был. Ко мне еще попробуй попади. Я ж говорю, девяносто девять процентов из ста!

– И где ты хранишь эти записи?

– Дома. Где же их еще хранить!

– Нам нужно их увидеть, Марго!

* * *

Наверное, ее нынешняя жизнь все-таки была слишком скучной, слишком спокойной. Наверное, ей не хватало придуманных приключений, коль уж она взялась помогать Марго. Наверное, она сошла с ума!

– Я сошла с ума...

Они стояли перед унылым пятиэтажным зданием с окнами узкими и высокими, похожими на бойницы, и, запрокинув головы, смотрели вверх.

– А я вообще мертвая! – Марго передернула полными плечами, козырьком приложила ко лбу ладонь, как будто ей мешало яркое солнце.

На самом деле солнца не было, шел дождь, такой же нудный и морозящий, как вчера.

– Это авантюра. – Сквозь серую пелену дождя Арина пыталась разглядеть хоть что-нибудь в окнах на четвертом этаже. Затея эта казалась ей глупой и бессмысленной, как и принятое вчера решение помогать Марго.

Гадалка-призрак оказалась не из тех, кому можно помогать запросто, с легким сердцем и чистой совестью. Она утомляла, а временами даже бесила. Выспаться минувшей ночью Арине так и не удалось. Истосковавшаяся по человеческому общению, совершенно не нуждающаяся в отдыхе, Марго жаждала разговоров «по душам». Арина желала покоя, но ее желание в расчет не принималось. Поэтому на шестичасовую утреннюю электричку она садилась с одной-единственной надеждой: подремать хоть часок. И ей даже удалось сесть, приткнуться у

окна рядом с крупным дяденькой, от которого несло табаком и потом. Если дышать ртом, можно было пережить и дяденьку, который тут же уткнулся в газету, и исходящее от него амбре. Напротив, судя по обручальным кольцам на сплетенных пальцах и сияющим лицам, расположилась пара молодоженов. Они шептались и украдкой целовались. Хотя как можно целоваться украдкой в переполненном вагоне?

Арина закрыла глаза, стоило только электричке тронуться с места, и, кажется, даже задремала, когда прямо над ухом гаркнули:

– Ишь, милуются голубки!

От неожиданности она дернулась и открыла глаза. Дяденька с неудовольствием посмотрел на нее поверх газеты, но промолчал. «Голубки» вообще ничего вокруг не замечали.

Марго нависала прямо над ней, а откляченный зад гадалки маячил едва ли не перед самым лицом молодожена. Черепушку бедной Маруси она с нежностью прижимала к груди.

– Я говорю, поженятся в несознательном возрасте, не нагулявшись, а потом начинаются ссоры и разводы.

На какое-то мгновение, наверное спросонья, Арина забыла, что слышать и видеть Марго может только она, и ей стало неловко за такую бесцеремонность, но очень скоро на место неловкости пришла злость.

Гадалка болтала без умолку: осуждала, одобряла, вспоминала боевую молодость и учила жизни всех неразумных скопом и Арину в частности. Самое страшное заключалось в том, что заткнуть ее, не привлекая к себе ненужного внимания, не было никакой возможности. Как и уснуть. Поэтому в Москву Арина прибыла в отвратительном расположении духа и с раскалывающейся головой.

На перрон ее вынесла бодрая волна пассажиров. Эта же волна деловито обтекла ее с двух сторон и, разбившись на тонкие ручейки, довольно быстро рассосалась, оставив ее наконец в относительном уединении.

– Ты гляди, какие люди пошли! – Марго материализовалась прямо перед Ариным носом. – Все им не сидится на месте, все им лучшей доли подавай! А жизнь-то она уже тут, живи и радуйся!

– Если ты сейчас же, вот сию секунду, не заткнешься, – Арина сжала кулаки, – я тебя убью.

– Меня нельзя убить. – Марго беспечно взмахнула черепушкой. – Я и так уже мертвая.

– Можно! – Ее не часто посещали озарения, но как-то вдруг Арина поняла: она знает, как убить Марго. Убить окончательно, раз и навсегда.

Знает как и может это сделать. Черная ведьмакова кровь проснулась от долгой спячки и горячей лавой хлынула по венам. Дышать стало больно и тяжело.

Она не знала, что разглядела Марго в ее глазах. Наверное, что-то страшное, потому что испуганно шарахнулась в сторону, выронив черепушку, к которой тут же бросился невесть откуда взявшийся Блэк.

– Ты что?.. – Марго не смотрела ни на пса, ни на черепушку, она не сводила взгляда с Арины. – Ты бы просто сказала, что тебе не нравится... Я ж не дура...

– Мне не нравится... – Черная ведьмакова кровь медленно успокаивалась. Арина успокаивалась вместе с ней. Головная боль прошла, чувство злости уступило место стыду. – Я привыкла к тишине. Прости.

– Так ты бы сразу... Я что, не понимаю?.. – по-прежнему не сводя взгляда с Арины, Марго присела, оттолкнула морду Блэка, нашарила черепушку. Лицо у нее было таким, словно это она, а не Арина видела перед собой призрака. – Если хочешь, я вообще уйду. – В голосе слышалась робкая надежда на то, что Арина ее отпустит, освободит от своего жуткого общества. Вот так-то...

– Как хочешь. – Если Марго уйдет, она и сама, пожалуй, почувствует облегчение. Потому что все эти... расследования не для нее. Придумывать истории – вот что для нее.

– Я без тебя пропаду, – сказала Марго совершенно нормальным, совершенно человеческим тоном и погладила свою Марусю. – Ты же все это не со зла? Ведь так?

Арина молча кивнула.

– Не со зла. Я в людях разбираюсь. Ты просто... расстроилась. А ведь кто-то другой может и со зла. – Она, горестно вздохнув, замолчала.

Арина тоже вздохнула, решительно, полной грудью, а потом спросила:

– Далеко до твоего дома?

...И вот они стоят перед унылой пятиэтажкой, и Марго, уже окончательно оправившаяся от пережитого, инструктирует ее, как попасть в коммуналку на четвертом этаже, а она чувствует себя сыщицей и взломщицей. А еще немного сумасшедшей.

– Через пару минут Зойка ускачет на работу, дома останется одна только баба Валя. Вот тогда мы и двинемся, – уже в который раз повторила Марго. – Бабе Вале скажешь, что ты Танька, моя двоюродная сестра, приехала в Москву поступать в театральный.

– Все приезжают в Москву поступать в театральный. Других вузов тут и нет.

– Ну, скажи, что в педагогический. Не важно. Баба Валя про Таньку от меня слышала, но никогда ее не видела, так что не бойся. Ключ от моей комнаты висит в коридоре на гвоздике. У него еще брелочек такой красивый, в виде черепа. Ты сразу его узнаешь. Скажешь бабе Вале, что я уехала на консультацию.

– На консультацию?

– Да уж лучше, чем на юга с новым хахалем. Баба Валя – девушка старой закалки, ей правильнее врать про консультацию. Скажи, что меня вызвал один очень важный клиент, заодно обелишь мое честное имя. Скажи, что я попросила тебя взять кое-что из моей комнаты для работы. Она, наверное, за тобой в комнату сунется, потому как бдительная и старой закалки, так что особо там не задерживайся и по углам не зыркай, бери ежедневник и уходи. Станет звать на чай, отказывайся. Чай у нее отвратительный. И про пирожные не забудь.

Арина посмотрела на коробку с заварными пирожными в своих руках.

– Пирожные эти ее любимые, единственная слабость. Скажешь, Маргарита велела кланяться.

– А без пирожных никак?

– Ты что! Пирожные – это и пароль, и пропуск. Баба Валя у нас... – Марго не договорила, шмыгнула за угол и уже оттуда зашипела: – Не шевелись, веди себя естественно. Зойка вышла.

Из подъезда и в самом деле выскочила невысокая, с белыми кукольными кудряшками женщина в ярко-желтом дождевике. Зойка-змеюка! Она посмотрела сначала на затянутое тучами небо, потом на наручные часики, выудила из объемного баула зонтик и шагнула на тротуар. Наверное, уже опаздывала, потому что шла так быстро, что плечом задела Арину, но даже не подумала извиниться. Наоборот, одарила злым взглядом. Не обманывала Марго, точно змеюка!

– Видишь, гадина какая! – раздалось из-за угла: – А я с ней дружила, ряженого ей хотела приворожить.

– Да выходи ты, – буркнула Арина. – Она же тебя не видит.

– Все время забываю. – Марго высунулась из-за угла. – Ну, пойдем, что ли?

С девушкой старой закалки бабой Валей все прошло наилучшим образом. Заварные пирожные и в самом деле сыграли роль и пароля, и входного билета. Старушка поразглядывала Арину в темном коммунальном коридоре, поохала и поворчала, что молодежь нынче пошла бестолковая, все срывается, летит куда-то, а вот в ее время... Она еще что-то бубнила себе под нос, но было совершенно ясно, что мыслями баба Валя уже за

столом, пьет невкусный чай с заварными пирожными. Она даже в комнату Марго не пошла, велела только, чтобы Арина там не сильно «шуровала», а сама, шаркая стоптанными тапками, отправилась на кухню.

Комната Марго оказалась неожиданно просторной, стена из гипсокартона разделяла ее на две равные части: рабочий кабинет и что-то вроде будуара. В будуар Арина заглянула лишь одним глазком, не увидела там ничего, кроме застеленной «леопардовым» покрывалом тахты да уставленного всякими дамскими безделушками туалетного столика, и сосредоточилась на кабинете. Он оказался именно таким, каким в представлении обывателя должен быть кабинет спирита. Тяжелые портьеры на окне, черные стены, на них – дипломы в золоченых рамках, наверное, те самые, сделанные в фотошопе и распечатанные на принтере. Центральное и явно главенствующее место в кабинете занимал круглый дубовый стол, на котором в творческом, но тщательно продуманном беспорядке лежало и стояло то, что Марго иронично назвала набором юного мага: хрустальный шар на деревянной подставке, черные свечи в серебряных подсвечниках, какой-то загадочного вида талмуд в обложке из старой, потертой кожи. К талмуду Арина потянулась помимо воли. Старинные книги всегда были ее слабостью. Книга оказалась старой, но отнюдь не старинной, пятьдесят второго года издания, и носила гордое название «Лекарственные растения средней полосы России».

– Это что? – Она недоуменно взглянула на стоящую у окна Марго. – Лекарственные растения...

– А что ты там хотела увидеть? Черную книгу? – Марго передернула плечами. – Я же тебе рассказывала про имидж. Размер книжицы подходящий, внушительный. Я купила ее в букинистическом пару лет назад. А обложка у меня уже была. Кстати, антикварная, девятнадцатый век. Да ты не отвлекайся, ежедневник с записями в шкафу. Вон там! – Она взмахнула рукой, указывая где, и Арина тихо присвистнула.

В углу комнаты стоял массивный шкаф на резных львиных лапах, за его до блеска начищенными стеклами красовалась коллекция расписных черепов: собачьих, кошачьих, птичьих. Было среди них что-то рогатое, то ли баранье, то ли козлиное, и что-то очень большое, клыкастое, лобастое, расписанное под хохлому.

– Это настоящий тигр, – сказала Марго и нежно провела пальцем по стеклу. – Был у меня приятель, работал в передвижном цирке. У них тигр как раз сдох, вот он мне и подарил.

– Тигриную голову?! – Арину замутило.

– Череп! Зачем мне целая голова?! – Марго посмотрела на нее, как на

дурочку. – Есть специальные технологии...

– Не нужно подробностей! – Арина отвернулась от коллекции, ей совсем не хотелось слушать ни о каких специальных технологиях, которые могли превратить тигриную голову в расписанный под хохлому арт-объект.

– Какие мы нежные! – фыркнула Марго. – А мне за этот череп, между прочим, один бизнесмен предлагал бешеные деньги. – Она вздохнула, словно бы и с сожалением. – На хлеб с маслом я себе и картами заработаю, а это для души. Вот у тебя есть что-то для души?

У нее было. И для души, и для хлеба с маслом. Она писала книги, а ведь всем давно известно, что не продается вдохновение, но можно рукопись продать. Вот Арина и продавала, с каждым разом чуть успешнее.

– Значит, ты должна понимать, – сказала Марго с мягким укором. – Для меня это не блажь, не дурь и не забава. Я их всех, – она постучала по стеклу, – люблю как родных. Вот тот рогатый, видишь?

– Бараний?

– Козий. Я нашла его на пустыре. Лежал себе в грязи сиротинкой, а теперь смотри какой красавец! Отполированный, отлакированный. На рогах – вон гляди – серебряная проволочка, на свету так играет! – Марго снова вздохнула и сказала уже другим, деловым тоном: – Ладно, хватит предаваться унынию! Ты вон ту дверку открой, там на верхней полке – ежедневник. Забирай и пошли, а то задержались мы тут. Сейчас баба Валя нагрянет с инспекцией или Зойка, чего доброго, вернется.

Арина подчинилась с радостью. В черной комнате с черепами, у каждого из которых своя история, ей было не то чтобы жутко, но как-то не слишком уютно. Но Марго после этого визита она стала понимать чуть лучше.

Баба Валя пила чай на кухне. К столу она Арину, слава богу, не позвала, лишь строго спросила:

– Комнату заперла?

– Да! – Арина повесила ключ на гвоздь, остро осознав в это самое мгновение, что хозяйке ни ключ, ни коллекция, ни маскирующийся под Черную книгу справочник о лекарственных растениях средней полосы России не понадобятся больше никогда. Хозяйку этого маленького странного мирка кто-то ограбил и убил.

Блэк ждал их на улице. Он появлялся и исчезал по собственному желанию, но Арина всегда чувствовала с ним незримую связь. Может быть, такую же связь чувствовала Марго со своей кошкой Марусей.

– Ну, давай смотреть! – потребовала гадалка, с которой на свежем воздухе слетела вся меланхолия.

Арина огляделась. Дождь прекратился, но небо было по-прежнему затянуто тучами. Чтобы без спешки изучить ежедневник, нужно найти сухое и не слишком многолюдное место, где она могла бы разговаривать с пустотой и не выглядеть при этом душевнобольной.

– Есть тут поблизости какое-нибудь уединенное место, где мы можем спокойно поговорить? – спросила Арина.

Марго понимающе кивнула, ненадолго задумалась.

– Есть парк. Тут совсем близко. В такой час нас там точно никто не потревожит. Если только собачники. Пойдем!

В парке, неожиданно красивом и густом, и в самом деле было малолюдно. Арина не заметила даже обещанных Марго собачников, зато увидела ажурную беседку на противоположном конце аллеи. Там оказалось сухо и относительно чисто, сидеть на деревянной скамейке было вполне комфортно. Арина достала ежедневник, раскрыла на последней исписанной странице. У Марго был аккуратный каллиграфический почерк, записи она вела очень подробно и педантично, что для ее порывистой, творческой природы казалось странным.

– Не тут смотри. – Гадалка уселась рядом, заглянула в ежедневник. – Это записи будущих консультаций. Видишь, тут стоит вчерашнее число. Ищи двадцать девятое августа. Все, стоп!

Двадцать девятого августа, как сообщал ежедневник, у Марго планировалось одно-единственное мероприятие. С чуть большим нажимом, чем обычно, на мелованном листе оказалось выведено непонятное: «Круг – 12.00. «Сосны». Электричка в 8.45».

– «Сосны» – это же профилакторий? – Арина посмотрела на Марго.

О том, что «Сосны» – не название поселка, не какой-нибудь клуб, а именно профилакторий, она подумала в ту самую секунду, как увидела запись. И прозрение или особенное чутье было тут ни при чем. Просто профилакторий «Сосны» некогда принадлежал заводу литья и нормалей – единственному градообразующему и значимому предприятию того самого городка, в котором она сейчас обитала, и располагался в прекрасном сосновом бору в трех километрах от Ариного дома. Кстати, и железнодорожная станция, от которой в бор уходила старая бетонная дорога, тоже называлась «Сосны». Наверное, чтобы туристы и отдыхающие не промахнулись.

Марго выглядела одновременно и озадаченной, и задумчивой, на вопрос Арины отвечать не спешила, рассеянно поглаживала свою Марусю.

– Ты консультировала кого-то в профилактории? – Арина решила не сдаваться. – Встреча была очень важной, если ты туда поехала и больше не

назначила ни одной консультации в тот день. Кстати, что это за круг такой?

– Да, встреча была очень важной. – Марго словно очнулась от сна. – Я вспомнила!

– Ты вспомнила, кто тебя убил?

– Нет, я вспомнила, что делала двадцать девятого августа. Это не консультация и не клиент. Дура я, что ли, таскаться к клиентам в такую даль? Это Круг! Меня должны были принять в Круг!

– Куда тебя должны были принять? – Возбуждение, в которое пришла Марго, одновременно и радовало, и настораживало. Чувствовалось в нем что-то... подозрительное.

– Меня должны были принять в ведьмовской круг. – Марго понизила голос и огляделась по сторонам.

– Ведьмовской круг... – повторила Арина, начиная понимать причину своего беспокойства.

Сначала спиритические сеансы, которые на деле сплошная психология и надувательство, потом гадание на картах, которое «в девяноста девяти случаях – попадание в яблочко», а теперь вот еще и ведьмовской круг. Детские игры взрослых людей. Глупость. Да, но что-то же привело Марго к смерти...

– Только не вздумай смеяться. – Гадалка смотрела на нее напряженно. – Такая, как ты, не должна смеяться над столь серьезными вещами.

– Я не смеюсь. Просто ничего не понимаю.

– Конечно, потому что ты одиночка. Сама по себе. Ясно?

Арине ничего не было ясно, но на всякий случай кивнула.

– В нашем бизнесе тоже каждый сам по себе. Конкуренция и все такое, но есть то, что нас объединяет. Самых сильных из нас. Настоящих ведьм! – добавила Марго с гордостью.

– Этот ваш ведьмовской круг?

– Да, и не вздумай сказать, что все это чушь!

– Не буду.

– Правильно! Потому что это никакая не чушь, а, наоборот, очень большая честь.

– Это что-то вроде магического профсоюза? – предположила Арина. Ей все еще хотелось придумать логическое оправдание неразумному поведению.

– У нас нет профсоюза, – отмахнулась Марго. – Есть «крыша», но не у всех, а у самых-самых, тех, что на виду и постоянно в телевизоре. Круг – совсем другое, это посвящение, переход на новую ступень.

– Курсы повышения квалификации? – Ей вспомнились липовые дипломы в золоченых рамках. Вдруг не все они сделаны в фотошопе? Надо было изучить их повнимательнее.

– Ты на самом деле дура или притворяешься? – Марго уже не скрывала раздражения.

– Я просто не понимаю, что такое этот ваш Круг.

– Круг – это Круг! То, о чем мечтает всякая женщина со сверхспособностями. Это совершенно новый уровень, это статус, поддержка и перспективы.

– Карьерные?

– И карьерные в том числе. В Круг не попасть по блату или за деньги. Многие даже не знают о его существовании, а те, кто знает, уже на голову выше остальных.

– Ты знала?

– Да. Уже два года как. А потом меня пригласили.

– Вот просто так взяли и пригласили в самый элитный и закрытый Круг?

– Не веришь? – Марго нахмурилась, черные ногти впились в расписную черепушку.

– Я пытаюсь понять, – в который уже раз сказала она.

– Не просто так. Там ничего не делается просто так. Сначала я прошла предварительное испытание.

– Какое?

– Не знаю. Они просто сказали, что я его прошла. Может, погадала кому-то удачно. Скорее всего, погадала. Что еще можно с меня взять? Спецэффектами таких, как они, не проведешь, а гадаю я и в самом деле хорошо.

– Они – это те, кто входит в Круг?

– Да, лучшие из лучших, сильнейшие. И я должна была... – Подведенные алой помадой губы Марго страдальчески скривились. – А теперь все... конец, – прошептала она.

Арине казалось, что, наоборот, не конец, а начало, но это было слишком эгоистично по отношению к мертвой гадалке, потому она попыталась повернуть разговор в более дипломатичное русло.

– Значит, эти могущественные... ведьмы оценили твои способности и пригласили в Круг?

Марго молча кивнула.

– И поэтому ты отправилась в пансионат? Чтобы пройти какое-то специальное посвящение?

Марго снова кивнула.

– И прошла?

– Это были смотрины. Я должна была показаться им всем, продемонстрировать свои способности, впечатлить. – Голос Марго менялся, в нем появились неуверенные нотки, словно она вспомнила еще кое-что очень важное, но не спешила делиться воспоминаниями.

– Ты ведь их впечатлила?

– Нет! – Расписанная под гжель черепушка взлетела в воздух и, описав широкую дугу, упала на мокрую землю. – Нет, – повторила Марго уже спокойнее, с равнодушной отстраненностью наблюдая, как на черепушке аккуратно сжимаются челюсти Блэка, – я их не впечатлила. По крайней мере, одну из них.

– Блэк, нельзя! – сказала Арина строго.

– Неси сюда, – велела Марго с несвойственной ей обреченностью. – Отдай.

Блэк шагнул в беседку, черепушка упала на колени к Марго.

– Спасибо. – Она коснулась его холки, но тут же отдернула руку, словно вспомнив, что терпеть не может собак, пробежалась пальцами по голубым узорам.

– Кто-то один отклонил твою кандидатуру? – спросила Арина, глядя поднырнувшего под руку Блэка. – У них там все так серьезно?

– Не один, а одна. В этот Круг входят только женщины. И да, у них все серьезно. Кандидатку должны одобрить все без исключения, а эта сучка меня прокатила, сказала, что гадание на картах – не настоящий дар, а так... ремесленничество. Она сказала, что уважающая себя ведьма должна обходиться без костылей. Представляешь? Мои карты – это костыли, подпорки для неумехи!

Из всего сказанного Арина услышала лишь одно слово.

– Они точно ведьмы? Самые настоящие? Ты хотела вступить в профсоюз ведьм?

– Так они себя называют. Знаешь ли, быть ведьмой нынче модно. Вчера считалось модным называться биоэнерготерапевтом, а сегодня – потомственной ведьмой. – Марго невесело усмехнулась, подолом платья вытерла и без того чистую черепушку. – А свой профсоюз – ну ты и придумала! – они величают Кругом.

– И устраивают шабаши на Лысой горе в Вальпургиеву ночь?

– Нет, ты точно дура. – Марго посмотрела на нее с жалостью. – Двадцать первый век на дворе. Какие шабаши!

– А какой Круг? – в тон ей спросила Арина.

– А вот такой, в который не всех берут.

– Кто отклонил твою кандидатуру?

– Да была там одна... – Марго скрипнула зубами. – И ведь самое обидное, соплячка, такая, как ты. У нее молоко еще на губах не обсохло, а они ее послушали. Костыли им, курицам магическим, не понравились! Сил у меня мало! Ремесленница я, не ведьма!..

Она говорила, а в голосе ее слышались такая злость и такая обида, что Арина вдруг подумала: ведь убийства могло и не быть. Марго импульсивная, ранимая. Что она могла сделать в состоянии аффекта?

– погоди-ка! – Марго подалась вперед, впиалась колючим взглядом в Аринино лицо. – Ты сейчас о чем думаешь? Что я на себя руки наложила?! И потому с тобой сейчас тут мыкаюсь?!

Она не ответила. А зачем, если версия очень даже правдоподобная?

– Да ты, милочка, плохо меня знаешь! – Марго помахала пальцем прямо перед Ариным носом.

– Я тебе вообще не знаю.

– Вот и молчи!

– Я молчу.

– И не думай даже! Я не такая!

«Я не такая, я жду трамвая...» – Арине вдруг сделалось так тоскливо, что хоть волком вой. Все не такие, все хотят казаться лучше, чем есть на самом деле. И она не исключение.

– Знаешь, что я сделала? – Марго перестала орать, перешла на шепот: – Я ей отомстила.

Час от часу не легче! Арина вздохнула:

– Как ты ей отомстила? Боюсь даже спрашивать.

– Огрела костылем.

– Каким костылем?.. – Все-таки не все в порядке с Марго, не слишком она вменяемая.

– Я разложила свои карты.

От сердца отлегло. Значит, костыли – это фигура речи. Марго всего лишь погадала оппонентке. Так себе, конечно, месть...

– Всего один расклад, – продолжала шептать Марго. – Мне показалось это очень важным. А карты у меня всегда с собой... были. Видела бы ты ее лицо. – Она победно вздернула подбородок. – Видела бы ты их лица, когда я начала говорить. Эта малолетка пыталась меня остановить, но ОНИ ей не позволили. Знаешь почему?

– Почему? – Ей и в самом деле было интересно, почему ведьмовской круг позволил вздорной Марго совершить свою маленькую месть. Кстати,

почему мечь? Что плохого она сделала?

– Потому что, когда ведьма предсказывает, перебивать, а тем более останавливать ее нельзя. Это закон!

– Ты гадала...

– Я предсказывала! – повторила Марго упрямо. – Считаю это озарением. У любой из нас такое время от времени случается, когда ты не ведаешь, что творишь, но точно знаешь, каким будет результат.

Кончики пальцев закололо тысячами иголок, как электрическими разрядами. Однажды Арина совершила то, о чем сейчас говорила Марго. Именно совершила, а не сделала, потому что оправдать такое почти невозможно. Как невозможно и остановить.

Арина сжала пальцы в кулаки и сунула их поглубже в карманы ветровки. От греха подальше.

– Что ты ей предсказала?

– Смерть... – Марго посмотрела на Арину одновременно победно и испуганно. – Я сказала, что смерть ее будет страшной и темной... – Она замолчала, схватилась за горло, словно ей не хватало воздуха, и громко всхлипнула: – Это из того, что я помню. Наверное, я говорила еще что-то, потому что у них... у них у всех были ошеломленные лица... А я видела перед собой только карты, и не простенький расклад, а такой... необычный.

– То есть ты в тот момент находилась в измененном состоянии сознания? – Даже сжатые в кулак пальцы все равно продолжало покалывать.

– Я не знаю! – Марго сорвалась на крик, и Блэк посмотрел на нее с жалостью. – Они меня прогнали. Выставили за дверь, словно какую-то попрошайку. Не дали больше сказать ни слова, оправдаться. Я успела лишь собрать карты.

– Ты точно их собрала? – Этот вопрос был важен, потому что Марго могла забыть карты. И тогда получается, что их никто не крал.

– Да, я уверена. Они стояли надо мной этим своим чертовым Кругом, а я ползала по полу, собирала карты и видела только носки их туфель. Кажется, я пыталась извиниться, но они не стали меня слушать, велели уходить.

– А эта... малолетка?

– Она плакала. – Марго больше не выглядела победительницей. И, кажется, сама готова была расплакаться. – Я знала, что ей стыдно, ведь она ведьма Круга, избранная. Но даже такие боятся смерти. А я ей предсказала... – Марго издала странный звук, не то икнула, не то всхлипнула, прижала к груди свою черепушку, попросила жалобно: – Давай

туда съездим. Я не помню больше ничего, но если увижу... Мне нужно туда. Понимаешь?

– Хорошо. Мы поедem. – Арина едва удержалась от того, чтобы не погладить призрачную Марго по рыжим волосам.

* * *

В электричке было малоллюдно, всего несколько человек на весь вагон. Марго сидела молча, думала о чем-то, не пыталась даже заговорить. Арине это молчание было только на руку. Ей тоже хотелось поразмыслить над услышанным. Жизнь, уже утвердившаяся, успокоившаяся, снова дала крен, повернулась темной своей стороной. Ведьмы, Круг, испытание...

В свое время она тоже прошла испытание, и имя ее теперь на веки вечные вырезано на коре старого дерева, которое существует в другом, куда более странном мире. Арина ведьма, самая настоящая, получившая силу и пытающаяся с этой силой ужиться. Но выставлять ее напоказ, мериться ею с другими... ведьмами... Стать частью сообщества избранных... Хотела она для себя такого?

Ответ лежал на поверхности, его не нужно было извлекать из глубин подсознания. Арина не хотела становиться такой, как эти... из Круга. Пусть она будет чуть лучше, умнее, интереснее обычных людей, но не фатально другой.

– Подъезжаем, – из задумчивости ее вывел голос Марго. – Наша остановка. И дождь опять зарядил. Ненавижу его...

Они вышли на глянцевый от луж перрон, единственные из всей электрички, постояли немного в молчании. Здесь, вдали от цивилизации, неминуемость осени чувствовалась особенно сильно. Наверное, из-за тишины и дождя. Арина раскрыла зонт, Марго брезгливо провела ладонью по совершенно сухим волосам, улыбнулась непонятно чему. Блэк сразу же нырнул в лесную чащу.

– Ну, пойдem, что ли? – спросила Марго, ступая на проржавевшую лесенку, соединяющую железную дорогу с бетонной. – Что мокнуть без толку!

– Ты шла этой дорогой? – Арина посмотрела на выщербленную бетонку.

– А другой тут нет. – Марго пожала плечами.

– И обратно тоже?

– Наверное.

– Может, тропинкой? Здесь наверняка должны быть какие-то тропинки.

– На этой станции, – Марго раскинула руки, словно пыталась объять необъятное, – я второй раз в жизни. То есть при жизни я была тут однажды, после смерти вот еще раз. Откуда же мне знать про здешние тропинки?

В этом была логика. Арина и сама не стала бы блуждать по незнакомому лесу, а пошла бы торным путем. Но что-то подсказывало ей, что тело Марго нужно искать здесь, в этом бору. В лес ее ведь могли и заманить. Или перенести сюда тело. Но где его искать?

Первобытную лесную тишину вдруг нарушил первобытный волчий вой. Нет, не волчий – песий. Выл Блэк.

– Что это с ним? – Марго поежилась. – Как по покойнику.

Они молча переглянулись.

Как по покойнику...

Несмотря на ветровку и ботинки на высокой шнуровке, Арину до самых костей пробрал холод. Такой же первобытный, как и похожий на волчий вой Блэка.

– Это же он по мне... – Взгляд Марго сделался диким. – Он меня нашел. Да или нет?!

Она не знала. То есть не была уверена. Чтобы узнать наверняка, им просто нужно войти в лес. Собственно, они ведь за этим сюда и приехали, чтобы найти тело Марго. Так чего теперь трусить, покрываться мурашками и холодным потом?

– Хуже, чем есть, уже не будет. – Марго пришла в себя первой и первой сбежала по лесенке.

Арина двинулась следом, неуклюже, как механическая кукла. Черная ведьмакова кровь, что текла теперь по ее венам, нашептывала, что может быть гораздо хуже. Они просто еще не знают, с чем им придется столкнуться.

Мокрые листья скользили под подошвами ботинок. Зонт постоянно цеплялся за ветви деревьев, и его пришлось сложить. Теперь с веток на лицо и за шиворот сыпались холодные капли. Марго шла впереди, шла молча и сосредоточенно, прижимая к груди кошачью черепушку. Вой Блэка становился все громче, все отчетливее, а лес вокруг все гуще, все темнее. Ни единая живая душа, находясь в здравом уме, не решилась бы гулять в этом диком месте. Или не таком уж диком? Впереди среди ветвей и стволов замаячил просвет, а уже через минуту они вышли к квадратному, явно рукотворному пруду.

Если когда-нибудь за ним и ухаживали, то те времена давно минули.

Сейчас пруд больше походил на грязную, затянутую тиной и ряской лужу с поросшими рогозом берегами. О том, что когда-то это место было обитаемым и цивилизованным, говорила прогнившая деревянная беседка да выложенная расколотой тротуарной плиткой дорожка, убегающая к маячащей в пелене дождя серой стене пансионата. Арина как-то сразу поняла, что это пансионат, тыловая его часть – серая, непрезентабельная, спрятанная от взыскательных взглядов отдыхающих.

Блэк сидел на берегу пруда, внимательно всматриваясь в побитую дождем черную водную гладь. Арина уже видела такую воду. Черные болотные озера-оконца, бездонные, заселенные страшными монстрами... Зубы громко клацнули, словно от испуга, челюсти свело судорогой.

– Вот, значит, где я... – Марго встала рядом с Блэком. Взгляд ее был прикован к воде. – Кто бы меня здесь нашел, а?

– Ты уверена? – Ей очень хотелось, чтобы Марго ошибалась, чтобы в этом грязном пруду не было никого и ничего, кроме безобидных лягушек. Или пусть даже пиявок! Ей все равно. Что угодно, только не то, что они ищут.

– Мы должны убедиться, – сказала Марго таким тоном, от которого к горлу подкатила тошнота. – ТЫ должна убедиться. Мое тело где-то у берега. Здесь неглубоко.

– Я не могу! – Арина попятилась от Марго и от пруда, похожего на черное болотное озерцо. – Даже не проси.

– Нет, это я не могу. – Марго протянула руку, демонстрируя, как дождевые капли прошивают ее насквозь. – Ты единственная из нас, кто может.

Тошнота не проходила, рот наполнился горькой слюной. Арина отступила еще на шаг. Блэк смотрел на нее с жалостью.

– Возьми палку, – сказала Марго сухим, незнакомым голосом. – Вон, видишь, лежит палка! Ее длины должно хватить.

– На что?

– На то, чтобы проверить глубину.

– А потом?

– Потом посмотрим. Бери палку!

Палка была скользкой, со следами гнили и лишайника, в руках она лежала неловко. Или Арина просто не хотела держать ее.

– Проверь вот тут. – Марго указала черепушкой место.

Блэк согласно рыкнул, посторонился, подпуская Арину ближе к берегу.

– Я не хочу. – Она зажмурилась.

– Ты единственная, кто в состоянии мне помочь. Давай! – Голос Марго

звучал совсем рядом, значит, она переместилась и сейчас стоит у нее за спиной.

– Как же я это ненавижу! – Арина набрала полные легкие воздуха, ткнула палкой черную гнилую воду.

Палка ушла вниз, пруд заглотил ее с довольным чавканьем, но, видимо, подавился, потому что она дернулась и замерла, упершись во что-то твердое, наверное, дно. Арине очень хотелось, чтобы в дно, а не во что-либо другое.

– Видишь, тут в самом деле мелко, – подбадривала Марго. – Попробуй чуть в стороне.

Арина попробовала. Палка, захваченная в плен чем-то невидимым, прячущимся под водой, не поддалась.

– Сильнее! Что же ты дохлая-то такая?! – Марго злилась, но за злостью ее скрывался страх. Столь же сильный и парализующий, как и Аринин.

Она налегла на палку, навалилась всем весом. Ботинки заскользили, и мокрый глинистый берег вдруг ушел из-под ног, а черная вода, наоборот, стала очень близкой, притянула, приняла в свои холодные объятия.

Мир изменился в мгновение ока: прямые берега округлились, замкнулись в кольцо-колодец, дождь превратился в пахнущий гарью туман и обрушился сверху, как коршун на добычу. А черная вода закипела, вспучилась. Из бездонных глубин поднималось нечто, потревоженный вековой монстр, готовый обвиться вокруг ее ног тугими скользкими кольцами, утянуть в свое мертвое царство однажды спасшуюся добычу. А Волкова нет! И никто ее не спасет, не убьет монстра, не протянет руку помощи...

Арина закричала. Она кричала, захлебываясь криком и гнилой болотной водой, которая вздувалась огромным пузырем прямо перед лицом.

– Арина, хватит! – Визгливый незнакомый голос в этом дымно-болотном мире казался чужеродным, он заглушил ее собственный крик и, странное дело, успокоил. – Все в порядке! Тут мелко! Да открой же глаза!

Арина подчинилась. Ей казалось, что глаза и до этого были открыты, но нет – все не так! Нет бездонного болотного озерца и пахнущего гарью тумана. И главное – главное! – нет никакого монстра!

Арина стояла по колено в воде, у самого берега. В руках у нее была палка, которую она все-таки выдернула из заиленного дна. Марго кричала с берега и размахивала кошачьей черепушкой. Все монстры, все кошмары, оказывается, жили только у Арины в голове. Дремали на самом дне памяти,

поджидали удобного момента, чтобы вынырнуть, ухватить ее за горло холодными лапами, обвиться вокруг ног тугими змеиными кольцами. Маленького толчка, падения в обмелевший лесной пруд хватило, чтобы они вернулись и почти победили.

– Да что с тобой такое?! – спросила Марго с берега. – Я думала, ты свихнулась.

– Нет, я просто кое-что вспомнила, – только сейчас она почувствовала холод, промокшие джинсы липли к телу, ботинки набрякли и, кажется, медленно вращались в ил.

– Славные, наверное, воспоминания.

– Не особо. – Таким не поделишься даже с лучшей подругой, не то что со случайной мертвой знакомой. Понять Арину может только Волков, потому что он тоже это видел, но его больше нет рядом с ней. «Звони, если что...»

Арина переступила с ноги на ногу, внизу что-то чавкнуло. Она отступила на шаг и уже собралась выбираться, когда увидела это...

«Это» было похоже на подвявший цветок лилии. Белые лепестки с черной траурной каймой. Нет, не белые, а синюшные, и не лепестки, а пальцы с черным, кое-где облезшим лаком.

– Вот мы тебя и нашли... – Голос Марго дрогнул. – Так, только не истери, я прошу тебя. Хуже, чем есть, уже не будет.

Да уж куда хуже! Вот стоит она по колено в воде, рядом – только руку протяни – плавает мертвое тело, а на бережке его хозяйка призывает всех свихнувшихся взять себя в руки. Нет, это не она сошла с ума – мир сошел с ума!

Из пруда Арина выбиралась с каким-то молчаливым остервенением, стараясь не слушать, что там говорит ей Марго. Выбралась, опираясь на палку, отковыляла подальше от края, привалилась спиной к мокрому сосновому стволу, зажала уши руками, зажмурилась. Все, она в домике! Никого не вижу, никого не слышу! Нет меня!

В домике ей удалось побыть недолго. В монотонное бубнение Марго вплелось жалобное подвывание Блэка. Глаза пришлось открыть. И уши тоже...

– Не прячься, – сказала Марго строго. – От этого не спрячешься.

Но хоть попытаться-то можно?..

– Ее нужно перевернуть.

– Кого? – Блэк успокаивающе ткнулся головой ей в колени.

– Меня... мое тело. Я хочу посмотреть, что с ним не так.

– С ним все не так. Оно мертвое!

– Я хочу знать, отчего оно мертвое.

– Нет!

Арина точно знала, трогать тело нельзя: не переворачивать, не вытаскивать из пруда, не смотреть в мертвые глаза Марго. Она и так уже достаточно сделала. Она могла тут... наследить.

– Почему нет? – Марго не желала понимать. Она хотела лицом к лицу встретиться с собственной смертью.

– Потому что с меня достаточно. – Холод пробирал до костей, зубы выбивали барабанную дробь, хотелось домой – разжечь огонь в камине, выпить чашку горячего кофе... и все забыть. – Я обещала найти твое тело, я это сделала. В остальное меня не впутывай.

Да, Арине никак нельзя впутываться! Она живет по фальшивым документам, ее подозревают в убийстве. Если полиция свяжет ее с трупом, разбираться никто не станет.

– И что теперь? – Марго не сводила взгляда с черной воды пруда. – Я так и останусь тут... гнить? Это то, чего я заслуживаю?

Арина молчала, не вступала в диалог. Молчание – золото, а ей пора домой.

– Ты хотела бы для себя подобной смерти? Чтобы вот так, не людски, в вонючей луже?!

– Я позвоню в полицию, тебя найдут. – Молчать не получалось. И все из-за слишком живого воображения. Будь оно неладно! Ей ничего не стоило представить себя мертвой в этом грязном пруду, брошенную, как ненужный хлам.

– Найдут... – Марго горько усмехнулась. – А потом? Они станут разбираться, что со мной случилось? Отыщут того, кто это сделал?

Не факт, действительно. Но разбираться сама она не станет. Ни за что!

– Мне пора! – Арина оттолкнулась от сосны, поясница заныла, как у вековой старухи. – Я сейчас околею.

– Ты обещала помочь! – Марго переместилась. Только мертвые умеют делать это так стремительно. Ноготь с облезшим черным лаком уперся Арине в грудь, и там, в груди, что-то кольнуло, словно иголкой.

В ту же секунду Марго отшвырнуло в сторону, размазало чернорыжими сполохами по мокрой земле, почти уничтожило. Арина отшатнулась, больно ударилась затылком о сосну. Из глаз посыпались искры.

– Прости, я не хотела. – К Марго, распластанной на берегу, она шагнула на ощупь, вслепую. – Не знаю, как это случилось.

Да, она не знала, но черная ведьмакова кровь знала все: как

защищаться и как нападать. Блэк был рядом, полз на брюхе за Ариной и тихо поскуливал. Может, та сила, что хлестнула Марго, задела и его? Арина упала на колени, обхватила своего пса за шею, прижалась щекой к черному шерстяному боку. Блэк замер, позволяя огладить себя и ощупать, давая хозяйке время прийти в себя и принять правильное решение.

В уголовных делах она беспомощна, но есть человек, который многое может, который однажды сказал ей: «Звони, если что». Мертвое тело в заброшенном пруду – это достаточный повод для звонка? Да или нет? Она не знала, но особого выбора у нее не осталось.

Марго сидела, съежившись, смотреть Арине в глаза не хотела или боялась.

– Я не стану сообщать в полицию. – Арина опустилась рядом, прямо на мокрую землю. – Но позвоню одному человеку, который может все. Он нас выручит. Надеюсь...

– Я не собиралась на тебя нападать. – Марго посмотрела на нее сквозь рыжую занавесь из волос. – Я просто психовала.

– Я тоже не хотела. Это что-то вроде инстинкта.

– Думаю, я совершила большую ошибку. – Марго откинула с лица волосы, криво усмехнулась: – Ты последняя, к кому могла обратиться за помощью такая, как я. Но я и при жизни была не особо разборчивой.

– Даже не стану это комментировать. – Арина встала. – Я постараюсь тебе помочь, сделаю все, что будет в моих силах, но с полицией мне связываться нельзя.

– Ты в бегах, что ли? – Марго посмотрела на нее с любопытством.

– Вроде того.

– А по виду и не скажешь.

– Стараюсь. – Арина поежилась. – Я позвоню этому... человеку из дома. Мне нужно переодеться и согреться. Идти в пансионат в таком виде не имеет смысла. Возвращаемся!

Они уже были достаточно далеко от пруда, когда Блэк призывно рыкнул откуда-то из полуразвалившейся беседки.

– Он что-то нашел? – спросила Марго.

– Сейчас посмотрим.

Блэк и в самом деле что-то нашел – мобильный телефон в чехле со стразами. Он лежал под скамейкой, в полумраке беседки заметить его было трудно.

– Это мой, – сказала Марго. – Должна быть еще сумка.

– Она, скорее всего, в пруду, а телефон выпал. Где ты обычно его носила?

– В кармане. Там же, где и карты. Все самое важное должно быть под рукой. Он работает?

– Нет, батарейка села. – Арина сунула телефон в карман куртки. – Нам пора возвращаться.

Возвращались пешком. Ближайшую электричку пришлось бы ждать несколько часов, а три километра вдоль путей – это не так уж и много. Конечно, если ты перед тем не купался в пруду прямо в одежде.

– Я замерзла, – сказала Арина, распахивая дверь своего дома. – Это невыносимо.

Она сбросила в коридоре ботинки, на ходу стаскивая с себя мокрые джинсы, прошлепала в ванную. Планы изменились: сначала горячая ванна, а потом все остальное. Ей нужно отмыться, согреться, перевести дух и собраться с мыслями.

Марго ждала в комнате, деликатно присев на самый краешек тахты. Блэк лежал на своем любимом месте у порога.

– С легким паром! – сказала Марго церемонно.

– Благодарю. – Арина принялась разводить камин, на сей раз не экономя вишневые полешки. – Мне нужно немного времени, – сказала она, не оборачиваясь.

– Ты не хочешь ему звонить? – слышалось за спиной. – Этому человеку, который может все.

Она хотела, но боялась. Чего? Ворваться в чужую жизнь незваной гостьей, потревожить, показаться навязчивой. Когда дело касалось Волкова, она боялась сразу многих вещей.

– Он настоящий профессионал, – сказала Арина уклончиво.

– Много берет за работу? – Даже после смерти Марго оставалась прагматиком. – Я заплачу, у меня есть заначка. Потом расскажу тебе где.

– Он просто очень занятой, но я постараюсь. – Арина переместилась на кухню. Марго и Блэк последовали за ней. – Только у меня есть одна просьба, – сказала она чуть виновато. – Я хотела бы поговорить с ним без свидетелей.

Это было правильно. Такие разговоры... нет, любые разговоры с Волковым лучше вести без посторонних. Ей и так будет тяжело.

– Я могу погулять в саду, – сказала Марго деликатно. – Вишневый сад – это такая романтика.

В залитом дождем саду не было никакой романтики, но Арина благодарно кивнула.

– Позови, как закончишь. И можешь не спешить, я же понимаю.

Ничего она не понимала! Как можно понять то, что не поддается

никакому анализу, что засело в сердце острой колючкой?

– Спасибо, – сказала Арина и поставила на огонь джезvu.

То, что Марго больше нет на кухне, она просто почувствовала. Так же, как могла чувствовать присутствие Блэка.

Мобильный телефон лежал на столе, призывно поблескивая полированным боком. Нужно было лишь набрать номер, который она давно знала наизусть. Но Арина не стала, ей требовалось подготовиться, придумать, как бы лучше обосновать этот свой звонок.

Кофе едва не убежал. Она успела снять джезvu с огня в последний момент, из навесного шкафчика достала позабытые Иркoй сигареты. Тоненькие, коричневые, пахнувшие как-то по-особенному, так, что даже ей, некурящей, хотелось их попробовать. И она попробовала. Сунула зажженную сигарету в рот, придвинула к себе чашку с кофе и телефон, выжидающе посмотрела на часы с кукушкой, которые почти в ту же секунду заскрежетали и закуковали. Все, время пришло.

Телефон в руке подрагивал, и сигарета во рту подрагивала тоже, но она справилась, номер набрала с первой попытки и затаилась, прислушиваясь к тишине в трубке. Тишина длилась, казалось, целую вечность, а потом что-то мурлыкнуло, и знакомый, но уже почти забытый голос произнес:

– Арина? Что случилось?

И этому почти забытому по-голливудски красивому голосу нужно было что-то ответить, а у нее все никак не получалось.

– Арина? – позвали из трубки.

– Это я, – сказала она первое, что пришло в голову. Конечно же, совершенную глупость.

– Да, это ты. Тебе что-то нужно?

Конечно, нужно. Он прав. Без особой надобности Арина не стала бы ему звонить. Целый год она не звонила. Даже чтобы сказать спасибо, когда получила его подарок. Но теперь ситуация серьезная.

– У меня к тебе дело, – сказала Арина, наблюдая, как столбик пепла падает в чашку с кофе.

– Я слушаю.

Вот так по-деловому, профессионально. У Арины к нему дело, и он ее слушает.

Она рассказала все без утайки, Волкову можно было рассказать даже про мертвую Марго. Только ему и можно было. Арина почти не запинаясь, голос ее не дрожал, и она успела сделать целых три затяжки до того, как сигарета догорела до самого фильтра.

– ...Я подумала, ты мог бы нам помочь.

- Я сейчас далеко.
- Это означает «да» или «нет»?
- Это означает «я попробую». Ты сильно там наследила?
- Нет, не думаю. Там шел дождь. До сих пор идет. Он все смывает.

Наверное.

- И твоя знакомая уверена, что ее убили, но при этом не помнит кто?
- Да.
- А так бывает?
- Не знаю. Я с таким раньше никогда не сталкивалась.

В трубке слышались музыка и женский смех. Горло свело судорогой, Арина сделала глоток приправленного пеплом кофе.

– Ты нам поможешь? – спросила она чужим механическим голосом.

– Я посмотрю, что можно сделать. – Смех из трубки исчез, и дышать стало легче.

– Мы тебе заплатим. – У Марго есть заначка, да и сама она не сидит без гроша в кармане. А такие, как Волков, настоящие профессионалы, берут дорого. – Ты только скажи сколько.

– Я позвоню, когда что-нибудь узнаю. – Голливудский голос в трубке был спокоен и отстраненно вежлив. – Сама никуда не суйся.

– Спасибо.

Он не стал дожидаться ее благодарности, равнодушные механические гудки заглушили никому не нужное «спасибо». Арина аккуратно положила мобильный на стол, прикурила еще одну сигарету, залпом допила остывший кофе и только потом разревелась.

* * *

Волков позвонил через день. Поздним вечером, почти ночью.

– Не спишь? – спросил он вместо приветствия.

Арина не спала. Со сном в последнее время у нее были трудности. Ночью она металась, а утром просыпалась обессиленной, выжатой как лимон. И дело тут не в поселившейся в ее доме Марго. После событий, произошедших в лесу, после того как заявила о себе дремлющая в Арине сила, гадалка стала на удивление деликатной. Иногда это даже начинало угнетать, но не спалось Арине по другой причине. Жизнь ее готовилась сделать еще один вираж, и ощущение грядущих перемен не давало покоя.

Был еще Волков, но о нем Арина вообще старалась не вспоминать и не думать. До тех пор, пока он не позвонил.

Марго, сидевшая в кресле перед камином, встрепенулась, вытянула шею, словно почувствовала, что именно этот полуночный звонок самый важный. Даже Блэк посмотрел на хозяйку вопросительно.

– Я не сплю, – сказала Арина вежливо и едва не добавила: «Я жду твоего звонка, почему ты так долго не звонил?»

– Ее нашли. Там, где ты и сказала. Достали тело из пруда.

– И?..

– Это не было убийством. Твоя знакомая врет или заблуждается.

– А что это было? Самоубийство?..

При слове «самоубийство» настороженно прислушивающаяся к разговору Марго изменилась в лице, прижала к груди свою черепушку.

– Несчастный случай. В легких нашли воду. – Волков говорил медленно, терпеливо, словно Арина была неразумным ребенком. – Она утонула.

– Ты был там? – спросила Арина очень тихо. – На месте... убийства?

– Происшествия, – поправил Волков. – Нет, был мой знакомый, а он очень грамотный следак.

– Я не знаю, какой он следак, но я там была. Я упала в тот чертов пруд... – Воспоминания, как страшный глубинный монстр, снова попытались всплыть со дна памяти, и Арина замотала головой, прогоняя их. – Там мелко, Волков. Воды в этом пруду по пояс. – Она обернулась к гадалке, спросила: – Марго, ты умеешь плавать?

Та молча кивнула.

– Вот, – сказала Арина таким тоном, словно Волков мог видеть этот кивок. – Она умеет плавать!

– Умела, – поправил тот скучным голосом.

– Не важно. Там не пруд, а лужа, в которой не утонет и котенок, а Марго умела плавать.

– На теле не обнаружено следов насилия. Ее никто не топил, если ты на это намекаешь.

– Сама бы я никогда... – Марго испуганно заглядывала ей в глаза. – Я не самоубийца!

– Она не самоубийца! – крикнула Арина в трубку, словно Волкова можно было в чем-то убедить криком.

– Я этого и не утверждал. – Его голос был спокойным и ровным.

– А что ты тогда пытался...

– Я пытался сказать, что это несчастный случай.

– Этого не может быть! Ну не могла взрослая здоровая женщина случайно утонуть в том пруду.

– Твоя Марго не была здоровой, – отчеканил Волков. – Она страдала сахарным диабетом.

– Это как? – Арина растерянно посмотрела на притихшую Марго.

– Она нуждалась в регулярных инъекциях инсулина, несколько раз попадала в больницу с гипогликемией. Ты знаешь, что такое гипогликемия?

– Нет, – Арина помотала головой. – Что это?

– Это состояние, при котором в крови резко снижается уровень глюкозы. У диабетиков такое случается. Из-за дефицита глюкозы страдает головной мозг, человек теряет сознание. Понимаешь, Арина? Она могла упасть в пруд как раз в таком состоянии. Твою знакомую никто не убивал, это несчастный случай. Так иногда бывает. Именно поэтому она не помнит лица своего убийцы. Его просто не было.

А ведь он правильно и разумно рассуждает. И в полиции наверняка не дураки работают. А она пошла на поводу у Марго, поверила в сказку про ведьмовской круг и таинственного убийцу.

– Спроси у него про карты, – шепотом попросила Марго. По ее лицу было видно, что все сказанное Волковым она услышала.

– При ней имелись карты.

– Старинная колода карт таро, девятнадцатый век, – подсказала Марго, – в серебряном футляре. Если я сама... если это несчастный случай, карты должны быть при мне.

Карт не было. Волков в этом не сомневался, словно на столе перед ним лежал протокол осмотра места происшествия. А может, так оно и было. Это же Волков, лучший из лучших. У него везде свои люди: и в полиции, и в криминальном мире. Арина ему поверила, а вот Марго нет.

– Этого не может быть, – сказала она твердо. – Они что-то упустили. Карты всегда со мной. Скажи ему!

Арина сказала. Волков вздохнул, в трубке послышался щелчок зажигалки. Наверное, он закурил.

– Ты просила разобраться, – заговорил он наконец. – И я разобрался. Сделал все, что мог. Поймать несуществующего убийцу я не сумею. У меня дело, Арина. Очень серьезное. – Арине показалось, что она чувствует запах его сигареты и видит, как Волков хмурится. – Я не хотел бы больше отвлекаться.

Наверно, он хотел сказать «отвлекаться на всякие пустяки», но как настоящий профессионал промолчал. Арина ведь не дура, сама должна догадаться, что таких, как Волков, отвлекать пустяками нельзя. Может быть, в этот самый момент он спасает мир. А тут она со всякими глупостями. Арина могла бы спросить про телефон, который они нашли в

беседке, уточнить, почему карты Марго пропали, а мобильный валялся на земле, но не стала. Волков найдет ответ, все объяснит и разложит по полочкам. Он же настоящий профессионал, он вступает в игру, лишь когда вопрос идет о жизни и смерти. А тут клиент уже мертв совершенно очевидной, совершенно естественной смертью. И Арина не стала ничего спрашивать про телефон, вместо этого спросив о другом:

– Сколько мы тебе должны?

Волков очень долго молчал, и Арина не знала, злится он или производит в уме подсчеты.

– Я пришлю тебе чек, – сказал он наконец таким тоном, словно хотел сказать: я убью тебя. Так первое или второе? Он злился или считал?

Мысль была глупая и совершенно несущественная, поэтому Арина отмахнулась от нее, как от назойливой мухи.

– Еще одно...

– Да? – Сердце забило быстрее. Может, не все еще потеряно и за личиной профессионала прячется нормальный человек? Он же был нормальным. Год назад Волков, кажется, вообще был другим человеком.

– Передай этой своей... знакомой, что ее похороны состоятся завтра. Запиши адрес кладбища.

– И что? – Арина ничего не понимала.

– Наверное, ей пора?

– Куда?

– Туда! И послушайся доброго совета, не связывайся с такими...

– Однажды ты сам был почти таким же! – Она не дала ему договорить.

– А ты чуть такой не осталась! – Впервые за весь разговор в его голосе послышалось что-то похожее на эмоцию.

– Ведь не осталась же.

– Но предпосылки были. Поэтому мне никак не понять твоего стремления впутаться в сомнительную историю.

Что он может знать о ее стремлениях?! Волков исчез из ее жизни год назад, а теперь, когда Арина сама – сама! – ему позвонила, велит не лезть в сомнительные истории.

– Я разберусь, спасибо, – сказала она убийственно вежливым голосом.

– Не надо ни в чем разбираться. Я уже во всем разобрался.

– Низкий тебе за это поклон.

– Арина?

– Не забудь про чек.

Арина первой отключила связь, оборвала этот тяжелый, никому не нужный разговор. Она молодец, хоть и лезет в сомнительные истории.

Сжимая телефон в руке до хруста в суставах, не глядя на Марго, Арина прошла на кухню, вытащила из Иркиной пачки сигарету, закурила.

– Он нам не поможет, этот твой знакомый? – послышалось за спиной.

Марго переместилась из гостиной на кухню и сейчас сидела на любимом Ариным стуле.

– Он думает, что уже помог. – Она помахала перед лицом, разгоняя дым. – Волков считает, и полиция, кстати, тоже, что не было никакого убийства. Ты потеряла сознание, потому что в твоей крови резко упал уровень глюкозы, и поэтому ты свалилась в пруд. Нелепая случайность.

– Случайность, – повторила Марго. – А что я делала в такой глухомани? Куда делись мои карты? И почему телефон валялся в беседке? Этого он тебе не сказал?

– Я не спрашивала. Какая же я дура... – Арина глубоко затянулась сигаретой. – Нам сразу нужно было проверить твой телефон.

– Зачем?

– Затем, что тебе могли на него позвонить или послать сообщение. Кто-то назначил тебе встречу. Вот почему ты оказалась у пруда. Добраться до него из пансионата проще простого. Тебе кто-нибудь звонил после этого... экзамена?

– Я не помню! – Марго с досадой щелкнула по черепушке.

– Но ты могла бы так поступить?

– С незнакомцем вряд ли, – сказала Марго после недолгих раздумий. – Хотя я тогда была в таком состоянии... очень странном. Озарение отнимает много сил и выгрызает маленькие кусочки из души.

– А из памяти? Как озарение действует на нее? – Арина погасила сигарету, обеими руками уперлась в столешницу, уставилась на Марго. – Ты говорила, что ничего не помнишь с того момента, как начала гадать.

– Предсказывать!

– Хорошо, предсказывать. Сила, душа, память. От каждого по кусочку, и вот у тебя гипогликемия, и вот у тебя амнезия...

– И вот почему я не могу уйти, – шепотом закончила за нее Марго. – Моя душа была измотана, не подготовлена.

– Нам нужно посмотреть историю в твоём телефоне.

– Он разрядился.

– Завтра перед похоронами заедем в магазин, купим зарядное.

– Мы пойдем на мои похороны? – спросила Марго с неуверенной улыбкой.

Арина закусила губу. Надо было сначала думать, а уже потом делать такое сомнительное предложение. Многим ли захочется побывать на

собственных похоронах?

– Прости, Марго.

– А знаешь, это будет даже интересно. Посмотрим, кто придет. – Марго хлопнула в ладоши и едва не выронила Марусину черепашку.

* * *

Дождь перестал. Небо еще щетинилось тучами, но дождь перестал! Марго сказала, что это очень хорошо, что нет ничего более ужасного и унылого, чем похороны под дождем. Арина не стала спорить. В такой странный и, наверное, скорбный день она решила с Марго не пререкаться.

На кладбище у разверстой могилы оказалось малоллюдно. Тех, кто пришел проводить Марго в последний путь, можно было пересчитать по пальцам одной руки, и это если принять во внимание двух могильщиков. Зойку-змеюку и бабу Валю Арина узнала сразу. Они стояли у закрытого гроба, обнявшись, словно две сиротки. Баба Валя плакала, по морщинистым щекам катились крупные слезы, она утирала их уголком черной траурной косынки. Зойка прятала глаза за солнцезащитными очками вполлица. Именно за такими очками прячут скорбь элегантные леди в заграничных фильмах. Наверное, Зойка любила заграничные фильмы и знала толк в траурной элегантности. В руке она сжимала белоснежный платочек, который зачем-то подносила к носу, словно обнюхивая.

– Вот гадина! – Марго стояла, скрестив руки на груди, и не сводила гневного взгляда со своей теперь уже однозначно бывшей подруги. – Это же мои очки! Настоящая «Шанель». Я отдала за них чертову кучу денег, а она нацепила. Воровка! Сейчас все мои вещи к рукам приберет, еще и Джафарика... – Она не договорила, тихо всхлипнула, устремив взгляд в сторону от Зойки. Там на дорожке стоял мужчина кавказской наружности. Невысокий, коренастый, с сизым от щетины лицом, он неловко сжимал в широкой ладони букет из белых роз. Черные глаза его под кустистыми бровями поблескивали то ли гневно, то ли горестно.

– Джафарик, – сказала Марго ласково. – Пришел. И цветочки принес... Смотри, какой роскошный букет!

Букет и в самом деле был роскошным. И единственным на этих похоронах. Арина согласно кивнула. То, что Джафарик пришел на похороны, показалось ей очень важным и правильным. И Марго, которая с самого утра то билась в истерику, то делалась подозрительно тихой, увидев своего Джафарика, сразу успокоилась, расправила плечи, перестала

испуганно коситься на обтянутый пурпурным атласом закрытый гроб. Наверное, потому что осознала – есть люди, скорбящие по ней искренне, не демонстрирующие горя, а испытывающие его на самом деле.

– Белые розы, мои любимые, – сказала она с умилением. – И как много! Это же бешеные деньжищи! А Джафарик не пожалел... – Она вдруг всхлипнула, готовая разрыдаться.

– Не надо, Марго, – попросила Арина шепотом. – Не плачь.

– Я не плачу. Больно мне надо плакать! Я, если хочешь знать, наоборот, радуюсь. Он ведь мог и не приходить. Все равно меня не вернешь. А он пришел, цветы принес... – Марго снова всхлипнула, но тут же сказала уже совершенно другим, удивленным тоном: – А этих какой черт принес?!

По дорожке между двумя рядами свежих могил медленно двигалась странная процессия, возглавляла которую высокая стройная дама в черном платье-футляре и широкополой шляпе, закрывающей пол-лица. В отличие от Зойки, тщетно пытавшейся выглядеть элегантно, дама, в одежде которой все казалось безупречным, начиная от остроносых лодочек и заканчивая антикварной камеей на груди, была сама элегантность.

Следом как-то дергано, словно пританцовывая, двигалась то ли девочка-подросток, то ли сильно молодящаяся женщина в черных джинсах, ботинках на тракторном ходу, в потертой косухе и повязанной по-пиратски черной бандане. На сгибе ее локтя болтался мотоциклетный шлем.

Третьей шла дама, похожая на учительницу мышино-серым шерстяным костюмом, унылым пучком на затылке, туфлями на невысоких устойчивых каблуках и сумкой-портфелем, зажатой под мышкой. Эта женщина, которую про себя Арина окрестила училкой, внимательно смотрела себе под ноги, как будто шла по топкому болоту, а не по выложенной тротуарной плиткой дорожке.

Следом, тяжело переваливаясь на слоновьих ногах и обмахиваясь расписным веером, шагала невероятно тучная дама в черном безразмерном балахоне. Ее круглое лицо, состоящее, казалось, из сплошных подбородков, выражало крайнюю степень страдания. Арина ее понимала: при таком весе любая прогулка – сущая мука.

Наверное, причиной тому был контраст, но следующая за толстухой пожилая женщина выглядела совсем уж миниатюрной, почти карлицей. Она оказалась смуглолицей, с азиатским разрезом глаз и выдающимся крючковатым носом.

Замыкала процессию девушка-блондинка в черной замшевой куртке, мини-юбке и высоких ботфортах. Вид у нее был несколько... игривый,

никак не вяжущийся со скорбностью момента.

Вся эта странная процессия медленно, но уверенно двигалась к могиле Марго.

– Кто это? – шепотом спросила Арина.

Они с Марго прятались за широким надгробием, так, чтобы не привлекать внимания, но при том в деталях видеть все, что происходит.

– Это они, – сказала Марго со странной смесью гордости и злости. – Вот уж не думала, что удостоюсь.

– Они из Круга?

Легкий интерес перерос в жаркое, совсем уж неприличное любопытство. Впервые в жизни Арина видела ведьм. Ну, или тех, кто считает себя таковыми. И что же? Ничего не изменилось ни в ней, ни в окружающем мире. Черная ведьмакова кровь никак не отреагировала на присутствие подобных Арине, не распознала в этих странных дамах ни коллег, ни конкуренток. Может, расстояние слишком велико или дамочки вовсе не ведьмы? Или она сама недостаточно сильна, чтобы почуять сверхспособности в других.

– Из Круга, – отозвалась Марго. – Чего это они?..

– А которая из них та... малолетка? – По описанию на роль ведьмочки, отвергшей кандидатуру Марго, больше всех подходила сексапильная блондинка.

– А вот она как раз и не пришла. – Гадалка презрительно сощурилась. – Наверно, совесть замучила.

Дамы из Круга – назвать их ведьмами не поворачивался язык – остановились чуть в стороне. Они не выглядели скорбящими, скорее – озабоченными.

– Хоть бы цветочек принесли, кошки драные, – проворчала Марго за Ариной спиной. – Приперлись с пустыми руками, как Зойка. Стоят как на именинах, красуются!

– Помолчи, пожалуйста, – попросила Арина.

Нет, они не стояли как на именинах, они стояли кругом, лицом друг к другу, спинами к остальному миру. И в этом их кругу что-то происходило. Что-то такое, что заставило кровь Арины быстрее течь по жилам.

Она упустила момент, когда круг распался и от него отделилась карлица. Женщина двигалась плавной, скользящей походкой, голова ее медленно поворачивалась из стороны в сторону, как радар. Наверное, поэтому казалось, что карлица что-то выискивает или, скорее, вынюхивает.

– Что она делает? – спросила Арина.

– Тихо, – шикнула на нее Марго. – Это Анук, она ищет.

– Что?

– Не что, а кого. Она ищет мертвые души.

– Как?

– По запаху.

Значит, и в самом деле вынюхивает. Вот дела...

Анук, которая способна по запаху отыскать мертвую душу, вдруг застыла, всем корпусом развернувшись в их сторону.

– Прячься! – велела Марго, и Арина, повинувшись скорее не команде, а инстинкту, нырнула за надгробие.

– Она ищет меня, – прозвучал прямо у нее в голове голос гадалки. Оказывается, и так можно. Призрак способен уйти на еще более глубокий уровень реальности. – Только молчи, ничего не отвечай.

«Я и молчу», – подумала Арина.

– Вот и правильно, потому что Ямаха – это та, что со шлемом, – может нас слышать. То есть меня.

Словно и в самом деле что-то услышав, байкерша со странным именем Ямаха развернулась в их сторону, выдернула из ушей наушники. Вот, оказывается, почему она двигалась так странно, пританцовывая. Потому что в ушах у нее наушники, а там – музыка.

– Что здесь происходит? Кто вы такие? – Визгливый голос Зойки спугнул со старой березы стайку воробьев.

Байкерша поморщилась, как от боли, сделала знак даме в шляпе. Та ослепительно улыбнулась – даже со своего места Арина видела, какие белые у нее зубы, – и сняла с шеи камею.

– Не смотри! – раздался в голове крик Марго.

Но как же она могла не смотреть, когда прямо у нее на глазах происходило что-то странное, необычное!

Не обращая внимания на вопли Зойки, к которым присоединились неуверенные причитания бабы Вали, дама в шляпе элегантно движением поддержала вверх подол платья и, как на трон, взошла на деревянный ящик, зачем-то оставленный у могилы кладбищенскими служителями. Руку с болтающейся на изящной цепочке камеей она подняла высоко над головой. Камея начала раскачиваться, сначала медленно, потом все быстрее. Как маятник... И дама на строителем ящике тоже стала раскачиваться, как вынырнувшая из мешка факира кобра. А следом в безумном хороводе закуружились люди, могилы, надгробия и Аринина голова...

В сознание ее привела боль. Черная ведьмакова кровь вдруг вскипела, горячей лавой побежала по телу, изнутри врезаясь в черепную коробку, грозясь расколоть ее, как глиняный горшок.

Не расколола, просто сделала очень больно и вернула способность мыслить ясно, своими собственными, а не навязанными мыслями. Арина открыла глаза, стерла со щек горячие слезы, выглянула из-за надгробия.

Мир остановился, как в детской игре «Море волнуется». Замерли все: и Зойка с широко распахнутым ртом, и баба Валя, и привалившиеся к стволу березы могильщики в обнимку с выпачканными в земле лопатами. Даже воробьи в ветвях. Живыми и деятельными в этом застывшем мире остались лишь незванные гости.

Дама в шляпе по-девичьи ловко спрыгнула с ящика, повесила камею обратно на шею, вопросительно посмотрела сначала на носатую Анук, потом на Ямаху.

– Ничего не могу разобрать. – Байкерша пожала плечами. – Что-то фонит.

– Я ее чую, – Анук кивнула. Она так и сказала – чую. Как зверь. – Она здесь. – Смуглый палец с массивным перстнем указал в их сторону, и Арина снова юркнула за надгробие.

Марго была рядом. Выглядела она не то чтобы напуганной, скорее заинтригованной. Это успокаивало, но не особо. Все-таки там, у раскрытой могилы, происходило что-то неправильное.

– Альбина, ты готова? – Дама в шляпе посмотрела на блондинку.

В ответ та передернула острыми плечиками и снисходительно улыбнулась.

«А это кто?» – подумала Арина. Не просто так подумала, а явно рассчитывая на ответ.

– Это Альбина, она заклинательница, – послышался в голове голос Марго.

– Заклинательница кого?

– А ты сама догадайся.

Конечно, Арина догадалась. Она же не дуручка. Но до чего странно!

А заклинательница Альбина уселась на тот самый деревянный ящик, закинула ногу на ногу, полюбовалась горизонтом.

– Они хотят со мной поговорить, – шепнула у Арины в голове Марго и тут же добавила: – Это становится все интереснее. Ты только не мешай мне.

Арина и не собиралась. Сказать по правде, ей самой было любопытно.

Над застывшим кладбищем поплыл набирающий силу гортанный звук. Арина не сразу поняла, что его издает красотка Альбина. Девичье горло просто не могло породить такое. Но вот ведь породило! И, судя по всему, без особых проблем.

Она так увлеклась, что не сразу услышала предупреждающий рык Блэка, не сразу увидела, как Марго, покачиваясь, как пьяная, медленно идет к своей могиле.

Первым инстинктивным желанием было не пустить, остановить это сомнамбулическое движение, но гадалка просила ей не мешать. Марго сама желала пообщаться с этими... ведьмами Круга. Да и что они ей сделают? Какой вред могут причинить живые мертвецу? Да, Арина могла бы, наверное. Даже наверняка, но она другая, не такая, как эти снова собравшиеся в круг женщины.

Марго уже не шла, а плыла над влажной землей, и движение ее все ускорялось, будто после смерти ей не терпелось поговорить с теми, кто так опрометчиво отверг ее при жизни, выказать злость и обиду. И Арина не знала, хорошо это или плохо, нужно ли ее останавливать.

Марго остановил кто-то другой. Или что-то. Стремительный полет оборвался внезапно. Так потерявшая ориентир птица со всей силы врежется в стекло. Марго тоже врезалась, с воем растеклась по невидимой преграде, с шипением отшатнулась и исчезла из поля зрения и из Ариной головы. В ту же секунду гортанное пение оборвалось. Блондинка вскочила на ноги, завертела головой.

– Ничего не понимаю... – Из носа Альбины сочилась струйка крови, и она с досадой стерла ее рукавом куртки.

– Марго ушла, – сказала Анука и втянула ноздрями влажный после недавнего дождя воздух, принюхиваясь.

– От меня невозможно уйти, – взвизгнула Альбина и притопнула ногой, как капризный ребенок. – Если я зову, они приходят.

– Успокойся, детка, – сложенным веером толстуха хлопнула ее по плечу. – Она не обычная покойница, а одна из нас.

– Была! – Альбина посмотрела на нее с неприязнью. – Она была одной из нас до тех пор, пока Флоре не захотелось повыпендриваться!

– Кстати, кто-нибудь знает, где Флора? – подала голос училка.

Голос у нее тоже был учительский, громкий и хорошо поставленный.

– А когда это Флора перед нами отчитывалась? – Альбина запрокинула голову, двумя пальцами зажала кровоточащий нос, прогнусавила: – Она ж у нас индивидуалистка! Дура чокнутая!

– Я звонила Флоре. – Дама в шляпе погладила камей. – С ее способностями пообщаться с Марго нам было бы намного проще.

– Да какие у нее способности?! – фыркнула Альбина. – Какие могут быть способности у спонтанной?..

– А ты прямо вся такая потомственная! – усмехнулась толстуха и

угрожающе качнула телесами.

– Не ссорьтесь, девочки, – сказала училка таким тоном, что ее сразу захотелось послушаться, замолчать, сложить руки на парте и выпрямить спинку. – Флора, конечно, сложная девочка, однако очень перспективная.

– Но власти мы этой перспективной дали слишком много, тут я с Альбиной согласна, – сказала Ямаха. – Чем ее Марго не устроила, не понимаю.

– Если бы не Флора, мы бы не услышали предсказание, – произнесла Анук так тихо, что затаившаяся за надгробием Арина едва расслышала.

– Да в гробу я его видела! – снова сорвалась на визг Альбина.

– Может, еще и увидишь, – оборвала блондинку Ямаха. – С такими вещами не шутят, деточка.

– Нам нужно найти Флору, – снова очень тихо сказала Анук.

– Ее телефон отключен. – Дама в шляпе брезгливо рассматривала застывшую соляным столбом Зойку. – Боже, какая безвкусица, – сказала со вздохом. – Поддельная «Шанель»...

– Отключенный телефон – это обычное дело. – Толстуха развернула свой веер, обмахнулась. – После того, что она слышала...

– Бред... – сказала Ямаха полуутвердительно-полувопросительно.

– Ямаха, ты сама прекрасно понимаешь, что это не так. – Толстуха посмотрела на нее с укором. – Ситуация очень серьезная.

– Еще и эта... предсказательница не вышла на связь. – Дама в шляпе притопнула ногой, стряхивая с носка туфли налипший ком земли. – У тебя раньше такое случалось? – Она обернулась к Альбине.

Вместо ответа та отрицательным мотнула головой.

– Это что-то значит, – сказала толстуха.

– Да, – согласилась с ней Анук. – Это значит, что у нас большие проблемы. Марго не закончила свое предсказание.

В этот момент все женщины осуждающе посмотрели на даму в шляпе.

– Что? – спросила та с вызовом.

– Ты помешала Марго. – Анук покачала головой.

– Предсказание нельзя прерывать, – поддержала ее Ямаха. – Таков закон.

– К тому же это очень опасно для предсказывающего. – Толстуха поверх веера посмотрела на даму в шляпе. – Она могла умереть именно из-за этого.

– Марго умерла от диабета. – Училка побарабанила пальцами по замку своего портфеля.

– А вы откуда знаете, Ксения Анатольевна? – Альбина перестала

утирать нос и с интересом посмотрела на нее.

– Навела кое-какие справки. – Ксения Анатольевна улыбнулась холодной, змеиной улыбкой. – У меня очень обширный и правильный круг знакомых. В отличие от...

– Вот только не нужно читать мне нотации, – хмыкнула Альбина. – Со своими знакомыми я разберусь как-нибудь без вас.

– И все-таки нельзя было останавливать предсказание, – повторила Анук.

– И что нам с того предсказания? – Дама в шляпе со злостью впечатала каблук в сырую землю. – Счастливы те, кто его услышал? Спросите у Флоры, радуется ли она!

– Я его слышала. – Анук посмотрела на нее снизу вверх, но как-то сразу стало понятно, кто тут главный. – И именно поэтому считаю, что нам срочно нужно что-то предпринять.

– Что? – с надеждой спросила Альбина.

– Для начала нам нужно найти Флору, – сказала толстуха, и они с Анук понимающе переглянулись.

Арина разочарованно вздохнула. Происходящее на кладбище лишь многократно все запутало и усложнило. Что такое предсказала Марго? Что могло заставить этих странных женщин искать с ней встречи даже после ее смерти? Может быть, Марго и убили из-за этого незаконченного предсказания? Или она умерла сама, потому что прерывать предсказывающего опасно? Анук говорит, опасно, и не верить ей нет причин.

– Может, попробуем еще? – спросила Альбина, стряхивая соринки со своей мини-юбки.

– Бесполезно. – Анук почесала кончик носа. – Ее тут больше нет.

– А если попробовать призвать Марго из другого места? – Толстуха, обмахнувшись веером, качнула телесами.

– Здесь ее тело. – Дама в шляпе кивнула в сторону закрытого гроба. – Если нам не удалось поймать Марго здесь, в другом месте будет еще сложнее. Ну что? – Она обвела взглядом своих спутниц, сняла с шеи камею. – Я отпускаю человечков?

Человечков... У ведьм, оказывается, гипертрофированное чувство собственной значимости. А ей больше нечего здесь делать. На что они рассчитывали, эти женщины? У них ничего не получилось. И, кстати, они не поняли, что Марго не просто не пришла, ее что-то не пустило. Арина видела это собственными глазами, и с этой странностью ей еще предстоит разобраться.

Она не стала дожидаться, пока дама в шляпе расколдует или, скорее, выведет из транса присутствующих. Осторожно, едва ли не ползком, начала продвигаться к выходу с кладбища, пока ведьмы не заметили слежки.

Как ни крути, что бы там ни говорил Волков, в этой истории что-то нечисто, смерть Марго не естественная, и Арина во всем разберется. Врагам назло. Назло Волкову, который так чертовски, так неотвратно занят, что не нашел минутки, чтобы встретиться с ней лично. Возможно, если бы он сказал Арине, глядя в глаза, все то, что говорил по телефону, она бы прислушалась. Потому что при всех своих недостатках Волков не перестает быть профессионалом. Но он не занялся Ариным делом, спихнув его каким-то другим профессионалам, потому что оно несущественное, а он берется только за значительные, по-настоящему серьезные дела.

Неожиданно злость на Волкова ее успокоила, вернула способность рассуждать логически. Первое, что она должна сделать, это выяснить, кто заманил Марго к пруду. А для того нужно проверить наконец память ее мобильного.

Когда Арина, уже не таясь, выходила из ворот кладбища, из-за туч выглянуло солнце. Это хорошо, потому что нет ничего тоскливее, чем похороны под дождем...

* * *

Марго ждала ее дома. Арина почувствовала присутствие гадалки сразу, как только переступила порог, едва ли не раньше наострившего уши Блэка.

– Ну, чем там все закончилось? – Марго сидела за столом на кухне, с деланным равнодушием рассматривая свой черный лак. – Мои похороны прошли достойно?

Врать, что окончания церемонии она так и не дождалась, не хотелось, и поэтому Арина сказала:

– Выглянуло солнце.

– Прекрасно. – Марго удовлетворенно кивнула. – Думаю, это добрый знак. Ты чего так долго? – Она выразительно посмотрела на часы с кукушкой, которые показывали без двадцати минут шесть.

– Заехала в магазин, купила кое-какие продукты и вот это. – На стол рядом с расписной черепушкой Арина положила мобильный и зарядное. – Как ты себя чувствуешь? – спросила осторожно.

– Смертельно усталой, – хмыкнула Марго. – Как я могу себя почувствовать после такой встряски?

– Кстати, что это было? Почему ты...

– Не смогла пообщаться с этими самодовольными курицами? – Марго пожала плечами. – Я на что-то там напоролась.

– На что?

– Не поняла. У меня, знаешь ли, посмертный стаж еще небольшой, чтобы разбираться. Но шандарахнуло меня хорошо, почти так же, как ты тогда.

– Прости.

– Не извиняйся, расскажи лучше, что там было после того, как меня разнесло на молекулы.

– Они очень удивились. Особенно эта заклинательница. Знаешь, у нее даже кровь носом пошла от напряжения.

Марго удовлетворенно хмыкнула.

– А потом они начали спорить и ругаться.

– Из-за того, что им не удалось меня призвать?

– Нет, из-за того, что Флора не пришла. Это ведь она отклонила твою кандидатуру, так?

Марго кивнула.

– Вот, Флора не пришла, и кое-кому это очень не понравилось.

– Кому?

– Альбине, Ямахе, кажется. Той, что со шлемом.

– Ага, она повернутая на мотоциклах.

– Они там все слегка того... повернутые. – Арина покрутила пальцем у виска.

– По отдельности возможно, но вместе – сила. Ты же видела.

– Да. – Арина воткнула зарядное в розетку, подключила мобильный Марго и принялась готовить ужин.

– И еще они обсуждали твое предсказание.

– Да ты что! – Марго в восхищении хлопнула ладонями по столу. – И что там с предсказанием?

– Ты в самом деле ничего не помнишь? – Арина поставила на плиту кастрюльку с водой, достала из холодильника сосиску.

– Про Флору помню. – Марго наморщила лоб.

– А что еще?

– Ничего.

– Ты сказала что-то очень важное и, похоже, страшное.

– Почему?

– Потому что они испугались. Не только Флора, все остальные тоже.
– Так им и надо! – Марго скрестила руки на груди. – Пусть знают, как меня обижать.

– Там было еще кое-что. Как зовут даму в шляпе?

– Саломея. То еще имечко, да?

– Саломея тебе помешала, прервала предсказание.

Призраки не могут бледнеть, но Марго побледнела. До синевы.

– Это плохо, да? – спросила Арина.

– Для меня – да. В такие моменты все очень тонко, и нити, которые связывают душу с телом, ничего не стоит оборвать. Стопроцентная уязвимость. Понимаешь?

Арина кивнула.

– Что же я им там такое говорила, что они не захотели слушать?

– Они не просто не захотели слушать, они испугались. Мне показалось, что они до сих пор боятся. Поэтому и хотят с тобой поговорить.

– Узнать продолжение предсказания? Так я не помню. Я и начало-то не очень хорошо помню. Я была в бешенстве. Ну, ты понимаешь.

– Анук и Ямаха переживали из-за Флоры, из-за того, что та не явилась на твои похороны. Еще они сказали, что с ее помощью пообщаться с тобой было бы намного проще. Ты не знаешь почему?

– Знаю, конечно. – Марго передернула плечами. – Флора – видящая.

– Это как? Ясновидящая?

– Все они в разной степени ясновидящие, но у каждой своя специализация. Вот я, к примеру, первоклассная гадалка и, как выяснилось, крутая вещунья. – Марго горделиво расправила плечи.

– А они? – Про то, что Марго крутая и уникальная, Арина слышала по несколько раз на дню. Сейчас ей хотелось узнать про остальных... ведьм.

– Флора – видящая, она видит то, что недоступно простым смертным. Духов, покойников, всякую нечисть из астрала.

– Альбина назвала ее спонтанной. Это как?

– Есть ведьмы потомственные, у которых ведьмовство в роду. В Круге почти все такие. Кроме Флоры и Ямахи. У этих способности, так сказать, благоприобретенные. Ямаха десять лет назад попала в аварию, пару недель провалилась в коме, а когда из нее вышла, начала слышать. Она даже в дурке лечилась от голосов, а потом ее нашла Анук и все объяснила.

– Что – все? – Вода вскипела, и Арина всыпала в кастрюльку горсть макарон.

– Она теперь спонтанная слышащая.

– А сама Анук?

– Анук чующая. Нос у нее, как у ищейки, только чует она не этот мир, а тонкий. Еще способна по запаху отыскивать погибших, ей достаточно понюхать вещь человека, чтобы сказать, живой он или мертвый. И потом по этой вещи она может найти тело. Короче, Анук как твой пес, только живая, и не собака, а человек.

– И она потомственная?

– Да, ее матушка была очень известной в Москве чующей. У Соньки, кстати, родословная тоже как у английской королевы, но она этим не кичится.

– Сонька – это кто? – спросила Арина, помешивая макароны.

– Толстуха. Она чревовещательница. Видела, какое у него... чрево? Вот, специально для этих целей. У нее в роду все такие толстые.

– Как она... чревовещает? – Арина отошла от плиты и уселась напротив Марго.

– Вот если бы меня там не шандарахнуло, ты бы сама все увидела. – Гадалка погладила черепушку. – Я бы в нее вселилась и смогла бы с ними поболтать о нашем, о девичьем.

– Какой ужас... – Услышанное представлялось Арине попеременно то сказкой, то бредом.

– Именно – ужас. Всякие ж души бывают. Кто-то скажет, что хотел, ответит на вопросы и уйдет. А есть и те, кому заграбастать чужое тело за счастье. Вообще-то Сонька опытная и с такими справляется сама, но был однажды случай, когда пришлось спешно вызывать Альбину, чтобы выкурить из нее одну особо цепкую тетку.

– Альбина – заклинательница, я помню.

– У нее и экзорцизм неплохо получается, но она за такое редко берется, потому что очень уж тяжелое это дело, особенно когда выкуривать приходится не душу, а какую-нибудь нечисть.

– Там еще была такая... на учительницу похожая.

– Ксения Анатольевна. – Марго поморщилась. – Она училка и есть, только работает не в школе, а в Академии МВД, что-то там преподает не особо существенное. Такая зануда!

– А у нее какой дар? Я что-то ничего особенного не заметила.

– А у нее ничего особенного и нет. Так, баловство. Она владеет механическим письмом. Пишет, понимаешь ли! Сядет, глаза закатит и ждет, когда на нее снизойдет озарение, а потом писульки свои перечитывает и расшифровывает.

– Всегда нужно ждать озарения? – уточнила Арина. – Без него никак?

– Можно и без озарения. Можно вопросы задавать, на которые клиент желает получить ответы, но тут уже без допинга никак. Видела портфельчик? Там у нее с собой постоянно стопка чистых листов, фломастер и термос. А в нем то, что она называет чайком. Видела я однажды, как этот чаек действует.

– Ксения Анатольевна тоже потомственная?

– Говорит, что да. – Марго пожала плечами. – Но никаких доказательств ни «за», ни «против» нет.

– А Саломея? – Арина вернулась к кастрюльке с макаронами, слила воду, сунула в микроволновку сосиску.

– Эта потомственная по всем статьям. Потомственная ведьма и потомственная графиня, – в голосе Марго послышалась зависть.

– А графини что, тоже? – наивно удивилась Арина.

– Получается, что так. Трюк с маятником ты видела.

– И чуть не отключилась.

– Вот, ты чуть не отключилась, а я, представляешь, отключилась на какое-то время.

– Гипноз?

– Морок. Она морочница. Окрутит, охмурит любого. Говорят, ее прабабка была из крепостных актрис. Вот она точно таким же макарон окрутила графа, заморочила так, что тот на ней женился и сделал графиней. У них это в крови – мужиков морочить. Хорошо получается. Только мужики их отчего-то долго не живут. Саломея, например, уже шестого мужа схоронила. Траур практически не снимает. Впрочем, черное ей к лицу. А мужья у нее все сплошь богатые и все деньги оставляют любимой женушке. Я бы при таких деньжищах, – Марго мечтательно улыбнулась, – жила в свое удовольствие, а Саломее все неймется, скучно ей. Вот и развлекается.

Марго задумалась, замолчала, а Арина принялась за макароны с сосиской.

– И вот теперь представь, что будет, если такие ведьмы соберутся в Круг, – заговорила гадалка. – Какое начнется веселье! И это я еще молчу о всяких магических фишках, заговорах, отворотах-приворотах, которых у каждой из них в избытке. Ведьм Круга не просто уважают, их боятся. – Она вздохнула. – И если бы не Флора, если бы я прошла испытание, я бы стала одной из них.

Испытание. Арина сунула в рот кусок сосиски, потянулась за телефоном Марго, спросила:

– Какой у тебя код?

– Догадайся с двух раз.

Арина не стала гадать, забила в окошко четыре единицы. Телефон мурлыкнул и включился. Выходит, даже ведьмы бывают предсказуемыми.

Вдвоем с Марго они изучили содержимое телефона. Арину насторожил один-единственный номер. С него Марго отправили сообщение сразу после несостоявшихся смотрин. «Жду у пруда через полчаса. Есть разговор» – вот что было написано в СМС.

– Кто это? – спросила Арина, на всякий случай переписывая телефон в блокнот.

– Не знаю, – сказала Марго, не раздумывая. – Все знакомые и клиенты забиты у меня по именам, а это кто-то чужой.

– Это его телефон, – сказала Арина уверенно.

– Чей?

– Того, кто заманил тебя к пруду. Номер точно тебе не знаком?

– Совершенно. – Марго тряхнула головой. – Но мы ведь можем узнать, чей он.

– Как?

– Ну, допустим, можем спросить у этого твоего знакомого профессионала. Дело-то плевое – узнать по номеру имя и координаты владельца.

Есть расхотелось. Еще секунду назад Арина умирала с голоду, а тут бац – и кусок застрял в горле. Она не станет звонить Волкову. Она уже однажды ему позвонила, и ничего хорошего из этого не вышло.

– Что, не хочешь? – Марго посмотрела на нее как-то по-особенному внимательно, задумчиво потюкала ногтем по Марусиной черепашке.

– Нет.

– А почему?

– Потому что!

– Все ясно. – Марго многозначительно усмехнулась, и Арине захотелось ткнуть ее вилкой. Захотелось так сильно, что на зубцах вилки заплясали синие электрические разряды. На сей раз черная ведьмакова кровь проснулась без предупреждения. Арина зашвырнула вилку в дальний угол кухни и сделала несколько глубоких вдохов.

– Успокойся, – жалобно попросила Марго с порога. Все-таки перемещалась она поразительно быстро.

– Уже. Прости. – Арина сжала виски руками.

– Я же не знала, что все настолько серьезно. Если так, то, конечно, не звони. Мы как-нибудь сами...

– Все совсем не серьезно, и сами мы никак. – Арина потянулась за

мобильным.

– Мне выйти прогуляться? – деликатно поинтересовалась Марго.

– Если тебя не затруднит.

– Меня не затруднит, а ты не переживай. Ни один мужик не стоит того, чтобы из-за него вот так... злиться, – сказала и исчезла, оставляя Арину наедине с собственными невеселыми мыслями.

Она позвонит, в последний раз. А потом сотрет его номер из памяти своего мобильного. Что делать с собственной памятью, она еще не решила, но обязательно что-нибудь придумает. Потом, после разговора с Волковым. А пока ей нужно всего несколько минут.

Прикурить сигарету с первого раза не удалось. Спички все время гасли. Наверное, отсырели. Наконец у нее получилось, и сизый дымок от сигареты уютно обвился вокруг запястья.

Волков взял трубку сразу, словно ждал ее звонка. Конечно, не ждал, но почему бы не допустить такую вероятность!

– Арина, у тебя все в порядке? – Странная манера начинать разговор. Мог хотя бы поздороваться.

– У меня все замечательно! – сказала она бодрым, совершенно искренним тоном. – И у меня есть просьба.

В трубке послышался вздох. Или ей это показалось?

– Последняя, – уточнила она поспешно и, стряхнув дым с запястья, глубоко затянулась.

– Еще кто-то умер?

Она не могла понять, шутит Волков или говорит серьезно.

– Слава богу, нет. Мне нужно всего лишь пробить один телефонный номер.

– Всего лишь... – В трубке что-то мелодично звякнуло, словно кубики льда о стенку бокала, послышались голоса. Один – точно женский.

– Если ты очень занят, я позвоню позже. – Не нужно было отступать, особенно из-за каких-то голосов. Но она отступила, сжала сигарету так, что та сломалась пополам.

– Диктуй номер, – велел Волков, и в трубке снова что-то звякнуло.

Арина продиктовала.

– Я перезвоню тебе в течение получаса.

Женский голос в трубке звенел колокольчиком, заглушая все остальные звуки.

– Андрюша, ну сколько можно? – спросил голос-колокольчик капризно.

– Я перезвоню. – В трубке послышались гудки отбоя.

«Андрюша, ну сколько можно...»

Арина зажмурилась, задышала глубоко и размеренно, на ощупь достала из стремительно пустеющей пачки еще одну сигарету, прикурила. На сей раз спичка зажглась сразу, едва коснувшись коробка. А может, и не коснувшись.

С сигаретой в зубах Арина полезла в угол за вилкой, подобрала ее, сунула в мойку, поставила на огонь джезvu и дала себе клятву больше никогда, ни при каких обстоятельствах не звонить Волкову, который, оказывается, не просто профессионал, но еще и чей-то Андрюша.

Андрюша Волков позвонил сам, как обещал.

– Записывай, – сказал он по-деловому сухо.

Арина записала и вежливо поблагодарила.

– Как ты? – спросил он снова, на сей раз чуть более человечным, чуть менее деловым тоном.

– У меня все прекрасно. А у тебя?

– И у меня все... прекрасно. Как твои книги?

– Пишутся.

– Это хорошо.

– Да, просто великолепно.

– А эта твоя знакомая?..

– Марго ушла, – обманывать Волкова было тяжело, а вот соврать «Андрюше» – раз плюнуть.

Они немного помолчали, потом Волков сказал:

– Ты там аккуратнo.

– Обязательно. – Арина даже кивнула в подтверждение своих слов.

– Ну, звони, если что.

– Непременно!

Она первой отключила связь и сказала сквозь стиснутые зубы:

– Андрюша, ну сколько можно!..

* * *

– Елена Петровна Смирнова? – спросила Марго. – Кто она вообще такая?

– Это я у тебя хотела узнать. – Арина, с ногами забравшись на широкий подоконник, рассеянно наблюдала за путающейся в вишневых ветвях луной. – Она прислала тебе сообщение.

– Я не знаю никакой Елены Петровны Смирновой. – Марго озадаченно

почесала кончик носа.

– Может, ты просто забыла? – На подоконнике было хорошо, и луна, впервые за несколько дней показавшаяся из-за туч, ей очень нравилась. А вот думать совсем не хотелось. Ни о чем.

– Как я могла забыть?! – возмутилась Марго.

– Ну, ты ведь не помнишь ничего из того, что случилось с тобой после этих... смотрин. Значит, вполне могла забыть и имя.

– Я не могла забыть имя! – Марго упрямо тряхнула волосами. – Я помню все имена, без исключения, а эту Елену Петровну знать не знаю.

Арина вздохнула, свесила ноги с подоконника, сказала очень терпеливо:

– У нас ведь есть ее адрес, завтра мы съездим туда и все выясним. Не вижу смысла гадать.

Марго переместилась. Теперь она сидела на подоконнике рядом с Ариной и беззаботно болтала ногами. В разных книгах по эзотерике – а прочла Арина их за последний год немало – говорилось, что присутствие призраков проявляется понижением температуры, но рядом с Марго ничего такого не чувствовалось: ни понижения, ни повышения.

– Вообще-то я любопытная. Я бы могла пойти к тому пруду, – сказала Марго задумчиво. – Особенно в том своем состоянии.

– Завтра. – Арина зевнула. – Это недалеко. Завтра съездим и все узнаем, а теперь я хочу поспать. Тяжелый день... – Она посмотрела на Марго чуть виновато.

– Ну, спи тогда. Что уж теперь! – Марго спрыгнула с подоконника, расправила складки на балахоне. – А я, пожалуй, пойду прогуляюсь.

– Далеко?

– Посмотрю, как там Джафарик без меня.

– Ты только аккуратно.

– Да уж не переживай, просто посижу с ним немножко. Он ведь все равно ничего не почувствует. И не испугается. – Она вздохнула.

– Я переживаю не из-за него, а из-за тебя.

– Да что со мной станется? Хуже, чем есть, все равно не будет, – сказала Марго и исчезла.

Арина усмехнулась. Впору делать это изречение своим девизом. Какое-то оно... оптимистичное.

...На сей раз Волков пришел сам, Арина не втаскивала его в свой сон. Да что там! Она видеть его не желала! А он взял и пришел. На что он рассчитывал после того, как неведомая Арине девица пропела в трубку:

«Андрюша, ну сколько можно?» Думал, если сон – это не взаправду, то можно вот так... фамиллярничать, прикоснуться к ее щеке жесткой ладонью, хищно щурить серые глаза, разглядывать нагло, по-хозяйски. Андрюша, ну сколько можно!

Вот так она ему и сказала, перед тем как со всей силы ударить коленом под дых. Он зарычал совершенно по-волчьи и по-волчьи же оскалил крепкие зубы. Арина думала – укусит, а он поцеловал. Зло и сильно, до остановки дыхания и перебоев в сердце. Он бы не остановился и пошел до конца, если бы Арина его не оттолкнула. В своем сне она была полновластной хозяйкой. И себе, и ему.

– Рысь волку не подружка? – Он по-прежнему смотрел с прищуром и дышал, как загнанный зверь, но Арина уже совершенно точно знала – теперь он уйдет.

– Конечно. – Ей даже удалось улыбнуться. – Андрюша, ну сколько можно...

Если бы это был его, а не ее сон, он бы ее убил. Рыси с волком не справиться, особенно с разъяренным. Но в своем сне Арина была всему хозяйка, и он просто ушел. А она разревелась. И во сне, и наяву, потому что утром подушка была мокрой от ее слез.

Рысь волку не подружка. Это он верно подметил. Но ведь когда-то же они уживались вдвоем. Когда-то, в прошлой жизни, волк даже спас рысь от верной смерти. Жаль, что та жизнь давно закончилась. И сон закончился, высосав все силы, обесточив.

На кухню Арина вышла, пошатываясь, стараясь не обращать внимания на звон в ушах.

Марго сидела на ее любимом стуле, рассеянно поглаживая свою черепушку.

– Тяжелая ночь? – спросила сочувственно.

Арина не стала отвечать, бухнула джезvu с кофе на плиту.

– У меня тоже. Джафарик, бедняжка, так страдает...

Арина понимающе усмехнулась, в ее сне Волков, бедняжка, тоже страдал. Впрочем, злился он сильнее.

– Ну, какие у нас на сегодня планы? – Молчание Марго, похоже, не смутило. Она вообще была очень невозмутимым призраком. Практически непрошибаемым.

– Сейчас я позавтракаю, и мы отправимся в Рощино, искать Елену Петровну Смирнову. – Арина водрузила на стол ноутбук, сначала нашла карту Московской области, потом расписание поездов.

По всему выходило, что ее уютный домик расположен в очень удачном

месте, от которого на электричке до поселка Рощино, в котором проживала гражданка Смирнова, всего полчаса езды.

Погода изменилась. Ветер разогнал тучи, и солнце светило по-летнему ярко. Это радовало. Собственно говоря, только это и радовало, все остальное не вселяло никакого оптимизма.

К поселку Рощино от железнодорожной станции вела грунтовая дорога с поблескивающими то тут, то там лужами. Дорога огибала кукурузное поле и уводила в березовую рощу, светлую, праздничную, как на открытке.

– Как мы ее найдем? – в который уже раз спросила Марго и замахнулась черепушкой на вертящегося под ногами Блэка. Тот осканился, но беззлобно, скорее для проформы. С Марго у них установился вооруженный нейтралитет.

– Мы будем искать ее по адресу. У нас он есть. Вот тут. – Арина помахала перед носом Марго своим мобильным. – У нас даже есть GPS-навигатор, так что не пропадем, как-нибудь найдем.

На самом деле Арину гораздо сильнее волновал вопрос, как их встретит загадочная Елена Петровна и что они ей скажут. Вернее, что она ей скажет, потому что Марго – призрак, а с призрака взятки гладки. Время показало, что Арина зря волновалась, потому что говорить ничего не пришлось.

Блэк исчез из виду, стоило только им войти в рощу, а через пятнадцать минут тишину нарушил его тоскливый вой.

– Батюшки, – ахнула Марго и испуганно посмотрела на Арину. – Что он нашел на сей раз?

Ей не хотелось знать этого, но, кое-как справившись с дрожью в коленках, Арина сказала:

– Сейчас посмотрим.

– Как можно так выть? – Марго испуганно поежилась. – Он же сейчас всполошит весь поселок.

– Блэк призрак, слышать его можем только мы с тобой.

– А вдруг он нашел кошку? – В голосе Марго слышалась робкая надежда. – Просто дохлую кошку, вот и все.

– Вероятно, и кошку, – Арина не стала спорить. – Ты можешь узнать это раньше меня.

– Нет уж, увольте! – Марго замотала головой. – Я всегда до смерти боялась покойников.

– Странно слышать это от тебя.

– У каждого свои слабости. Нам, похоже, туда. – Марго кивнула в

сторону узкой тропинки, убегающей от грунтовки и ныряющей в какие-то непролазные заросли.

Заросли выглядели непролазными только на первый взгляд, а на поверку оказались вполне проходимыми, даже не особо захламленными. Вой Блэка приблизился, значит, они на правильном пути.

Дом стоял на отшибе. Кирпичный, двухэтажный – вполне добротный загородный коттеджик. Он был обнесен высоким забором, и вой Блэка доносился именно из-за этого забора. Значит, нет смысла таиться, можно входить смело. Если бы в доме кто-то был, Блэк бы предупредил. Если бы в доме был кто-то живой...

Выкрашенная в веселый желтый цвет калитка поддавалась легко и беззвучно, потому что была не заперта. Дом тоже стоял нараспашку. Одно это уже пугало. Вой Блэка оборвался, стоило только Арине ступить на аккуратную, мощенную красной тротуарной плиткой дорожку. Она находилась между рядами смородины и крыжовника и вела к невысокому крылечку, прямо к гостеприимно распахнутой входной двери.

– Эй! – позвала Арина, уже зная, что никто ей не ответит. – Есть тут кто? – Хотела сказать «живой», но не стала.

– Нам нужно осмотреть дом, – сказала Марго не слишком уверенно.

– Может, ты? – предложила Арина, заглядывая на залитую солнцем веранду.

– Только с тобой, – испуганно пролепетала Марго и попросила: – Покричи еще. Может, она спит.

Арина не стала кричать, решительным шагом пересекла веранду, вошла в просторную, меблированную по-дачному комнату. Здесь все было просто и уютно. На второй этаж вела крутая деревянная лестница. Прежде чем шагнуть на первую ступеньку, Арина подошла к стене. На фоне выцветших обоев ярким пятном выделялась фотография в рамке. На фотографии были дети: мальчик лет десяти и девочка, совсем еще крошка, с венком из фиолетовых цветов на белокурой головке. Они сидели, обнявшись, на крыльце этого самого дома и улыбались невидимому фотографу. Арина потянулась к рамке и в тот самый момент, когда пальцы коснулись венка, с неотвратимой ясностью поняла, что похожей на ангела девочки больше нет среди живых. От этого яркого и болезненно четкого знания в глазах вдруг потемнело. Чтобы не упасть, Арина привалилась к стене. Где-то на задворках сознания слышался рык Блэка, а в голове сонной осенней мухой билась одна-единственная мысль: «Флора мертва». Это была очень мучительная, причиняющая физическую боль мысль. Флора мертва, и безвременники остались без хозяйки.

– Что? – Мысль спугнул голос Марго. – Что ты чуешь?

Она так и сказала «чуешь», словно Арина была ищейкой и взяла след.

– Флора мертва, – повторила она пугающим, незнакомым голосом. – А безвременники остались без хозяйки.

– Какие безвременники? – Марго подсунулась близко-близко, к самому лицу.

– Я не знаю! – Она помотала головой, борясь с желанием оттолкнуть от себя гадалку. – Мне нужно на свежий воздух.

– Но ведь мы не осмотрели второй этаж!

– Сделай это сама. – Все-таки она ее оттолкнула. По крайней мере, попыталась. Рука прошла сквозь бесплотное тело, а Марго по-кошачьи зашипела и переместилась.

– Больно?

– Щекотно! Спасибо, что не шарахнула, как тогда. – Марго энергично потерла грудь. Дыра, оставленная прикосновением Арины, почти мгновенно затянулась.

– Прости.

– Проехали. Я уже начинаю привыкать. Так что со вторым этажом?

– Там никого нет.

– А где тогда есть?

– Я не знаю.

Пошатываясь, Арина вышла из дома, полной грудью вдохнула сладко пахнущий воздух. Эта сладость была пугающе неправильной, чуждой райскому уголку с ухоженным газоном, каменной дорожкой и аккуратными кустами смородины. Из-за угла дома появился Блэк, рыкнул, ткнулся головой в колени то ли предупреждающе, то ли приглашающе, она сейчас плохо понимала.

– Нам нужно туда, – сказала Арина и медленно, как старуха, побрела вслед за псом.

...За домом был разбит цветник. Никогда раньше Арина не видела такого разнотравья и разноцветья. Страх, сжимавший тисками грудь, немного отступил. В раю не должно вестись смертью, в раю нужно жить и наслаждаться жизнью...

Девушка лежала в самом центре рая. И можно было сколько угодно убеждать себя в том, что она просто отдыхает в цветочном великолепии, но ведьмакову кровь не обманешь. Она застыла, превратилась в тягучий кисель, и из-за этой кисельной тягучести дышать стало совершенно невозможно. Из-за угла дома, с относительно безопасного расстояния,

Арина могла видеть лишь подол длинной пестрой юбки и перепачканные в земле босые ноги с поджатыми пальцами. Именно эти пальцы, а не вой Блэка и застывшая в жилах кровь были самым верным, самым неоспоримым доказательством того, что в райский сад заглянула смерть.

Рядом как-то совершенно по-бабьи ахнула Марго, сказала приглушенным шепотом:

– Ой, мамочки...

Нужно было что-то делать. Нельзя вот так стоять и убеждать себя, что там, в цветочном раю, не произошло ничего страшного. Она знала, что случилось непоправимое, почувствовала в ту самую секунду, когда дотронулась до фотографии белокурой девочки. Сандалии утопали во влажной после недавнего дождя земле, и с райских бутонов, как слезы, сыпалась на джинсы роса. Через пару шагов разноцветье и разнотравье сменилось ярким фиолетовым ковриком. Невысокие цветы на доверчиво обнаженных стеблях были похожи на крокусы. Но разве крокусы цветут в сентябре?

– Это безвременники, – послышался в голове шепот Марго. Наверное, от испуга она перешла на телепатический контакт. – Красивые...

Цветы с удивительным названием «безвременники» обрамляли место не просто смерти, а мучительной смерти, словно пытались вот таким незамысловатым образом, буйным цветением, отдать последний долг любимой хозяйке.

Она лежала, скрючившись, поджав пальцы ног, стиснув руки. Светловолосая женщина без возраста, без времени, как цветы, которые стали для нее смертным ложем и погребальным саваном. На нее было больно и страшно смотреть, но Арина себя заставила. Игнорируя ужас, отвращение и желание убежать, она стояла над мертвым телом и смотрела. Хозяйка загородного рая улыбалась даже после смерти, но какая это была улыбка... Так улыбаются обреченные, когда понимают, что все, проси – не проси, а пощады не будет, когда от тебя уже ничего больше не зависит, и тонкая ниточка, соединяющая тебя с миром живых, вот-вот оборвется, и это будет прекрасно, потому что освободит от страданий, терпеть которые нет больше никаких сил. Мертвая девушка улыбалась, а на щеках ее застыли кровавые слезы. Как же так? Глаз нет, а слезы есть. Тонкие бурые дорожки, превращающие еще юное лицо в маску, лишенную возраста.

Смерть ее темна и ужасна...

Предсказание нельзя изменить...

Предсказание найдет тебя даже в райском саду...

И прекрасное имя Флора не защитит от неминуемого...

И безвременники станут погребальными цветами, лягут лиловыми головками на грудь, защищая от невзгод, которых больше не будет, потому что тебя самой больше нет...

Земля оказалась жирной и холодной. Черные комья ее крошились, просыпались между пальцами. А покинутые хозяйкой безвременники, наоборот, ластились, как живые, шептали что-то нежное, успокаивающее, что-то, что понимала древняя ведьмакова кровь, но не понимала Арина. Венок из безвременников получился очень красивый. Если бы Флора его увидела, ей бы он понравился. Но Флора не могла больше видеть. Вместе с жизнью кто-то забрал и ее глаза. Чтобы не видела...

– ...Что ты делаешь? – Визгливый, незнакомый голос летучей мышью бился в голове, раздражал, мешал плести погребальный венок. – Ты с ума сошла!..

Она не сошла с ума, она просто знает, что так будет правильно, что в иной мир девушка, называвшаяся Флорой и окружавшая себя цветами, должна уходить вот так, в венке из безвременников.

– Арина, прекрати!

Похожий на летучую мышь голос взорвался прямо у нее в голове, но она все-таки успела. На белых волосах венок смотрелся восхитительно. Теперь улыбка Флоры была не отчаянной, а по-настоящему счастливой, словно в последний миг своей жизни она увидела что-то родное и невероятно красивое.

– Арина, это она! Ты понимаешь?

– Да. Это та самая Флора, которой ты предсказала смерть. – Теперь она может смотреть без содрогания, потому что запомнит не кровавые слезы и не окровавленные садовые ножницы, а венки из безвременников. И с разумом ее теперь все будет нормально, наверное.

– Я знаю, что я предсказала. – Голос из визгливого стал жалобным. – Но как я могла подумать... – Марго осеклась, ее оборвал тревожный вой Блэка. – Кто-то идет! – Она испуганно прижала к груди черепушку. – Нам нужно уходить. Тебе нужно уходить!

Если бы у нее была такая возможность, она бы вцепилась в Ариныны волосы, волоком потащила прочь из этого ловко прикидывающегося раем ада, но такой возможности у нее не было, и Марго просто кричала:

– Ты в грязи вся! Посмотри! И венки эти зачем?.. Сумасшедшая... нет, точно ненормальная!

Да, она ненормальная. С нормальными такое не происходит...

Высоко в небе гроыхнуло. Надо же, а она даже не заметила, как летний день снова стал осенним, как угрожающе потемнело все вокруг, а

ветер из ласкового сделался колючим.

– Уходим! – Марго покачивалась из стороны в сторону, словно от налетевшего ветра, на мертвую Флору старалась не смотреть. – Да не стой столбом! Беги отсюда, пока тебя никто не увидел!

И она побежала. Не оглядываясь, не обращая внимания на хлынувший ливень, не разбирая дороги. Проливной дождь сделал с ее душой то, что не сделал бы ни один психотерапевт – очистил, смыл запах чужого страдания, оставив на пальцах лишь едва уловимый аромат безвременников. В подошедшую электричку Арина садилась уже почти успокоившейся.

* * *

– Прости, это все из-за меня, – в который уже раз повторила Марго.

Они сидели в гостиной. За окном барабанил дождь, в камине жарко полыхали вишневые полешки, сигарета в судорожно сжатых пальцах неспешно тлела, а кофе был крепкий и обжигающе горячий. Почти пастораль, почти идиллия. Если не обращать внимания на призрака в кресле напротив, если не вспоминать венок из безвременников...

– Ты ни в чем не виновата. – Арина говорила, не глядя на Марго. Почему-то смотреть на нее ей было больно. – Никто не знал, что так выйдет.

– Я знала.

– Почему? Потому что ты гадалка?

– Я прорицательница. И пророчества мои уже начали сбываться...

– Одно из твоих пророчеств. Знать бы, сколько их всего...

– Думаешь, я еще кому-то из них могла напредсказывать?.. – В голосе Марго слышалось отчаяние. – Я их всех, конечно, не особо люблю, но чтобы такое...

– Они боялись. – Арина кивнула. – Там, на кладбище, они были напуганы и озабочены. Они надеялись, что ты закончишь предсказание и они все узнают наверняка.

– Я мертва. – Марго сложила руки на коленях. – От мертвой предсказательницы нет никакого толку.

– Кто ее убил? – Мысль эта не давала покоя, не выходила из головы. – Кто мог совершить такое?!

– Я не знаю. Я вообще ничего не понимаю.

– И... где она сейчас?

– Уж точно не здесь. Хоть после смерти этой девочке повезло. –

В голосе Марго послышалась жалость. – Она ушла. Насовсем.

– А тело? Марго, мы оставили там ее тело.

– Так же, как совсем недавно оставили мое. Какие проблемы?

– Мы тебя не оставляли. Тебя нашли.

– Тогда позвони этому своему профессионалу, пусть и ее найдут.

Позвонить Волкову? После того как она поклялась не иметь с ним ничего общего? После того как услышала в трубке голос-колокольчик? «Андрюша, ну сколько можно...»

Нет! Ведь ясно же как божий день: он устал ей помогать, у него другие, куда более важные дела.

– Я позвоню. – Арина, кивнув, достала из сумки телефон Марго.

– С моего?

– Ты возражаешь? Мой светить в полиции нельзя.

– У тебя, я смотрю, с полицией сложные отношения...

– У меня нет с ней никаких отношений. И я очень надеюсь, что не будет. Так я звоню?

– Звони, мне не жалко. В этом даже есть что-то... кармическое.

– В этом нет ничего кармического. Просто твой номер не приведет их никуда.

– Он приведет их прямо на кладбище, к моей свежей могиле!

– А у Флоры нет даже этого! У нее нет глаз! Флору не просто убили, ее мучили, Марго!

– Как думаешь, нас с ней убил один и тот же человек? – спросила гадалка испуганно.

– Я пока не могу ни о чем думать, мне нужно позвонить.

Арина не знала, принимают ли в полиции анонимные звонки, но очень на это надеялась. Она постаралась быть краткой, максимально краткой, чтобы уложиться в шестьдесят секунд. Кажется, такой звонок нельзя отследить...

– Кому ты нужна, чтобы тебя отслеживали? – Марго прочла ее мысли. – Для них – это обычная рутина, только и всего. Пришлют какого-нибудь сельского участкового. И хорошо, если вообще сегодня. Думаешь, в полиции есть доверие анонимам?

– Я не знаю... Она там одна... под дождем.

– Дождь – это не самое страшное зло из того, что с ней приключилось.

Арина хотела сказать, что самым страшным для Флоры стало предсказание, но прикусила язык. Марго в этом не виновата. А того, кто виноват, пусть ищет полиция. Но Марго, похоже, снова услышала ее мысли, потому что посмотрела с укором, покачала головой так, что Арине

захотелось провалиться под землю.

– Прости.

– Не нужно извиняться. Если разобраться, я втянула тебя во все это, заставила искать... тела.

– Хватит, Марго, – попросила она устало. – Меня никто не заставлял, я просто не знаю, как с этим справляться. У меня нет опыта. Понимаешь? И я совершенно не понимаю, чем еще могу тебе помочь.

– Он будет убивать дальше, – сказала Марго неожиданно решительным тоном. – Тот, кто это все затеял, не остановится.

– Это предсказание? – осторожно поинтересовалась Арина.

– Это интуиция и жизненный опыт. – Марго зевнула, притворяясь, что устала. Призраки не могут уставать, и спать им не нужно. – А пойду-ка я отдохну, – сказала она легкомысленно.

– Куда? На улице дождь.

– Я мертва. – Она посмотрела на Арину, как на неразумное дитя. – Мне дождь не страшен.

– Ты ведь вернешься?

Сказать по правде, она сама не знала, какой ответ хочет услышать, но, когда Марго молча кивнула, вздохнула с облегчением.

– Если увидишь Блэка, передай, чтобы шел домой.

Пес куда-то запропастился, в электричке они ехали уже без него. Но с Блэком такое случалось. Наверное, призракам иногда необходимо побыть в одиночестве.

– Так он меня и послушал. – Марго погладила Марусю. – А вот от этого, – гадалка кивнула на свой телефон, – я бы на твоём месте избавилась, от греха подальше.

Совет был правильный. И очень своевременный, потому что молчавший все это время мобильный вдруг разразился пронзительной трелью. Арина вздрогнула от неожиданности, испуганно посмотрела сначала на экран, потом на Марго. Номер высветился незнакомый.

– Ну что ты смотришь? Это наверняка из полиции, перепроверяют, или что они там делают в таких случаях. Отключи его!

Сделать это с первого раза не получилось, пришлось мобилизоваться. Наконец нетерпеливые трели оборвались, и комната погрузилась в благословенную тишину, нарушаемую лишь шумом дождя. Арина без сил опустилась на тахту, растерянно повертела телефон в руках.

– Что с ним делать?

– Закопай в саду. – Марго пожала плечами. – Или лучше утопи. Есть тут поблизости какой-нибудь водоем?

– Река.
– Вот, утопи в ней. И не жди, пока погода выправится. От улик лучше избавляться как можно быстрее.
Сказала и исчезла. Значит, на речку идти придется одной...

* * *

К вечеру дождь немного стих, но легче на душе не стало. Марго и Блэк где-то бродили, а Арина, не находя себе места, пойманным зверем металась по дому. Ей бы сесть и хорошенько обо всем подумать, однако она не хотела. Потому что, если начать думать, придется вспоминать не только то, что она позволила себе запомнить, но и все остальное, а это невыносимо.

В одиннадцать вечера, перекрикивая сиплое кукование часов, зазвонил ее мобильный, и страх, который Арина так старательно, так искусно от себя гнала, вернулся обратно. А когда она увидела, кто звонит, страх усилился в разы.

– Ты сошла с ума? – спросила трубка голосом Волкова. Совсем не голливудским – разъяренным.

– И тебе добрый вечер! – Она не может совладать со страхом, но с Волковым как-нибудь справится. Он – меньшее из зол. Может быть, вообще не зло...

– Что ты творишь? – Вежливостью такого не проймешь. Настоящие профессионалы не попадают на крючок этикета и условностей. – Зачем ты звонила в полицию?

– В полицию? – Получилось искренне: чуть удивленно, чуть насмешливо.

– Не делай из меня дурака. Шесть часов назад ты позвонила в полицию и сообщила о преступлении. Позвонила с телефона своей мертвой подружки, направила полицию по адресу, который я тебе дал.

– Они нашли ее? – Отпираться больше не было смысла. Главное, что полиция отреагировала на ее звонок.

– Кого? – В голосе Волкова послышалось что-то странное, что-то помимо бешенства.

– Флору, которую по паспорту звали Еленой Петровной Смирновой.

– Арина, – сказал Волков вкрадчиво, – никого там не нашли, ни флору, ни фауну. Дом заперт, в доме – порядок, никакого тела.

– А за домом? Тело там!

– И за домом.

– Это неправда! Она была там, за домом, лежала в клумбе, среди безвременников. Это такие цветы. Понимаешь? Фиолетовые, похожие на крокусы. Целая клумба цветов, и она в центре – мертвая. – Арине было очень важно, чтобы он поверил, чтобы не думал, что она – чокнутая истеричка.

– Там нет никакой клумбы с безвременниками, – сказал Волков, и в голосе его снова послышалось то странное, неуловимое. Может быть, жалость? – Там есть грядка. Свежая. Елена Петровна вскопала ее перед тем, как уехать по своим делам.

Нет клумбы, зато есть свежая грядка...

– Волков, – сказала Арина таким тоном, что проигнорировать ее он бы никак не смог, – это не грядка.

– А что?

– Это могила. Кто-то закопал ее там...

– Перестань, – Волков вздохнул. – Они проверили грядку тоже.

– И... что? – Сердце ухнуло вниз и теперь беспомощно трепыхалось на полу у Ариных ног.

– Ничего. Совсем, вот в чем дело. Послушай, – он спешил, не давая ей больше сказать ни слова, – послушай, в пруду в самом деле нашли тело, как ты и говорила, но в том доме ничего нет – совершенно. Может быть, тебе почудилось? Я же знаю, какие у тебя... – он запнулся, – способности.

– Я не сумасшедшая, Волков.

– Я этого и не говорил, но ты – авантюристка.

– Это неправда!

– Правда. Тебе скучно, и ты...

– Выдумываю, да? Ну, договаривай, что уж теперь!

– У тебя очень богатая фантазия, ты ведь поэтому стала писательницей.

– А еще я стала ведьмой! Это тоже из-за богатой фантазии? – С ним можно называть вещи своими именами. Только это и можно.

– Может, у тебя было всего лишь видение?

Точно – жалость! Он ее жалеет, уговаривает, успокаивает! Словно Арина сумасшедшая, очень настырная сумасшедшая, от которой просто так не отделаться, потому что когда-то в прошлой жизни, когда она была еще относительно вменяема, их что-то такое связывало. Не дружба, но общие обстоятельства. И теперь – вот незадача! – обстоятельства закончились, а отношения приходится как-то поддерживать.

– Да, возможно. – Нет смысла спорить! Сытый голодному не товарищ, рысь волку не подружка.

– Часто?

А это что – забота?

– Что – часто? – Ей вдруг стало неинтересно разговаривать, и сердце у ног больше не трепыхалось, успокоилось.

– Часто они приходят, эти видения?

– Нет, первый раз. Я просто устала. Прости, что отвлекаю.

– Арина, у тебя точно все в порядке?

А какой смысл спрашивать, если все равно не веришь, даже не пытаешься поверить?

– У меня все в полном порядке.

– И ты больше не будешь...

– И я больше не буду.

– Но если что...

– Если что, я тебе обязательно позвоню.

Я помню.

Это плохо, что она помнит, потому что спокойнее и безопаснее – забыть навсегда. Кому нужны весточки из сумасшедшего дома?

– И я тебя прошу, не впутывайся ни в какие истории.

Ах, Андрюша, ну сколько можно!..

– Не буду. У меня телефон разряжается, а зарядного рядом нет, прости. Всего хорошего!

Телефон она отключила. Для достоверности. И еще из-за опасения, что Волков может снова позвонить, а у Арины нет сил с ним разговаривать. Ей нужно подумать. Даже через «не могу», потому что не думать об этом нельзя. Она увязла. Кто-то или что-то хочет заставить ее сомневаться в собственной вменяемости. Или она в самом деле не совсем нормальная? Холод сковал ее от макушки до пяток, парализовал и почти убил.

А что, если так оно и есть? Где Марго? Где Блэк? Нет в ее жизни никаких призраков, а есть одна лишь иллюзия! Что, если из болотного тумана она вышла уже другим человеком, психически больным? А вот этот конкретный миг – редкий миг просветления, свет в оконце для одурманенного сознания!

Ледяной панцирь никак не таял, и Арине пришлось отрывать его от себя, доказывая не пойми кому, что она живая и ничего такого... жуткого в ее жизни не случилось и случиться не может. Врагам назло!

Без панциря было тяжело, почти невыносимо, словно с нее вместе с ним сняли и кожу. В Иркиной спасительной пачке оставались еще сигареты. Арина взяла одну, настезь распахнула окно, пристроилась на подоконнике, закурила. Сейчас она ни о чем не станет думать, не будет

ставить себе диагнозы и искать оправданий. Она просто посидит у открытого окна, послушает дождь, который снова зарядил, и, кажется, надолго. А потом подбросит дров в камин, сварит кофе и позвонит Ирке. Подруга расскажет ей, нормальная она или не очень. Ирка врач и в диагнозах разбирается...

В темноте за окном, в сплетении ветвей, в косых струях дождя кто-то стоял. Черный силуэт на фоне фиолетовой сентябрьской ночи. Как она его увидела? И увидела ли? Может, это происки подсознания?

Тень шевельнулась, сдвинулась в сторону плавным, текучим движением, слившись с темнотой и дождем почти полностью, мимикрировав.

– Эй, кто там? – Собственный голос показался ей чужим, дребезжащим. – Что вам нужно?

Ответом Арине стал лишь шелест потревоженных дождем листьев. Она больше ничего не видела, сколько ни всматривалась в темноту. Ночной гость ушел. Или крался сейчас к ней, готовясь напасть.

Огонек, вспыхнувший на кончике сигареты, был фиолетового цвета, цвета ее страха. Крошечный вначале, он стремительно увеличивался в размере, словно выдуваемый из трубочки мыльный пузырь. Арина видела такие раньше. Когда-то ей даже удалось справиться с этой одновременно прекрасной и опасной стихией. Со стихией удалось, а вот с черной ведьмаковой кровью – нет. И теперь приходится расплачиваться.

Фиолетовый шарик оторвался от сигареты и, оставляя в темноте трассирующий след, врезался в старую вишню. Мокрое дерево вспыхнуло, зашипело и тут же окуталось не то дымом, не то паром. Короткой вспышки хватило, чтобы увидеть...

Он стоял рядом. Ей не нужно было кричать, чтобы незванный гость ее услышал. Он услышал бы даже шепот, так убийственно близко он подошел.

Бледное лицо с провалами глазниц, сжатые в тонкую линию губы, беспокойные руки с подвижными, терзающими что-то невидимое пальцами. Она запомнила эти словно живущие сами по себе руки, но почти не разглядела лица. Наверное, так даже к лучшему. Не надо ей видеть такое...

В темноте раздался угрожающий вой, и на душе сразу полегчало. Вернулся Блэк. Или не Блэк, а всего лишь галлюцинация. Не важно! Важно, что теперь она не одна!

Ночной гость не мог слышать Блэка, но, возможно, почуял что-то неладное, потому что беззвучно отступил, слился с темнотой, растворился в дожде, словно его и не было. Ушел. Арина точно знала, что в парке

больше нет ни единой живой души.

Блэк уперся передними лапами ей в грудь, лизнул щеку шершавым языком, и она почти почувствовала и лапы, и язык, и жесткие ворсинки на вздыбленном загривке. Почувствовала и едва не разревелась от счастья и облегчения. Даже если это всего лишь галлюцинация, она согласна быть сумасшедшей.

– Где ты был? – спросила шепотом. – Где шлялся?

Блэк посмотрел на нее с укором, снова лизнул. По коже пробежали колючие разряды, как от электрического тока.

– Ты его видел?

Конечно, Блэк его видел, потому и вернулся так внезапно. Он чувствовал Арину так же хорошо, как и она его. Он был ее другом, самым верным и преданным, неистребимым.

– Кто это?

Даже если Блэк и знал ответ, то сказать все равно не мог.

Марго пришла под утро, когда настенные часы прокуковали шесть раз, уселась за стол напротив Арины, свою черепушку положила рядом с чашкой дымящегося кофе.

– Как ночка? – спросила вежливо.

– Не очень. – Арина отхлебнула кофе, потерла виски. Выспаться ей так и не удалось. Что-то не то было с ее снами, они отнимали силы. – Я думала...

– Думать вредно для здоровья. – Марго сочувственно покивала. – Видок у тебя хуже, чем у меня.

– Мне нужно поговорить с остальными. – Она пропустила шпильку мимо ушей, не до того.

– С какими еще остальными? – насторожилась Марго.

– Ведьмами Круга.

– Спятила! – Марго смотрела так, что было непонятно, ужасается она или возмущается. – Зачем тебе эти выскочки?!

– Полиция ничего не нашла.

– То есть как – ничего? Я не поняла, они ездили на вызов или нет?

– Они ездили на вызов и не нашли тела. В доме – порядок, за домом – тоже. Грядка с безвременниками перекопана под озимые...

– А тело?..

– Его нет! Вот ты скажи мне, могла она уйти сама? – Арина снова потерла виски.

– Ты шутишь, я надеюсь? – Марго неодобрительно покачала головой. – Как мертвая Флора могла куда-то уйти?

– Значит, ее унесли и уничтожили все следы убийства.

– Кто?

– А вчера ночью меня навестил... – Арина замолчала, назвать человеком тень, которую она видела в саду, не поворачивался язык. – Навестил странный гость. Мужчина. В вашем Кругу есть мужчины?

– Их в Круг не берут, – сказала Марго уверенно. – Круг – это чисто девичья забава.

– Смертельная, как видно.

– И что он от тебя хотел, этот гость?

– Я не знаю. – Арина пожала плечами. – Мне кажется, Блэк его спугнул.

– Как мог призрачный пес спугнуть реального мужика?

– Ну, или он сам ушел. – На память пришла шаровая молния, которую она инстинктивно швырнула в старую вишню, однако рассказывать об этом Марго Арина не стала. – Но знаешь, он не выглядел добродушным парнем, у него было такое лицо... жуткое. И пальцы... Он ими все время шевелил, словно это не руки, а пауки. Не было в твоём окружении никого похожего?

Марго посмотрела на нее пристально, покачала головой, а потом спросила:

– Думаешь, это он нас с Флорой?

– Я не знаю. Но мне кажется, пришло время поговорить с остальными. Потому что они все в опасности.

– И ты в первую очередь, если этот парень приходил за тобой.

– Он мне ничего не сделал.

– Возможно, вчера ему просто что-то помешало.

– Вот поэтому нужно понять, кто он и что ему от нас всех нужно.

– Ты тут ни при чем. Ты не из Круга.

– Ты тоже, но тебя все равно убили. Марго, ты знаешь телефон или адрес хоть одной из них?

– Нет, вот если бы я была ведьмой Круга...

– Флора была ведьмой Круга. – Арина залпом допила кофе. – Мне нужно еще раз осмотреть ее дом.

– Даже не думай! – Марго переместилась, прижалась поясницей к подоконнику, словно одна только мысль о возвращении в ад, маскирующийся под рай, напугала ее до полусмерти. Хотя как можно напугать до полусмерти того, кто и так уже мертв?.. – Вдруг он тоже вернется?

– Кто?

– Убийца! Я читала, убийцы любят возвращаться на место

преступления.

– Во-первых, он уже возвращался. Кто-то ведь уничтожил все улики и забрал тело Флоры. А во-вторых, сколько можно возвращаться? Марго, электричка через полчаса, нам нужно спешить!

* * *

Дождь кончился. Выглянуло солнце. Начавшийся сентябрь состоял из невероятного чередования ненастья и погожих денечков. Нынешний обещал стать солнечным, и от этого факта на душе чуть-чуть посветлело. Они с Марго шли уже знакомой дорогой, через березовую рощу. Блэк на сей раз не убегал далеко, все время крутился поблизости, словно охранял Арину.

– А если он там? – в который уже раз спросила Марго.

– Ты пойдешь и посмотришь, – отвечала Арина. – Ты же призрак, он все равно тебя не заметит.

– Легко говорить.

– Думаешь, мне сейчас легко?

– Думаю, что втянула тебя в скверную историю.

– Нет смысла это обсуждать, все равно теперь ничего не изменишь. Тот человек знает, где я живу, поэтому я уже не смогу чувствовать себя в безопасности. Нам нужно выяснить хоть что-то.

– Подожди. – Марго замедлила шаг, словно повинуюсь своей же команде. – А откуда ты знаешь, что полиция ничего не нашла?

– Он мне позвонил, сказал, что там все тщательно осмотрели.

Марго не стала спрашивать, кто «он», и уже за одно это Арина была ей очень признательна.

– Обидно, когда тебе не верят, да? – спросила сочувственно.

– Наверное. – Арина пожала плечами. – Поэтому лучше полагаться только на саму себя.

– На меня тоже можешь полагаться. – В голосе Марго послышались странные дребезжащие нотки, словно гадалка готовилась расплакаться. – Что? – спросила она в ответ на недоуменный взгляд Арины. – У меня никогда не было подруги. Зойка-змеюка не в счет. Я имею в виду такой подруги, которая согласилась бы вот так... поверить.

Наверное, она намекала, что теперь они с Ариной лучшие подруги, но та вовсе не была уверена, что именно такая дружба – то, о чем только можно мечтать, поэтому деликатно промолчала, а Марго, слава богу, не

стала развивать эту тему дальше.

Они остановились перед зарослями кустарника, в которые ныряла тропинка.

– Дальше я пойду одна, – сказала Марго тоном камикадзе, идущего в свой самый главный бой.

– Ага, давай. – За нее Арина совсем не переживала, потому что хуже, чем есть, быть уже не может. – Только осмотри там все тщательно.

– Не учи ученого, – буркнула Марго и исчезла, чтобы появиться буквально через минуту. – Все в порядке, – отрапортовала она и даже попыталась взять под козырек, но под укоризненным взглядом Арины спрятала руку за спину.

– Ты уверена?

– Обижаешь. Там никого нет: ни живых, ни... мертвых, – на последнем слове она запнулась.

На участке и в самом деле не было никого, и Блэк не проявлял никаких признаков беспокойства, только над вскопанной позади дома грядкой сделал стойку, пригнувшись. Наверное, почуял запах смерти.

– Кстати, дом заперт. – Марго ходила за Ариной хвостом, не давая сосредоточиться. – А вчера был открыт. Кто его запер, как думаешь?

Закрит. И Волков сказал, что дом был заперт. А они ведь вчера его осматривали. Изнутри.

– И что теперь собираешься делать? – бубнила Марго. – Взломаешь дверь? Выбьешь стекло?

– Блэк, охраняй! – велела Арина и, не обращая внимания на Марго, направилась к крыльцу.

Ей нужен был ключ. Она даже представила себе, как он выглядит: крупный, чуть потемневший от времени, с медным блеском в том месте, где его чаще всего касались пальцы хозяйки.

Ключ нашелся под горшком с цветущей геранью. Где еще могла сделать тайник девушка с цветочным именем Флора! Он был точно таким, как Арина его себе представила. Или увидела?.. Она не знала, а разбираться не было времени.

Дверь отворилась с тихим уютным скрипом, но Арина не спешила входить, может, ждала приглашения, хоть это, конечно, и глупо.

– Надо посмотреть в письменном столе. – Марго не страдала никакими комплексами. Она вообще очень быстро восстанавливалась после любых потрясений. Арина ей даже завидовала.

В ящиках стола царил хаос, но не потому, что кто-то устроил в доме обыск, просто иногда бывает так, что хаос организуется сам по себе, вне

зависимости от желания хозяина. Стопка бумаги, упаковка влажных салфеток, кипа журналов, посвященных садоводству, несколько пар солнцезащитных очков, гигиеническая помада, тюбик крема для рук, коммунальные счета – ничего, что могло бы помочь найти хоть кого-нибудь из Круга. Наверное, Флора, так же как и она сама, не дублировала телефонные номера на бумажных носителях, а все хранила в мобильном – белоснежном смартфоне последней модели с расписанным лилиями бампером...

Телефон нашелся спустя четверть часа. Он завалился в щель между старыми диванными подушками и был именно таким, как представлялся Арине, – с лилиями на бампере.

– Как у тебя это получается? – Марго заглянула ей через плечо. – Сначала ключ, теперь телефон.

Она ничего не ответила, лишь пожала плечами. Телефон Флоры смотрел на нее темным безжизненным экраном. Придется покупать еще одно зарядное.

– А ты ничего так, в смысле колдовских штучек, – сказала Марго не без зависти. – Тебя бы в Круг взяли без всяких испытаний.

– Я не хочу туда. – Арина снова пожала плечами.

– Ну и правильно! Там такой, как ты, может, и не слишком обрадуются.

– Почему?

– Потому что ты сильная, а сильных не любят. Ты одна смогла бы заменить половину из них. Сечешь?

– Секу. – Сунув телефон Флоры в рюкзак, Арина снова подошла к стене с единственной фотографией.

Она знала, что должна сделать, но до чего ж ей этого не хотелось! Погружаться в чужое прошлое было так же страшно, как и погружаться в чужую смерть. Жаль, что пути назад у нее больше нет. Перчатки пришлось снять, чужую энергию можно почувствовать лишь самыми кончиками обнаженных пальцев.

Мертвая девочка в венке из безвременников не рассказала ей больше ничего. А мальчик заговорил. Лучше бы он молчал!

...Бледное лицо перекошено яростью, брызги крови на нем кажутся черными, почти такими же черными, как огромные, на всю радужку, зрачки. На тонких губах отрешенная улыбка, как у творца, а не у убийцы. Изящные, аристократические запястья тоже в крови. Кровь на белоснежных манжетах сорочки, но не черная, а вызывающе алая, частичка чужой отнятой жизни.

Отступить в темноту, спрятаться, чтобы не попасться на глаза, не стать очередной жертвой, не обагрить черной ведьмаковой кровью белоснежные манжеты...

– ...Аринка! Аринка, ау!

Даже в темноте ее нашли. Нет спасения ни от слепо шарящего в пустоте ищущего взгляда, ни от визгливого голоса.

– Арина! Ты чего?..

Она – ничего. Она спряталась. А кто не спрятался, тот сам виноват...

– Все, хватит валяться! Он может вернуться в любую минуту!

Нет, не так! Он уже вернулся. Вчера ночью даже заглянул к ней на огонек – белокурый демон с алчущими глазами. А до этого он кого-то убил...

Арина дернулась, больно ударилась затылком обо что-то твердое и только потом открыла глаза. Она лежала на полу у стены с фотографией. Рядом сидели Марго и Блэк, оба напуганные и растерянные.

– Я отключилась? – Голова болела, но не в затылке, которым она приложилась об пол во время падения, а в висках.

– Ты отключилась. – Марго кивнула, а Блэк ободряюще лизнул в щеку. – Как только дотронулась до этой фотографии, так и вырубилась. Что-то увидела, да?

Осторожно, держась за стену, Арина встала. На фотографию она старалась не смотреть.

– Нам нужно уходить, – сказала шершавым, как наждачная бумага, голосом. – Тут больше ничего нет.

* * *

Зарядное они купили на обратном пути. Теперь у Арины имелись зарядные на все случаи жизни, вот только с жизнью была напряженка.

– Думаешь, мы что-нибудь найдем? – С того самого момента, как Арина положила ключ под горшок с геранью, Марго пыталась ее разговорить, а говорить совсем не хотелось. От недавнего видения – или что это, черт возьми, было! – волосы до сих пор вставали дыбом.

– Думаю, у нас нет другого выбора. – Манипуляции с очередным телефоном очередной убитой хозяйки вызывали ощущение дежавю, и, вставляя штекер в розетку, Арина скрипнула зубами. Главное, чтобы не пришлось подбирать пароль.

Не пришлось. Еще одна ведьма, уже мертвая ведьма, оказалась

беспечной, как ребенок.

Телефон зазвенел, едва только Арина его включила. На экране высветилось «Софья». Не давая себе ни секунды на раздумья, Арина приняла вызов.

– Флора! – Голос в трубке звучал как-то странно, то ли раздраженно, то ли испуганно. – Решила выбраться из норы? Очень вовремя, потому что оно сбывается!

– Что сбывается? – спросила Арина шепотом и вытерла взмокшую ладонь о джинсы.

– Предсказание этой чокнутой. – Софья была взволнована и не поняла, что разговаривает не с Флорой. – Вот только начал он не с тебя!

– А... с кого?

– С Альбины. Мы хотели с ней попробовать... сами, без остальных. Когда есть заклинательница и чрево вещательница, балласт не нужен... – В трубке забулькало, заклокотало. Софья то ли смеялась, то ли рыдала. – Решили, что, если не получилось на кладбище, может получиться... – Бульканье и клокотание внезапно стихло, и от воцарившейся тишины у Арины заломило виски, а потом Софья сказала: – Ты не Флора... – Догадалась, наконец. Или почувствовала. – Кто ты такая? Где Флора?

– Нам надо встретиться. – Арина не знала, что скажет Софье, как станет убеждать ее, но попробовать стоило. – Со мной тут Марго, – заговорила она торопливо, не обращая внимания на изменившуюся в лице гадалку. – То есть ее призрак. Я была с ней на кладбище! И знаю про пророчество...

– Где Флора? – Софья ей не верила, но связь не отключала.

– Она умерла. Смерть ее была страшной и темной, такой, как в предсказании. Марго тоже убили. А теперь что-то... плохое случилось с Альбиной, да?

В трубке слышалось тяжелое, с присвистом, дыхание. Софья слушала и молчала. Потом спросила:

– Откуда ты все это знаешь? Кто ты такая?

Ей не хотелось отвечать на эти вопросы, не хотелось иметь с происходящим ничего общего, но, сделав глубокий выдох, она сказала:

– Я одна из вас. И я могу общаться с Марго.

– Одна из нас? – в одышливом голосе мелькнуло и тут же исчезло изумление. – Ты врешь!

– Не верит? – спросила Марго одними губами. Арина покачала головой. – Скажи, что в день, когда должна была пройти моя инициация, у нее подпрыгнуло давление и ей пришлось пить таблетки, а всем остальным

ждать, когда она придет в себя. Ну же, говори!

Арина повторила все слово в слово.

– Скажи, что на ней был оранжевый балахон и чудовищные гранатовые бусы.

– На вас в тот день был оранжевый балахон и гранатовые бусы.

– Это ничего не значит, ты могла следить за нами.

Паранойя – вот еще одна общая черта всех городских ведьм. Они не верят и боятся. Хотя, казалось бы, бояться должны их.

– Мне рассказала Марго. Только что.

– Если ты была на кладбище, то должна знать, что у нас не получилось с ней связаться. Мы собрались в Круг, но у нас все равно ничего не вышло! Как такое возможно, скажи на милость?

– Не говори, что меня что-то не пустило, – шепнул голос Марго у нее в голове. – Не нужно им знать. Скажи, что я не захотела.

– Она не захотела.

– Не захотела, когда ее призывали ведьмы Круга?! – Это было уже не неверие, а явное презрение. – Такого не может быть.

– Но это случилось.

– И она пришла к тебе, потому что не захотела общаться с нами?

– Скажи, что я на них разозлилась, – слышалось в голове.

– Она была зла на вас. Из-за того, что Флора отклонила ее кандидатуру.

– Зла... – Сиплое дыхание в трубке участилось, Арине показалось, что у Софьи вот-вот приключится сердечный приступ. – А теперь Флора мертва, и какая-то выскочка пытается убедить меня в том, что знает, что происходит.

Она не знала, но была готова врать, потому что понимала – творится что-то страшное.

– Я не выскочка, и да, я кое-что действительно знаю, – произнесла Арина очень медленно.

– Одна из нас... – Казалось, Софья о чем-то размышляет. – Ну что ж, если ты не врешь, у тебя полтора часа.

– На что?

– На то, чтобы найти меня и... – она на секунду запнулась, – и Альбину. Воспользуйся своими способностями. Считай это испытанием! – В трубке в последний раз засипело и булькнуло, а потом воцарилась тишина.

– Что? – спросила Марго, на сей раз уже вслух.

– Она пригласила меня на встречу. – Арина зябко поежилась. Бессонная ночь и пережитое видение давали о себе знать. Ей не хотелось

проходить дурацкие испытания и кому-то что-то доказывать, желание было одно: с головой укрыться одеялом и уснуть. Хотя бы попытаться.

– Куда? Она сказала?

– Нет, предложила включить колдовские способности.

– Искать людей – всегда очень тяжело, в этом плане Анук – лучшая.

У тебя есть какие-нибудь предположения?

– Да. – Арина мотнула головой, прогоняя подкрадывающийся сон. – Только для этого не нужны колдовские способности.

* * *

Дежавю снова случилось. Железнодорожная станция, проржавевшая железная лестнка, убегающая в недра соснового бора бетонная дорога. Все то же самое, только без дождя.

– Ты уверена? – спросила Марго и тревожно осмотрелась.

– Софья сказала, что они с Альбиной выбрали другое место. На кладбище у них ничего не вышло. Скажи, где логичнее всего повторить попытку?

– На месте смерти. – Марго снова поежилась. – Но, знаешь ли, что-то мне не очень хочется туда возвращаться.

– Ты можешь подождать меня здесь.

– И пропустить самое интересное? Нет, я лучше потерплю.

Самое интересное. Не будет там ничего интересного, а будет страшное. И не нужны колдовские способности, чтобы это понять. Альбина больше никого не сможет призвать, потому что ее нет. Как и Флоры. Как и самой Марго...

Она сидела в полуразрушенной беседке. Большая, грузная, в сером, похожем на рубище балахоне. Закрытый веер лежал рядом на бортике.

– Значит, все-таки нашла, – сказала она, оборачиваясь всем корпусом, впиваясь в Арину близоруким, с прищуром, взглядом.

– Это было легко. – Арина остановилась, не доходя до беседки.

Нет, она не боялась Софьи, она боялась того, что ей предстояло увидеть на полу беседки.

– Марго с тобой?

Та презрительно поморщилась и принялась разглядывать узоры на своей черепушке.

– Да, она со мной.

– А Флора?

– Ее нет.

– Как она умерла? – Софья потянулась за веером, в тишине его костяные пластины щелкнули неприлично громко.

– Которая из них?

– Флора. Скажи, как она умерла.

– Я не знаю...

Софья раздраженно взмахнула веером.

– Я не знаю, отчего именно она умерла, но, когда я ее нашла, у нее не было глаз, – закончила Арина и сделала шаг к беседке.

– Не было глаз...

– Альбина с тобой?

– Хочешь посмотреть? – Софья улыбнулась жуткой улыбкой, по ее круглому лицу пошла рябь.

– Нет.

– Но ты все равно посмотришь. Ты ведь для этого сюда пришла.

– Я посмотрю.

...Альбина лежала ничком, у самых ног Софьи, растоптанные, перепачканные в грязи туфли которой едва не касались ее поясницы. Пол беседки был залит кровью и усыпан битым бутылочным стеклом.

– Ей вспороли горло... – Голос Софьи был глух, словно у нее самой не было горла. – Мы договорились встретиться здесь, решили, что сможем справиться вдвоем, без остальных. Я опоздала. Лишний вес, понимаешь ли, пешие прогулки не мой конек. – Софья со свистом втянула в себя воздух, толстый живот заходил ходуном. – Смотрю – никого. Для Альбины это нормальное дело, она не приучена к порядку, у нее все через одно место... было. И я решила подождать ее тут. – Софья стукнула ребром веера по перилам беседки. – Вот так и нашла.

– Вы кому-то еще звонили? Кому-то, кроме Флоры? – На мертвое тело Арина старалась не смотреть. Впрочем, на Софью тоже. Лучше смотреть на верхушки деревьев – безопаснее.

– Я звонила им всем. – Снова щелкнул веер, зло, как удар хлыста. – Никто не отозвался.

– Почему?

– Потому что они ведьмы! – В голосе Софьи послышалась злость. – Каждая сама по себе, сама себе хозяйка. Даже в такое время, даже после этого... предсказания. Саломея и Анук отключили телефоны, скорее всего работают с клиентами. У Ксении – педсовет, а это ужас как важно. Куда важнее каких-то там убийств...

– А Ямаха?

– Абонент вне зоны доступа сети. Носится где-нибудь на своем мотоцикле.

– И тогда вы позвонили Флоре.

– Акт отчаяния. – Софья усмехнулась. – А тут раз – и в десяточку. Тебя как зовут, девочка?

Арина представилась.

– И ты утверждаешь, что одна из нас?

– Что-то вроде того.

– Такие, как мы, штучный товар. Что ты умеешь?

– Ничего.

Этот допрос над мертвым телом казался Арине неуместным и диким.

– Значит, ты не одна из нас. – Софья кивнула, вроде бы даже удовлетворенно. – Но Марго пришла именно к тебе. Почему?

– Потому что я ее вижу.

– Ты ничего не умеешь, но при этом общаешься с мертвыми. Где же правда, девочка?

Арина неопределенно пожала плечами.

– Правильно, – шепнула Марго, – нечего им все о себе выкладывать, обойдутся.

– А знаешь, почему я с тобой сейчас разговариваю? Почему позволила прийти?

– Ишь, цаца какая! Она позволила! – хмыкнула Марго. – Можно подумать, нам нужно ее разрешение!

– Я сама пришла, мне не нужно ваше позволение.

– Побольше уважения, девочка. Я вещала, когда ты еще под стол пешком ходила. – Софья погладила себя по необъятному животу.

– Как вы намерены поступить? – Арина не хотела говорить ни о себе, ни о Софье, она не за тем сюда пришла.

– Ты знаешь, где тело Флоры? – вопросом на вопрос ответила Софья.

– Нет.

– Но ты видела ее мертвой?

– Да.

– Где?

– В саду, в ее загородном доме.

– И что ты там делала?

Арина посмотрела на Марго. Стоит ли рассказывать об СМС?

Марго все поняла правильно, кивнула в ответ:

– В конце концов, мы ведь затем сюда и пришли, чтобы докопаться до правды.

– Тело Марго нашла я. Вот в этом пруду. И в беседке нашла телефон. Флора отправила Марго сообщение незадолго до ее смерти. Мы решили, что именно она выманила Марго к пруду.

– И утопила?! – Софья тяжело поднялась на ноги, придерживаясь за перила, выбралась из беседки. – Чушь!

– Наверное. Но во входящих остался именно ее номер.

– А что говорит сама Марго? – Софья неспешно, вразвалочку, подошла к Арине, посмотрела сверху вниз. – Кто ее убил?

– Она не помнит.

– Значит, не помнит... – Кончиком веера Софья почесала подбородок. От недавней ее почти панической растерянности не осталось и следа. – А предсказание? Что она помнит из предсказанного? Или, что важнее, из того, что не успела предсказать.

Прежде чем ответить, Арина снова посмотрела на Марго.

– Ничего.

– Это плохо. Грош цена тому предсказателю, который не помнит собственные пророчества.

Наверное, Марго обиделась. Даже наверняка. Потому что то, что случилось дальше, можно было объяснить только обидой и злостью. Арина замороженно наблюдала, как сливаются воедино две фигуры: реальная и призрачная. Марго примеряла тело Софьи, как примеряют платье не по фигуре, разглаживала складки, расправляла заломы. А потом заговорила густым, неженским басом...

– Хочешь предсказания, старая корова? – Рука Софьи взметнулась вверх, веер хлестнул по обвислой щеке, оставляя багровую полосу. – Вы все подохнете! Как тебе такое предсказание? Теперь довольна?

Рука с веером снова поднялась для удара.

– Марго, перестань! – закричала Арина. – Оставь ее!

– Уйди... – Губы Софьи стремительно синели, белки глаз наливались кровью. – Убирайся, чертова гадалка!

Рыхлое, необъятное тело заколыхалось, как квашня, пошло волной, исторгая из себя разъяренного призрака.

– Не на ту напала! – Софья снова замахнулась веером, зло рассекала воздух перед собой. Веер прошел сквозь призрачное тело, и Марго зашипела как ошпаренная.

Так они и стояли друг напротив друга. Задыхающаяся, посиневшая Софья и готовая к новой атаке Марго.

– Хватит! – сказала Арина и встала между Софьей и призраком. – Прекратите!

– Заметь, не я это начала. – Толстуха обмахнулась веером и стерла со лба бисеринки пота.

– Ты ее обидела.

– Надо же, какие обидчивые нынче пошли призраки!

– Она не просто призрак, а одна из вас.

– Твоя правда, девочка. – Софья успокоилась неожиданно легко, пышная грудь ее перестала вздыматься с силой кузнечных мехов, глаза снова сощурились. – В том, что произошло, есть один несомненный плюс.

– Ага, я отхлестала тебя по морде, толстая корова! – Марго замахнулась черепушкой, словно хотела метнуть ее в лоб Софье.

– Хватит, – велела Арина, и гадалка с явной неохотой опустила руку.

– Это ты сейчас кому? – поинтересовалась Софья, поправляя складки на своем балахоне.

– Марго. Так о каком плюсе вы говорите?

– Ты меня не обманула. Эта ненормальная гадалка в самом деле с тобой. Более того, ты можешь не просто ее видеть, но и общаться с ней. Ты одна из нас, девочка.

– Еще поблагодари ее за оказанное доверие, – проворчала Марго.

Арина ничего не ответила, лишь нетерпеливо отмахнулась.

– И тебя нужно представить Кругу, – сказала Софья, как отрезала. – Пойдем!

– Куда?

– К Анук.

– А что будет с ней? – Арина посмотрела в сторону беседки.

– Что? – Софья пожала плечами. – Хуже, чем есть, ей уже не будет.

Да, похоже, эту фразу можно делать девизом не только Марго, но и всех местных ведьм.

– Мы ведь ее тут не оставим?

Прежде чем заговорить, Софья смерила ее долгим взглядом, а потом спросила:

– Она была твоей подружкой?

– Нет. – Арина мотнула головой.

– А эта? – Софья ткнула веером в сторону Марго, словно знала, где та стоит.

– Мы познакомились уже после ее смерти.

– В таком случае я тебя не понимаю. Какое тебе дело, что станет с телом той, которую ты даже не знала?

– Это не по-человечески.

Марго, внимательно прислушивавшаяся к разговору, одобрительно

кивнула.

– Не по-человечески, – рассеянно повторила Софья. – Отнимать чужую жизнь – вот это не по-человечески. – Она немного помолчала, что-то обдумывая, а потом добавила: – Не переживай так, девочка. Мы с этим разберемся.

– Как?

– Позвоним, куда следует.

– Анонимно?

– А у тебя, как я погляжу, уже есть подобный опыт. – Софья сощурилась, и глаза ее превратились в узкие щелочки.

Вместо ответа Арина лишь раздраженно дернула плечом.

– Это правильно. Мертвым не помочь, а у живых могут случиться ненужные проблемы.

Арина хотела сказать, что проблемы уже случились, потому что еще несколько дней назад и Флора, и Альбина были живы-здоровы, но решила промолчать. Софья не выглядела наивной дурочкой и, видимо, в проблемах знала толк.

– Нам лучше держаться подальше от всего этого. – Толстуха неопределенно повела рукой в сторону беседки. – У полиции к таким, как мы, доверия мало. Пусть их... Они будут вести свое расследование, а мы – свое. Ну, пойдем, а то опоздаем на электричку, следующая только через полтора часа.

* * *

Аккуратный, выложенный из красного кирпича домик стоял на отшибе, так что от поселка его отделял поросший бурьяном пустырь. Похоже, ведьмы любят уединение. Впрочем, как и сама Арина. Ведьма она там или нет, а дом выбрала в глуши, подальше от посторонних глаз. Что это? Естественное стремление к тишине и покою или зов крови? Ответа у Арины не было, а спрашивать у Софьи она не собиралась.

Переход от остановки к поселку дался толстухе с трудом. Она шла медленно, по-утиному переваливаясь с ноги на ногу, обмахиваясь веером и бормоча что-то себе под нос. На идущую следом Арину не обращала никакого внимания, словно та была таким же призраком, как и Марго. Зато та не замолкала ни на секунду. Похоже, участие в ведьмовской жизни ей очень нравилось. Пусть даже оно и было посмертным.

– Анук из всей их компании самая старая и самая нормальная. Ведьма

еще той, коммунистической, закалки.

Ведьма коммунистической закалки! Рассказать кому – не поверят.

– И денег она не берет. То есть берет, конечно, но только если сами предложат. А нет, она и за так работать будет, – сообщила Марго, когда Софья остановилась перед железной калиткой. – Правильно, конечно, но, с другой стороны, время-то сейчас какое! Спасибо в карман не положишь и в магазине им не рассчитаешься. Особенно если живешь в столице, а не в этой глухомани. – Обнесенный забором участок она оглядела с плохо скрываемым пренебрежением.

Софья тем временем с силой постучала в калитку, но открывать не стала, сложила руки на животе, приготовившись ждать. Через несколько минут с той стороны послышались шаркающие шаги, и калитка гостеприимно распахнулась.

Вблизи Анук оказалась куда старше, чем представлялось Арине. Смуглое лицо ее прочерчивали глубокие морщины, в густых бровях виднелись седые волоски, а черные, с прищуром, глаза смотрели из-под низко повязанного платка совсем без интереса, как будто Анук ждала прихода гостей. Тонко вырезанные ноздри дрогнули, втягивая в себя воздух, во взгляде мелькнуло и тут же исчезло удивление.

– Вы втроем заходите, – сказала она вместо приветствия, – а пес пусть останется.

– Пес?! – Софья развернулась всем своим грузным телом, огляделась.

– Ее мертвый пес. – Анук указала пальцем на Арину. На смуглом запястье звякнули серебряные браслеты.

– Блэк, обожди меня здесь, – велела Арина и, миновав озадаченную Софью, протиснулась к калитке: – Здравствуйте, меня зовут Арина.

Анук разглядывала ее долго и очень внимательно, а потом густые брови удивленно поползли вверх, как будто она узнала про гостью что-то совсем уж невероятное.

– Не стойте на пороге, – сказала она наконец и улыбнулась. Улыбка была чудесная, белозубая, удивительным образом расцветившая ее старое и некрасивое, в общем-то, лицо. – Я как раз собиралась пить кофе. Ты ведь любишь кофе, Арина?

Ответить она не успела, в разговор вмешалась Софья.

– У нас проблемы! – сказала толстуха и зло щелкнула веером по раскрытой ладони.

– Мы ведь это предвидели. – Пошире распахнув калитку, Анук велела: – Входите! Незачем привлекать ненужное внимание.

Вслед за хозяйкой они прошли на залитую солнцем веранду.

– Садитесь здесь. – Анук кивнула на стоящие вокруг небольшого стола плетеные кресла. – Я сейчас.

Кресел было ровно три. Места хватило и живым, и мертвым. Марго тут же воспользовалась предложением: с комфортом расположилась в одном из кресел, закинула ногу на ногу, положила свою черепушку на раскрытый веер Софьи, мстительно улыбнулась. Толстуха в кресло не села, а буквально упала, откинулась на спинку, закрыла глаза, а через пару минут ее шумное дыхание превратилось в храп. Арина садиться не стала, оставляя место для Анук, опершись локтями о перила, принялась разглядывать двор. Здесь тоже было много зелени, как и у Флоры, но если та любила цветы, то хозяйка этого дома отдавала предпочтение кустам и плодовым деревьям, а столбики веранды обвивал виноград. Арина сорвала желто-зеленую, прозрачную на просвет ягоду, положила в рот.

– В этом году виноград не удался, – послышалось за ее спиной. – Слишком много дождей, слишком мало солнца.

Анук вышла на веранду с подносом в руках, принялась выставлять на стол чашки с кофе, сахарницу, вазочки с засахаренными фруктами и шоколадными конфетами. Рядом с дремлющей Софьей поставила высокий стакан и запотевшую бутылку минеральной воды.

– Ей нельзя кофе, проблемы с сердцем, – объяснила Анук, поймав удивленный Аринин взгляд. – А ты не стой, присаживайся. Да не переживай, места всем хватит, я сейчас принесу стул, – сказала и снова скрылась в доме.

– Она меня чует, – объяснила Марго, с тоской разглядывая угощения. – На колени ко мне точно не сядет, не бойся.

Анук вернулась через пару минут, поставила рядом с креслом Арины мягкий плетеный стул, из складок платья достала портсигар, зажигалку, миниатюрную портативную пепельницу и похожий на кинжал нож с украшенной странной вязью костяной рукояткой. Сказала, глядя на Арину:

– Можешь закурить. Я вижу, тебе хочется. – И тут же закурила сама, помахала ладонью перед лицом, разгоняя ароматный, какой-то совершенно не табачный дым, отхлебнула из чашки, довольно прикрыла глаза.

Арина последовала ее примеру, в душе надеясь, что сигареты Анук – это всего лишь сигареты, а не какая-нибудь дурь.

– Не бойся, – усмехнулась та, не открывая глаз. – Это просто элитный табак. Очень дорогой. Иногда хочется позволить себе хоть какую-нибудь слабость.

Она сказала это таким тоном, что сразу стало ясно – слабости в ее жизни вообще нет места.

Проснулась Софья, всхрипнула, по-лошадиному мотнула головой, потянулась за минералкой, с жадностью отхлебнула прямо из бутылки.

– Жарища! – сказала она, осушив бутылку наполовину, и потянулась за веером.

Марго проворно забрала черепушку, подмигнула Арине.

– Попробуй кофе. – Анук придвинула к Арине чашку. – Варю по старинному рецепту.

Кофе и в самом деле был отменный, черный, как деготь, маслянистый, ароматный.

– У нас проблемы, Анук. – Софья снова потянулась за водой. – Очень серьезные.

– погоди, дай нам с девочкой пять минут. Случившееся все равно уже не исправить, а в жизни слишком мало ароматных мгновений, чтобы ими разбрасываться.

И Арина как-то враз поняла, что жизнь человека с таким тонким обонянием на самом деле может оказаться кошмаром. Потому что хорошим кофе и дорогим табаком пахнет не везде и не всегда.

Пять минут прошли в абсолютной тишине. Анук заговорила, когда был выпит последний глоток кофе и сделана последняя затяжка.

– Кто? – спросила она, вперив взгляд в уже снова задремавшую Софью.

– Альбина! – Толстуха встрепенулась, потянулась за минералкой. – Я нашла ее в беседке у пансионата. Анук, кто-то взрезал ей горло! – В голосе Софьи слышалась паника, от недавнего показного равнодушия не осталось и следа. Она затряслась вся сразу: губами, щеками, животом. Бутылка выпала из толстых пальцев, покатила по столу. Арина поймала ее у самого края.

– Что она делала у пансионата? – спросила Анук, разглядывая гроздь винограда. – И ты?

– Мы хотели призвать Марго. – Софья скосила глаза на пустое кресло рядом с собой.

Анук понимающе кивнула.

– Я опоздала, а когда пришла, Альбина была уже мертва.

– На сколько? – спросила Анук скучным голосом.

– Что – на сколько?

– На сколько ты опоздала?

– Минут на двадцать-тридцать, не больше.

– Кто-то еще знал о вашей затее?

– Нет, я никому не говорила.

– А Альбина?

Вместо ответа Софья пожала плечами.

– Понятно. – Анук перевела взгляд на Арину: – Откуда взялась ты?

– Марго пришла к ней после своей смерти, – ответила Софья, словно этот факт все объяснял.

– Помолчи, – велела Анук и, не сводя взгляда с Арины, потребовала: – Рассказывай!

И она рассказала. Почти все, без утайки. В конце концов, она ведь именно затем и искала встречи с этими странными женщинами, чтобы рассказать, переложить хотя бы часть груза со своих плеч на чужие, а заодно получить ответ на самый волнующий вопрос: что происходит?

Увы, у Анук не было ответа, только бесконечные вопросы, иногда совершенно не относящиеся к делу, порой опасные, касающиеся Ариногого прошлого. И тогда Арина просто замолкала, по-детски упрямо отводила взгляд, сжимала руки в кулаки. Молчание лучше лжи. По крайней мере, ей хотелось так думать.

Когда разговор, больше похожий на допрос, подошел к концу, Арина снова потянулась за сигаретами Анук. Потянулась нагло, без разрешения, как за моральной компенсацией. Наверное, она что-то сделала не так. Возможно, жест этот был воспринят хозяйкой как оскорбление. Потому что на запястье сомкнулись крепкие смуглые пальцы, а в ладонь впилось что-то острое. Отдернуть руку не получилось, хватка Анук была не по-женски сильной.

– Не дергайся, – сказала она одними губами. – Я только понюхаю.

Собственная кровь казалась Арине черной и густой, как вишневое варенье. Рубиновая капля каталась по ладони, вычерчивая кровавый узор на месте старого шрама от другой, куда более опасной раны, той самой, что однажды изменила Аринину судьбу раз и навсегда.

Ноздри Анук раздувались, глаза затуманились, словно она обоняла самый прекрасный или, наоборот, самый ужасный в мире аромат. Арина больше не пыталась отдернуть руку, завороченно наблюдая за рисунком на своей ладони. Латинская буква «W», как клеймо. Похоже на witch...

Наконец, Анук разжала пальцы, откинулась на спинку стула.

– Можешь курить, – разрешила она чуть охрипшим голосом и протянула бумажную салфетку.

Арина прижала ее к ладони, посмотрела на окровавленное лезвие ножа с костяной рукоятью, потянулась за сигаретами.

– Не знала, что она так может, – восхищенно сказала Марго.

– Черная кровь. – Анук посмотрела на Арину как-то по-особенному.

Ей даже показалось, что удивленно.

– И как анализ? Лейкоциты, эритроциты в порядке? СОЭ не увеличена? – Ей было страшно. Наверное, поэтому она дерзила.

– С тобой все в порядке. – Анук тоже закурила, возможно, чтобы перебить запах крови. – Но я не понимаю, как тебе удалось остаться в живых. Черная кровь убивает почти всегда. Даже женская... – Она сделала глубокую затяжку, помолчала, разглядывая Арину через облако дыма.

Ее разглядывали все присутствующие за столом: Марго испуганно, Софья удивленно. По их лицам было совершенно ясно: в происходящем они разбираются гораздо лучше нее. Это злило, подталкивало задать вопросы, узнать о себе хоть что-нибудь. Но Арина не стала, побоялась показаться слабой и несведущей.

– Ты хочешь сказать, мужчина?.. Уверена? – Софья посмотрела на Анук поверх веера.

– Очень сильный, – кивнула та.

– И она, – веер снова уперся Арине в грудь, – истинная? Преемница по крови?

– Единственная выжившая из мне известных. И инициированная не Кругом, а кровью.

– Ничего себе! – Теперь во взгляде Софьи появилось что-то отдаленно похожее на уважение.

Они говорили об Арине так, словно ее не было рядом. Пускай! Ей все равно. Арина курила, занавесившись от всего мира сигаретным дымом, и думала, что нормальной жизни пришел конец и нужно как-то научиться мириться с этим.

– Нам пора ехать, – сказала Анук, загасив сигарету в пепельнице.

– Куда? – спросили они в один голос.

– Домой к Флоре. – Анук посмотрела на Арину: – Так ты утверждаешь, ее тело пропало?

– Да, – она кивнула.

– Значит, попробуем его отыскать.

К горлу подкатил колющий ком, глаза защипало, и Арина закашлялась. Она не хотела искать мертвую Флору, не хотела еще раз увидеть эту ее жуткую улыбку.

– Тебе не придется ничего делать самой. – Анук погладила ее по голове. – Ты только укажешь нам дорогу к дому.

– А сами вы не знаете?

– Флора была очень скрытной девочкой. Вообще-то большинство из нас предпочитает держаться в тени...

– Альбина любила тусоваться, – перебила ее Софья, тяжело выбираясь из кресла.

– Она была талантливой, но глупой. Такое иногда случается. У глупой ведьмы короткий век. – Анук в упор посмотрела на Арину. Взгляд черных глаз был тяжелый, как гранитная плита, но Арина выдержала. Может, она и глупая ведьма, но в своей жизни успела повидать куда более страшные вещи и держать удар научилась. По крайней мере, ей хотелось так думать.

– Если вы рассчитываете попасть на место до ночи, нужно торопиться. Электричка через сорок минут. – Скоро она выучит расписание пригородных поездов наизусть, так часто в последнее время ей приходится пользоваться услугами железной дороги.

– Нам не нужна электричка. Мы поедем на машине. – Анук улыбнулась, а Софья вздохнула с облегчением.

Машина у Анук была не новая, но резвая, как раз чтобы не привлекать ненужного внимания. Водила Анук по-мужски напористо и энергично. Было очевидно, что за рулем ей нравится.

– А что с Альбиной? – спросила Арина, когда с заднего сиденья, где расположились Софья и Марго, послышался храп.

– Ее тело найдут, я об этом позаботилась. – Анук не сводила взгляда с дороги.

Арина не стала уточнять, как именно она побеспокоилась. На несколько минут Анук уединилась в доме, наверное, чтобы сделать необходимые распоряжения и телефонные звонки.

– Сейчас меня больше беспокоит Флора. С нее все началось, – сказала Анук после небольшой паузы.

– Вообще-то все началось с меня, – послышался с заднего сиденья сварливый голос гадалки.

– Первой убили Марго, – повторила за ней Арина.

– Не важно, кого убили первым! – Анук раздраженно дернула плечом, и машина, подпрыгнув на ухабе, вильнула. – Гораздо важнее, кто первым почувствовал приближающуюся беду.

– Флора?

– Да. Она была спонтанной. Ты знаешь, что это значит? – Анук скосила на нее взгляд.

– Да, я только не знаю, отчего в ней проснулся дар.

– Тут все просто и страшно одновременно. Пять лет назад на Флору напали какие-то подонки, изнасиловали, избили и бросили умирать, как собаку. – Анук сунула в зубы сигарету, щелкнула зажигалкой. – Если бы Марта ее не нашла, так бы и случилось.

– Марта?

– Одна из нас. Во всяком случае, была одной из нас, пока не ушла. Марта была целительницей, очень сильной. Наверное, она смогла бы и мертвого поднять, если бы задалась такой целью. – Анук снова замолчала, а когда заговорила, голос ее едва уловимо изменился, может быть, стал чуть мягче. – Марта ее выходила, вытащила с того света, излечила душу. Или попыталась излечить. С душой, знаешь ли, все обстоит гораздо сложнее, чем с телом.

– И у Флоры открылся дар?

– Да, она стала видеть.

– Мертвых?

– Мертвых, астральных сущностей, грязь. Ее хватает в обоих мирах. Флора чувствовала эту грязь особенно остро, наверное, потому окружала себя цветами.

– Как вы запахами?

– В любой профессии есть свои издержки, и каждый по-своему пытается с ними бороться.

– Вы сказали, Флора первой почувствовала неладное.

– Да, это случилось месяц назад, когда исчезла Марта.

– Просто взяла и исчезла?

– С нами такое случается. Иногда мы все бросаем, чтобы начать жизнь с чистого листа, а порой срываемся с насиженного места, когда чуем опасность. Ты ведь понимаешь, о чем я?

Арина понимала. Ее собственная жизнь была иллюстрацией слов Анук.

– Поэтому, когда Марта исчезла, никто особо не встревожился.

– Кроме Флоры, – раздался с заднего сиденья голос Софьи. Оказывается, она проснулась и теперь прислушивалась к разговору. – Девчонка пыталась убедить нас, что это ненормально, требовала, чтобы мы занялись поисками Марты.

– А вы? – Арина обернулась, чтобы видеть лицо толстухи.

– Если ведьма не хочет, чтобы ее нашли, она сделает для этого все возможное, – вместо Софьи ответила Анук. – Есть определенная этика, или, если хочешь, кодекс. Мы не вмешиваемся в жизнь друг друга.

Арина это уже заметила. Моя хата с краю. Каждый сам по себе.

– Зачем же нужен Круг? – Ей не удалось скрыть раздражение, и Софья за ее спиной многозначительно хмыкнула.

– Он делает нас сильнее. – Анук съехала с шоссе на грунтовку. – Бывают такие дела, разбираться с которыми лучше сообща.

– Флора требовала собрать Круг, когда пропала Марта? – догадалась Арина.

– Требовала, – согласилась Софья.

– Но вы ей отказали.

– Да.

– Почему?

– Потому что, прежде чем что-то требовать, нужно проявить уважение.

А с уважением у Флоры были большие проблемы. Это во-первых. – Арину обдало прохладным воздухом – Софья вспомнила про свой веер. – А во-вторых, Марта не пропала, она ушла.

– Во всяком случае, тогда мы так думали, – сказала Анука.

– Я и сейчас так думаю. Целительство отнимает уйму сил, а Марта, попрошу заметить, лечила отнюдь не бородавки. Сидит небось где-нибудь на Тибете, поправляет здоровье. А эта паршивка, после того как ей отказали, совсем слетела с катушек. Анука, чего ты молчишь? Скажи! Она ведь всю нашу работу саботировала. И с гадалкой этой, уверена, назло нам все сделала.

– Гадалка, между прочим, тут, – проворчала Марго, а потом добавила: – Как страшен мир, кругом интриги!

Будто что-то почувствовав, Софья покосилась на пустое место рядом с собой и спросила:

– Она что, здесь?

Арина кивнула в ответ.

– Все равно я не понимаю, зачем Флора хотела меня видеть? – Марго рассеянно повертела в руках свою черепушку. – Спроси у них.

Арина спросила, ей и самой хотелось понять.

– Возможно, сообщение отправила не Флора, – после недолгих размышлений сказала Анука. – Мы не берем в Круг телефоны, чтобы не отвлекали. В тот раз мобильные остались на веранде. А потом, после предсказания, началась такая неразбериха. Отправить сообщение мог кто угодно.

– Почему Марго ничего не помнит? – спросила Арина. – И почему она осталась тут, в то время как Флора и Альбина ушли?

– Знаешь, что такое пророчество? – вопросом на вопрос ответила Анука. – Это глубочайший транс: тело отдельно, душа отдельно. Убили тело, а душа осталась неупокоенной. Как я понимаю, Марго пророчила первый раз в жизни. Без подготовки это очень тяжело. Она не вышла до конца из измененного состояния сознания, когда отправилась на встречу со своим убийцей.

– В домике никого не было, когда его сносили, – прокомментировала Марго и хихикнула. Смешок получился невеселый, истеричный.

Дорога тем временем уткнулась в уже знакомые Арине заросли. Дальше пришлось идти пешком, то и дело останавливаясь, дожидаясь, пока Софья отдышится. Блэк, который появился, стоило только Арине выйти из машины, теперь степенно трусил рядом и даже не пытался забежать вперед.

В доме за зеленым забором ничего не изменилось. Из-под горшка с геранью Арина достала ключ, открыла замок. Анук переступила порог первой, принялась, обошла большую комнату по периметру, в раздумьях постояла перед фотографией.

– Это его ты видела в своих видениях? – спросила она, не сводя взгляда со снимка.

– Да, – Арина кивнула. – Кажется. То есть я почти уверена. Он был весь в крови...

– Своей?

– Чужой.

– Это ее старший брат. Родство очевидно. – Анук наконец отвернулась от фотографии и посмотрела на Софью, развалившуюся на старом диване. – Ты что-нибудь слышала о ее брате?

– Ничего. – Толстуха покачала головой, вылила в себя остатки минералки. – До сегодняшнего дня я даже не догадывалась о его существовании. Надо спросить у Ямахи. Она с Флорой общалась почаще нашего. Видящая и слышащая всегда найдут тему для разговоров.

– Спросим, – пообещала Анук и направилась к выходу. – В доме нет ничего интересного.

Снаружи тоже не было ничего интересного. Что может быть интересного в смерти?..

Вслед за Анук они обошли дом, приблизились к участку свежескопанной земли.

– Тут ее кровь. Много крови. – Анук поморщилась. – Но тела здесь нет.

– И вы можете ее найти? – спросила Арина, внутренне холодея от такой перспективы.

– Не только я, но и твой мертвый пес, если уж на то пошло. Он чувствует смерть не хуже моего.

Словно в подтверждение ее слов Блэк рыкнул.

– Ищи! – велела Арина и тут же обернулась к Анук: – Это я не вам, а ему.

– Я поняла, – Анук усмехнулась, взяла в руку горсть земли, понюхала. Ее смуглое лицо побледнело, а взгляд сделался мутным, с поволокой, как у наркоманки.

– Не отвлекай ее теперь, – шепнула Марго. – Она ищет след.

След Анук нашла очень быстро, не обращая внимания на присутствующих, направилась в глубь сада, к прячущейся за кустами сирени потайной калитке. Оттуда в лес убегала узкая тропинка, идти по которой можно было только поодиночке, гуськом. Так они и шли: впереди Анук, следом Блэк, за ним Арина с Марго. Замыкала процессию Софья. Шли долго, лес как-то незаметно из веселого дачного березняка превратился в мрачный ельник, темнел, обступал со всех сторон, сердито шумел ветвями. Анук ни на мгновение не замедляла шаг, и Софья давным-давно отстала, пропала из виду.

Анук остановилась внезапно, так, что шедшая следом Арина едва не сбила ее с ног и не упала сама. Блэк завыл. От его воя Марго испуганно вздрогнула, обхватила себя за плечи.

– Вот мы и пришли, – сказала Анук будничным тоном. – Это где-то здесь.

Они стояли на краю небольшой лесной поляны, неожиданно светлой для такого сумрачного леса, поросшей земляникой и чабрецом, с выглядывающими из колючей травы осенними цветами.

– Вот оно! – Марго ткнула пальцем в центр поляны, на невысокий холмик из рыхлой земли. – Флора здесь...

Ничто не указывало на то, что это могила, но они знали наверняка. Чували...

– Он закопал ее здесь. – Анук не стала подходить к могиле, закурила, жадно затянувшись своими диковинными сигаретами.

– Кто?

– Тот, кто ее убил. Убил, перепрятал тело, уничтожил улики. Нет тела – нет дела. А ты, – она посмотрела на Арину, – теперь в большой опасности.

– Почему? – Она знала это, но ей хотелось услышать, что скажет Анук.

– Потому что ты его спугнула, возможно, не дала закончить начатый, какой-то только ему одному ведомый ритуал. Потому что он тебя видел и знает, где ты живешь. Это ведь он приходил к тебе прошлой ночью. – Анук не спрашивала, она утверждала, и глубоко в душе Арина была с ней согласна, хотя соглашаться не хотелось.

Она вляпалась... Сунулась во взрослые ведьмовские игры.

– Он ничего мне не сделал.

– Это ни о чем не говорит. Никто не знает, какие у него планы.

– Он убивает так страшно... так жестоко. Почему?

Анук ничего не ответила, но по лицу ее пробежала тень какой-то смутной догадки.

– Она ведь была его сестрой. – Арина могла поверить в случайного маньяка, но представить, что подобное зверство совершил близкий по крови человек, не получалось.

– Мы о нем ничего не знаем. – Анук поежилась, подняла лицо к стремительно темнеющему небу. – До недавнего времени мы даже не догадывались о его существовании. Скоро начнется дождь. Нам нужно возвращаться.

– Я, конечно, не психолог, – подала голос Марго, – но тут должно быть что-то личное. Меня и Альбину он просто бросил, а Флору спрятал.

– Он ее похоронил, – Арина кивнула. – Единственную из своих жертв. Почему?

Анук посмотрела на нее с интересом, а потом сказала страшное:

– Чтобы приходить на ее могилу, чтобы даже после смерти она оставалась только с ним. Высшая степень эгоизма. А теперь, – Анук огляделась, – нам и в самом деле пора идти.

– Он может быть рядом, – сказала Марго шепотом.

– Тебе больше не нужно его бояться. – Арина оглядела обступающий их со всех сторон лес. Лес, как и небо, темнел, наливался мраком. В своих поисках они не заметили, как наступил хмурый предгрозовый вечер.

– Зато тебе нужно, – сказала Марго едва слышно.

– Я справлюсь, – пообещала Арина. – Как-нибудь...

С неба упали первые капли, забарабанили по могиле Флоры, и Арине вдруг подумалось, что следующей весной из могилы прорастут безвременники...

Дождь усиливался с каждой минутой, поэтому шли быстро. Если бы не Анук, Арина, наверное, побежала бы, а так приходилось подстраиваться, сдерживать шаг. Может, из-за дождя, а может, из-за сгущающейся темноты обратный путь казался в разы длиннее. Ей даже подумалось, что они заблудились в этом сумрачном лесу и теперь останутся в нем до утра, мокнуть, мерзнуть и вздрагивать от каждого шороха.

Где-то впереди завыл Блэк. Сердце испуганно дернулось, затрепетало, как у пойманного в силки зайца.

– Пойду-ка я гляну. – Наверное, Марго и в самом деле тревожилась за нее, раз решилась на такой подвиг.

– Ты только осторожнее. – Глупо говорить такое мертвой женщине, уверенной, что хуже, чем есть, уже не будет. Но и отпустить Марго просто

так она не могла.

А Анук молчала. Сказала бы хоть словечко, успокоила. И дождь ей вроде как нипочем.

Тишину, нарушаемую лишь шумом дождя, вдруг разорвал истошный женский вопль, а через мгновение Марго материализовалась прямо посреди тропинки. Арина испуганно шарахнулась в сторону, больно ударившись плечом о мокрый ствол березы.

– Что там? – спросила она непослушными губами.

Анук остановилась, обернулась.

– Что происходит? – Ее взгляд слепо шарил в темноте за Ариной. – Ты что-то почувствовала?

– Не я – Марго. – Непрекращающийся вой Блэка подтвердил ее самые страшные подозрения. Произошло что-то... непоправимое.

– Она там... – Марго ткнула пальцем в темноту. – Сидит... Мертвая!

– Кто?

– Софья! – голос Марго сорвался на визг.

– Что? – произнесла Анук требовательно. – Ну, говори же!

А что сказать? Что, пока они искали могилу Флоры, еще одну из них убили?

– Где? – спросила она у Марго.

– Тут, совсем рядом.

– Тогда пошли.

Собственная решимость пугала. Вместо того чтобы со всех ног бежать прочь, она собиралась еще раз взглянуть в лицо своему страху.

– Его там нет, – шепнула Марго. – Кроме нее, там никого нет. Не бойся.

Арина обернулась к Анук:

– Там Софья. Марго сказала, что она мертва.

– Ясно. – Анук не испугалась, не ударилась в панику, произнесла: – Я пойду вперед, а ты за мной.

В руке ее появился кинжал, тот самый, с рукоятью, украшенной черной вязью. Особенная вещь. Вещь силы. Как Аринино веретено, которое лежит сейчас дома в шкафу, а должно быть всегда при ней, потому что наступили лихие времена, потому что какой-то безумец объявил сезон охоты на ведьм открытым. Потому что она ведьма.

...Софья сидела на земле, привалившись спиной к березе, уронив голову на грудь. Издалека казалось, что она спит. Только издалека, ровно до тех пор, пока пелена дождя милосердно скрывала вспоротый живот и бурые потеки на руках, сжимающих окровавленный веер.

За спиной снова тихо заскулила Марго, но тут же замолчала, испуганно прижав к груди свою черепушку. Анук стояла неподвижно, не предпринимая ни малейшей попытки приблизиться к мертвой Софье, словно о чем-то раздумывая, а потом сказала:

– Ей уже ничем не помочь, а нам нужно уходить.

– Но как же?..

– Потом. – Она даже не повысила голоса, но от этого ее спокойствия стало страшнее вдвойне. – Убийца может быть где-то поблизости, мы не должны так рисковать.

Арина не стала спорить. Как можно спорить с инстинктом, который велит бежать, спасаться?! И она побежала, не оглядываясь по сторонам, не чуя под собою ног, подставляя пылающее лицо под холодные дождевые струи.

* * *

...В доме Флоры кто-то был. Окно первого этажа светилось весело и призывно, как огни маяка посреди бушующего моря. Арина замерла, позвериному затаилась, краешком сознания отмечая приближающиеся шаги. Анук не бежала, но все равно ее догнала, стала рядом, вглядываясь в темноту, а потом тихо сказала:

– Ждите меня здесь. Обе!

Анук двигалась стремительно и бесшумно, как призрак. Она знала, что делает, когда заглядывала в освещенное окно. Арине хотелось думать, что знает, потому что сражаться с маньяком в одиночку она была не готова.

В освещенном квадрате окна мелькнула черная тень. Сердце испуганно дернулось. А Анук, наоборот, вышла из темноты, призывно взмахнув рукой. Только бы она знала, что творит...

Тень за окном сгустилась, превратившись в стройный женский силуэт. Тихо тренькнули открывающиеся створки, и раздраженный голос сказал:

– Анук, где вас носит?

Арина узнала этот голос, хотя и слышала его лишь однажды – на кладбище во время похорон Марго.

– Впусти нас, Саломея. – Не дожидаясь ответа, Анук подошла к крыльцу. Арина и Марго двинулись следом, как привязанные. Блэк остался снаружи – охранять.

– Я приехала, как только смогла, – сказала Саломея, впуская их в дом. – Что тут у вас творится? Где Софья?

Про Арину она не спросила, лишь окинула девушку быстрым оценивающим взглядом. Значит, Анук ей уже кое-что рассказала. Наверное, по телефону.

– Софья мертва, а нам нужно уходить.

Если Саломея и испугалась, то виду не подала. На ее холеном лице не дрогнул ни единый мускул. Она стояла посреди комнаты, скрестив на груди руки, затянутые в тонкие лайковые перчатки. Высокая, стройная, одетая в водолазку, черные брюки и высокие сапоги, от которых на полу оставались мокрые следы. От нее одуряюще пахло духами. Этот аромат смешивался с влажным воздухом, делался еще сильнее.

– Я сунулась было вас искать. – Саломея стряхнула с брюк соринку, покачнулась, как пьяная, – но начался дождь. Телефон Софьи отключен, твой вообще не отвечает, – добавила она с легким укором.

– Я свой забыла. – Анук говорила и медленно кружила по комнате, не то принимаясь, не то осматриваясь. – Ты тут ничего не трогала?

– Даже если и трогала, я в перчатках. – Саломея посмотрела на свои руки. – Я же не дура. – Она хихикнула.

– Ты пила? – Анук подозрительно сощурилась.

– А кто мне запретит? – Саломея пожала плечами.

– Ты наследила! – Анук сдернула со стола расшитую цветами салфетку, швырнула ее под ноги Саломее и велела: – Давай!

Саломея не была похожа на тех, для кого мытье полов – привычное дело, но за салфетку взялась без лишних разговоров, разве что с выражением легкого неудовольствия.

– Как ее убили? – спросила она, запихивая грязную салфетку в сумочку от Шанель.

– Вспороли живот. Очень скоро здесь будет полиция. – Анук последний раз придирчиво осмотрела комнату. – Тут, кажется, порядок, а следы в саду смоем дождь.

– Твои отпечатки есть на снимке, – шепнула Марго. – Лучше сотри.

Арине не хотелось прикасаться к фотографии еще раз, но отпечатки – это серьезно, а с полицией у нее и без того сложные отношения. Значит, придется...

...Руки худые, жилистые, с аристократическими изящными запястьями, длинными пальцами и до крови изгрызенными ногтями по локоть в черной земле. И брючины джинсов тоже в земле, а носок грязной кроссовки упирается в лопату, надавливает. Ржавое лезвие входит в плотный лесной дерн с неприятным хрустом, словно там, под землей, чьи-то хрупкие кости дробятся на мелкие кусочки. Копать нужно быстро,

потому что времени почти не осталось, потому что в руках и голове невыносимый зуд, и с ним нужно что-то делать. Прямо сейчас! Можно дробить хрупкие кости или...

Сосновая палка ломается с громким хрустом, крошится в непослушных, точно онемевших пальцах, гасит зуд. Сломать, уничтожить, чтобы успокоиться. Только так, по-другому не получается.

...Безглазое лицо улыбается. Плачет кровавыми слезами и все равно улыбается. А венок из безвременников, хоть и завял, все равно очень красивый, как диадема. Весной безвременники прорастут, и он сможет к ним приходить...

...Зуд снова возвращается. Надо спешить. Комья жирной земли падают вниз с глухим стуком, погребают под собой фиолетовые головки безвременников. Не навсегда – до весны...

...Арина дернулась, чтобы не упасть, уперлась руками в стену, замотала головой, прогоняя морок.

– Что это с ней? – Женский голос доносился, словно из другой Вселенной.

– У Арины видение. Не мешай. – На плечо успокаивающе легла теплая ладонь: – Как ты, девочка?

Как она? Ужасно. Она только что закопала в землю Флору. Вот этими самыми руками. Нет, другими: нервными, длиннопальцами, с обгрызенными в кровь ногтями. Руками белокурого мальчика с фотографии, который уже давно не мальчик. А кто тогда? Кем нужно быть, чтобы поступить вот так?

– Я его видела: он хоронил Флору.

– Того самого?

– Да.

– Тогда нам в самом деле пора. – Анук сдернула с головы платок, волосы под платком оказались совершенно седыми, заплетенными в густую девичью косу. Тщательно протерла рамку фотографии, потянула Арину за руку: – Пойдем, девочка.

Снаружи, рядом с маленькой машинкой Анук, мок солидный «Мерседес» Саломеи.

– Хорошо, что дождь, – повторила Анук, усаживаясь за руль и включая зажигание. – К утру не останется никаких следов.

– Мы ведь ни в чем не виноваты. – В горле поселился колючий ком, захотелось курить.

– Держи. – Анук протянула ей свой портсигар. – Да, мы не виноваты, но кто-то нас все равно осудил и приговорил. Полиция, девочка, – это самое малое зло в нашем случае.

«Мерседес» Саломеи мигнул габаритами и тронулся с места. Машинка Анук тоже заурчала мотором.

– Саломея позвонит Ксении и Ямахе, предупредит, чтобы были осторожны. – Вслед за Ариной Анук тоже закурила, сказала: – Переночуешь сегодня у меня.

– Нет, – она покачала головой, – я поеду домой.

– Убийца знает, где ты живешь.

– Он знает, где живет каждая из нас. Неужели непонятно? Он все про нас знает.

– Да, – повторила Анук задумчиво. – Самое сокровенное он про нас знает. Кто чем живет, кто чем дышит, у кого какой дар. Он знает, что мы ведьмы. Или нет, не так: он считает нас ведьмами и поэтому ненавидит.

– Откуда он знает?

– От Флоры, я думаю. Она рассказала ему перед своей смертью.

– Меня убили раньше, – вмешалась в их разговор Марго.

– Марго говорит, что ее убили раньше, чем Флору, – сказала Арина, глядя в окно.

– Завтра, – Анук вздохнула. – Мы начнем разбираться с этим завтра. Ты уверена, что хочешь остаться этой ночью одна? – Она пристально посмотрела на Арину.

– Я не одна, со мной Марго и Блэк.

– Мертвая ведьма и мертвый пес...

– От мертвых тоже есть польза, – оскорбилась Марго. – Я могу патрулировать территорию. А мимо Блэка и муха не пролетит. Скажи ей!

Арина сказала. В ответ Анук лишь скептически хмыкнула и спросила после недолгого молчания:

– Куда тебя отвезти?

Арина, продиктовав адрес, снова уткнулась в окно. Дождь лил сплошной стеной, так, что дворники едва справлялись. Хотелось кофе и спать. Она украдкой зевнула.

– Ты не бойся, – сказала Марго успокаивающе. – Мы за тобой присмотрим.

– Спасибо.

Сказать по правде, за этот бесконечный день она устала настолько, что почти перестала бояться. Выходит, так тоже бывает.

Анук высадила их у железнодорожной станции. В ту же секунду из темноты вынырнул Блэк и замер у Ариных ног.

– Завтра я за тобой заеду, – сказала Анук вместо прощания. – Будем решать, как жить дальше.

Чтобы жить дальше, нужно остановить этого сумасшедшего. Тут и думать нечего. Вот только как его остановить?

Машинка Анук посигналила им на прощание и растворилась в темноте. Арина немного постояла под проливным дождем и шагнула с платформы на тропинку.

Пока дошли до дома, она вымокла до нитки. От холода зуб на зуб не попадал. Теперь ей хотелось только тепла.

В вишневом саду царила тишина, лишь дождь тихо барабанил по дорожке.

– Ты постой, я все проверю, – сказала Марго и исчезла.

Блэк остался с Ариной – охранять.

Марго появилась через пару минут, отпраповала:

– Все спокойно, можешь идти!

За день без хозяйки дом выстыл, словно на дворе было не самое начало осени, а зима. Стаскивая на ходу мокрую одежду, Арина принялась разводить огонь в камине. Когда по полешкам заплясало веселое пламя, направилась в ванную.

– Я тут присмотрю! – крикнула ей вслед Марго.

Горячая вода успокоила и согрела. Лежа в ванне, можно хоть на время представить, что все хорошо, что мир не сошел с ума и где-то поблизости не рыщет маньяк. Здесь можно даже немного подремать...

Арина очнулась, когда вода уже начала остывать. Наверное, и в самом деле задремала.

– Тебе тут звонили. – Марго сидела в кресле перед камином. Блэка в доме не было. – Какой-то Волков. – Она зыркнула на Арину хитрым глазом. – Целых четыре раза. Кстати, кто такой Волков?

– Никто. – Арина потянулась к телефону. В самом деле – четыре неприятных вызова. Андрюша, ну сколько можно?..

– Перезванивать будешь? – любопытствовала Марго.

– Нет. – Сунув телефон в карман халата, Арина прошла на кухню, поставила на огонь джезvu, соорудила себе бутерброд.

Мобильный зазвонил в тот самый момент, когда она переливала кофе в чашку. От неожиданности рука дрогнула, несколько капель упало на пол.

– Почему ты не берешь трубку? – спросил Волков вместо приветствия.

– Здравствуй! И я рада тебя слышать. – Вовсе она не рада! Она устала как собака, хочет кофе и спать, а не разговаривать.

– Скоро ночь. Где ты была?

– В ванной. Знаешь, это перед сном очень расслабляет.

– Как твои дела? – Дежурный вопрос.

– Отлично. – Дежурный ответ. Вот и обменялись любезностями.

– Ты больше не...

– Не занимаюсь никакой ерундой. – За ней охотится маньяк, но это такие мелочи!

– Арина! – Волков не спешил прощаться. Даже странно. Целый год от него не было вестей, а тут звонит чуть ли не каждый день. – У тебя в самом деле все хорошо?

– Я ведь уже сказала.

– А... как ты спишь?

Спит она, как дитя, если, конечно, в ее сны не приходит Волков. Когда же это случается, выспаться не получается. Они либо ссорятся, либо... Уши полыхнули, а к щекам прилила кровь.

– Как младенец.

– Раньше ты мне снилась. Почти каждую ночь.

– У тебя кошмары? Надо попить что-либо успокаивающее. Валерьянка сгодится или настойка пустырника.

– Что ты несешь? – спросил Волков очень вежливо. Значит, разозлился.

– Делюсь народной мудростью. – Арина глотнула кофе, обожглась, задышала ртом.

– Это не кошмары. Скорее... наоборот.

Она чуть не спросила, насколько наоборот, но прикусила обожженный кофе язык.

– А в последний раз...

А последний раз он пришел в ее сон сам и сказал, что рысь волку не подружка.

– Рысь волку не подружка. – Язык горел то ли от горячего кофе, то ли от сорвавшихся с него слов.

– Что ты сказала?

– Ничего. Тебе послышалось.

– Я не могу сейчас приехать. Я очень далеко.

– Ко мне не нужно приезжать. Зачем же?

– У меня дело.

Все правильно, у настоящего профессионала всегда есть дела. На то он и профессионал.

– Очень важное дело.

– Конечно. – Пусть Волков спасает мир. Или что он там сейчас спасает? А она как-нибудь сама.

– Но если я тебе нужен...

– Ты мне не нужен, – сказала она и зажмурилась, чтобы удержать злые слезы. Рысь волку не подружка.

– Если вдруг я тебе понадобится, – его голос не изменился, если только чуточку, – я приеду. Ясно тебе, Арина?

– Ты приедешь, мне все ясно.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

В трубке раздались гудки отбоя. Арина медленно опустилась на стул, продолжая сжимать телефон в побелевших пальцах.

– Что это было? – спросила материализовавшаяся на соседнем стуле Марго.

– Хотела бы я знать. – Она отпила кофе, откусила от бутерброда, уставилась в темноту за окном.

– Он хотел приехать к тебе, да? – Выражение лица у Марго сделалось мечтательным и глупым.

– Нет, он сказал, что приедет, если я его позову. А это значит, что он не приедет никогда.

– Почему?

– Потому что я его не позову.

– А что мешает позвать? – Марго недоуменно пожала плечами. – Мужик бы нам здесь не помешал.

– Рысь волку не подружка, – сказала Арина и всхлипнула. – Мы уж как-нибудь сами.

– Ну, сами так сами, – согласилась Марго и тут же спросила: – Я не спрашиваю, почему ты зовешь его волком, но почему ты рысь?

– Не знаю. Он меня так назвал.

– Тот, кто звонил?

– Нет, тот, кто сделал меня такой. – Арина показала ладонь со шрамом.

– Анук говорит, он был очень сильный. Черная кровь...

– Что означает черная кровь?

– В нашем мире это как белая кость. Особая каста тех, у кого сила в полной мере, а не так, как у большинства, – огрызками. Он был сильный?

– Не знаю, я видела его всего несколько раз.

– Почему?

– Потому что он умер сразу, как только поделился со мной своей... черной кровью. Он был очень старый.

– С ума сойти! – ахнула Марго. – Значит, передал силу на излете жизни и умер. А ты как же?

– И я тоже чуть не умерла. Это долгая история. Он, – Арина кивнула

на свой мобильный, – меня вытащил. Думаю, с того света.

– Нет, – Марго покачала головой, – с изнанки этого. Не смерть это была, а... инициация. Что он тебе дал? Тот старик? Должен был что-то дать, особенное, вроде ножа Анук.

Арина молча встала, порылась в ящичке кухонного стола, положила перед Марго веретено.

– Умереть – не встать! – сказала та восхищенно и тут же строго добавила: – Такая вещь и валяется где попало.

– А где ей валяться?

– Она должна быть при тебе. Это же родовая вещь. В ней сила целого рода, твоя сила!

Арина взяла веретено в руки, покрутила. Родовая вещь. Вот только сама она без роду без племени.

– Он тебя выбрал, – сказала Марго. – Значит, увидел что-то особенное. И самое главное, ты выжила, черная кровь тебя не убила.

– Она пыталась. – Арина почесала шрам.

– Но ты справилась.

– Мне помогли. – Перед внутренним взором встали две старушки: баба Глаша и Лидия Николаевна, ее ангелы-хранители в дымном изнаночном мире.

– Правильно. На этом все и держится. Сегодня ты поможешь, завтра помогут тебе. А веретено не бросай, всегда носи с собой. Считай, что это батарейка. Если твои собственные силы подойдут к концу, оно поможет.

Спать Арина пошла с веретеном, сунула под подушку свою родовую батарейку.

– Ты отдыхай, я покараулю, – сказала Марго, устраиваясь на подоконнике. – Разбужу, если что.

Арина уснула, едва только закрыла глаза. Во сне приходил Волков – хмурый, мрачный и, по всему видно, настроенный решительно.

– Не вздумай меня прогонять, – сказал он, осторожно прикасаясь к ее щеке. – Я все равно не уйду.

И она не стала прогонять. Пусть хоть так, хоть во сне...

* * *

Ее разбудил голос Марго:

– Подъем, соня! Утро уже!

Марго все так же сидела на подоконнике, беззаботно болтая в воздухе

ногами. Марусина черепушка лежала у нее на коленях.

Арина потеряла щеку, после щетины Волкова кожу саднило и покалывало. И не только на щеках. Иногда сны бывают очень реалистичными. Пусть хоть так.

Огонь в камине давно погас, и по босым ногам тянуло холодом и сыростью. Арина подошла к окну. Снаружи клубилась серая туманная мгла, в которой старые вишни едва различались. У двери материализовался Блэк, встряхнулся, словно на его призрачной шерсти были реальные капли воды.

– Ночью он выл, – сказала Марго. – Я не стала выходить, но все время смотрела в окно. Видишь, все обошлось. – Было в ее голосе что-то, заставившее Арину насторожиться.

Блэк никогда не воет без причины...

Арина сунула ноги в туфли, поверх пижамы набросила куртку, достала из-под подушки веретено. Блэк сидел у двери и смотрел очень внимательно.

– Покажешь мне? – спросила она, открывая замок. – Что ты видел?

– Я с тобой! – Марго спрыгнула с подоконника, черепушка покатилась по полу, и она подхватила ее на ходу.

Блэк привел их к старой вишне – самой кряжистой, самой древней во всем саду, – замер в стойке.

– Что? Я ничего не вижу. – Марго вертела по сторонам головой. – А ты?

Она видела!

Покрытая мхом и потеками смолы ветка была изломана на мелкие кусочки. Прошлой ночью кто-то стоял под старой вишней и наблюдал за домом. У него зудели пальцы и зудело в голове. Чтобы хоть как-то унять этот зуд, он крушил то, что подвернулось под руку, – старую ветку.

– Что тут такое? – спросила Марго. – Это зверь какой-то сделал, да?

– Именно. Тот самый, который всех убивает.

Марго испуганно ахнула и, прижав к груди черепушку, сказала чуть виновато:

– К дому он не подходил. Честное слово.

– Я тебе верю. Убийца просто... сидел в засаде.

Предупреждающе зарычал Блэк, и обе они разом обернулись.

По мокрой от дождя дорожке стремительной походкой шла Анук.

– Доброе утро! Смотрю, ты уже на ногах! – Она приветственно взмахнула рукой.

– Как вы меня... – Арина хотела сказать «нашли», но Анук ее опередила:

– По запаху. – Из рукава она достала свой особенный нож и понюхала лезвие. – А что ты делаешь на улице в таком виде?

– Он был здесь прошлой ночью. – Арина указала на изломанную ветку. Анук молча подняла с земли кусочек, понюхала, покачала головой:

– Ничего особенного не чувствую. Кажется, у него что-то болело.

– Зудело. У него зудело в голове и руках. Он так успокаивался. – Носком туфли Арина поддела обломок ветки. – Ему все время хочется уничтожать, крушить.

– Он не пытался войти в дом?

– Марго говорит, что нет. Она дежурила у окна всю ночь. И Блэк тоже сторожил.

– Тебе говорили, что ты странная? – Анук усмехнулась. – Даже по нашим нестандартным меркам. Мертвый домашний питомец...

– Это его пес. Он мне Блэка оставил.

– Необычный подарок, очень... оригинальный. Ты готова ехать?

– Куда?

– К Ксении. Она незаменима в сборе информации.

– Мне нужно собраться. Вы завтракали?

– Я – да, а ты поешь. Неизвестно, когда в следующий раз получится. – Анук направилась к дому, бросив уже на ходу: – Но вот от кофе я не откажусь.

* * *

Ксения Анатольевна, похоже, единственная из всех, жила не в собственном доме, а в квартире, в старой панельной пятиэтажке, на самом верхнем этаже. Дверь она открыла, стоило им с Анук только ступить на лестничную площадку. Как почувствовала. А может, просто увидела их машину в окно.

– Доброе утро, – сказала она со светской чопорностью и отступила в глубь прихожей, приглашая их войти.

Несмотря на ранний час, одета Ксения Анатольевна была в строгий брючный костюм, даже на ногах ее вместо домашних тапочек красовались туфли. Училка...

– Проходите в гостиную, – велела она и скрылась за дверью кухни, из которой потянуло приторно-сладким травяным духом. – Чай будете? – послышался ее приглушенный голос.

– Нет, – за них обеих ответила Анук и нетерпеливо спросила: – Ты что-

нибудь узнала?

– Да. – Ксения Анатольевна поставила на журнальный столик поднос с дымящейся чашкой темного стекла. Травяной дух усилился в разы. – Только я не понимаю, к чему такая спешка.

– К тому, что троих из нас уже нет на этом свете. – Анук неодобрительно посмотрела на чашку.

– Мертвым уже не помочь. – Ксения Анатольевна по-девчоночьи легкомысленно пожала плечами.

– Ты уверена, что не станешь следующей?

– Я?! – Она, казалось, искренне удивилась. – Видишь ли, Анук, я – не они! Я не легкомысленная дурочка, которая не видит дальше своего носа. Я не зарвавшаяся спонтанная, которая вдруг решила, что ей все позволено. И уж точно не жирная корова, вздумавшая поиграть в детектива. Я умная и осторожная.

Все-таки она не нравилась Арине. Вот этим своим гонором, уверенностью в собственной непогрешимости и особенно – особенно! – равнодушием.

– Конечно, Ксения, ты другая. – Голос Анук звучал ровно, он был лишен всякой интонации, но в черных глазах Арина успела заметить брезгливость. – Поэтому мы к тебе и пришли. Так что ты узнала?

– Кое-что... – Рядом с чашкой Ксения Анатольевна поставила включенный ноутбук, развернула его так, чтобы Анук и Арине был хорошо виден экран.

С монитора на них смотрели два разных человека. Совершенно разных!

На первой фотографии был изображен высокий стройный парень во фраке, с чуть сбившейся на сторону бабочкой. Он белозубо улыбался, в золотых, до плеч, кудрях плясали блики, руки с аристократически тонкими запястьями и длинными пальцами нежно сжимали гриф альта.

Со второго снимка на Арину смотрел мужчина, почти старик. Короткий ежик серых, точно пеплом припорошенных волос, сизая щетина на ввалившихся щеках, по-волчьи настороженный взгляд. Руки спрятаны в карманы не по размеру большой куртки. И эти руки были со сбитыми в кровь костяшками, с обгрызенными до мяса ногтями. Арина не видела их, но откуда-то знала – так и есть. А еще она знала, что на обоих снимках один и тот же человек.

– Познакомьтесь! Вот он – ваш маньяк! – Ксения Анатольевна опустилась на диван между Ариной и Анук. – Альберт Бабаев, сводный брат нашей Флоры, которая, как вы уже, наверное, догадались, вовсе не

Флора. – Ксения Анатольевна презрительно фыркнула и на долю секунды стала похожа на крысу – умную, хитрую и злую. – Любят, знаете ли, некоторые девицы присваивать себе чужие имена.

– Не всем же повезло родиться Ксенией Анатольевной, – сказала Анук, не отрывая взгляда от монитора.

– Какая редкостная выдра эта Ксения, – вздохнула пристроившаяся в кресле Марго. – Неудивительно, что она живет в такой... норе.

А ведь Марго права: комната Ксении Анатольевны в самом деле похожа на нору – узкую, пыльную, забитую мебелью и вещами.

– И что там с этим сводным братом? – спросила Анук. – Почему с ним произошли такие разительные перемены?

– Сначала все было замечательно и шоколадно. – Ксения Анатольевна сделала глоток из своей чашки и даже зажмурилась от удовольствия. Что же это за чай такой? – Талантливый альтист, подающий большие надежды, лауреат какой-то там престижной международной премии – одним словом, очень и очень перспективный. И все бы у него было хорошо, если б не одно «но». – Ксения Анатольевна сделала драматическую паузу, наслаждаясь всеобщим вниманием. Наверное, на работе ее этим не баловали.

– Какое «но»? – спросила Анук довольно резко, и Ксения Анатольевна дернулась, как от пощечины.

– Проблемы с психикой, – сказала, как выплюнула. – Творческий человек, тонкая внутренняя организация... – Она поморщилась, отрицая саму возможность такого феномена. – А я вам скажу – отягощенная наследственностью! Их с Флорой матушка страдала шизофренией, перепилила себе вены прямо на глазах у бедных малюток. Вот где тонкая душевная организация, вот где хваленый материнский инстинкт!

Ксения Анатольевна придирчиво осмотрела свои руки, словно на собственных запястьях рассчитывала увидеть следы от порезов. Руки у нее были красивые. В самом деле красивые: с изящными пальцами и французским маникюром. На среднем пальце тускло поблескивал массивный перстень. Родовая вещь?..

– После самоубийства матери детей забрала к себе бабка. Она же их и растила. И странности в поведении внука начала замечать первой именно бабка.

– Какие странности? – спросила Арина и получила в ответ полный презрения взгляд. Ее Ксения Анатольевна, безусловно, тоже отнесла к молодым и глупым выскочкам.

– А такие, милочка. – Она отхлебнула из чашки, снова блаженно зажмурившись. – Обычно тихий и спокойный мальчик временами

срывался, делался агрессивным, крушил все, что попадалось под руку. Однажды бабка испугалась по-настоящему или просто устала от таких выкрутасов и сдала внука в сумасшедший дом. Но ненадолго, спустя пару месяцев передумала и забрала обратно. Пожалела, что ли? – Она недоуменно пожала плечами, и сразу стало понятно – жалость и сострадание ей не ведомы. – После сумасшедшего дома мальчишка присмирел, с головой ушел в музыку, заделался гением и лауреатом. Но время от времени у врачей наблюдался. Только не у психиатров – он же не псих! – а у психотерапевтов, потому что тонко организован. Видимо, уже тогда готовил пути к отступлению.

– Какие пути, Ксения? – Анук достала свой портсигар. Душная атмосфера этой комнаты, должно быть, действовала на нее особенно угнетающе.

– У меня не курят, – сказала Ксения Анатольевна. – В отличие от некоторых я свое здоровье берегу.

Анук молча захлопнула портсигар и произнесла ледяным тоном:

– Так что там с отступлением? К чему он готовился?

– К убийству! – Ксения Анатольевна хищно улыбнулась: – Наш тонко организованный гений готовился убивать. И убил!

В комнате повисла тишина. На сей раз Ксению Анатольевну никто не торопил, и та смогла наконец насладиться моментом.

– Четыре обезображенных трупа. – Она щелкнула мышкой, и на экране стали появляться снимки один другого страшнее.

А Арина не видела ничего, кроме забрызганных кровью белоснежных манжет. Альберт Бабаев пришел убивать свою первую жертву прямо в концертном костюме. Альт, старинный, купленный за большие деньги, остался лежать на заднем сиденье автомобиля поверх вороха живых цветов, подарка от поклонников. На мониторе ноутбука сменялись фотографии, а Аринин мозг подсовывал ей раскадровку из чужого прошлого. Еще одно видение?

– Они были его ровесниками. Все из хороших, уважаемых семей. С одним из них этот урод даже дружил. Оцените глубину цинизма: зверски убить собственного друга.

– Он убил их всех в один день? – спросила Арина.

– Нет. В течение нескольких месяцев. Сумасшедшие иногда очень терпеливы и весьма изворотливы, а он ко всему прочему был гением. Кто же заподозрит в гении маньяка? – Ксения Анатольевна перевела взгляд с Арины на Анук, оценивая степень произведенного впечатления. – Он выслеживал их, как дичь, поджидал удобного случая и нападал. Знакомый

сценарий, так ведь?

– Если б я была маньяком, я бы начала с нее, – буркнула Марго и погладила черепушку Маруси.

– И ничем-то вас, таких невозмутимых, не пронять. – Ксения Анатольевна одним махом ополовинила свою чашку. – Чего же вы тогда ко мне приперлись?

– Рассказывай, – велела Анук каким-то особенным, не терпящим возражений тоном. – Ты заинтересована в происходящем не меньше нашего. Его ведь поймали?

– Да, почти пять лет назад. Одна из его жертв выжила. То есть не выжила, но протянула достаточно долго и смогла назвать имя своего убийцы. Его взяли после концерта. Представляете? Позволили маньяку отыграть концерт! Уму непостижимо. Вот эта фотография, – Ксения Анатольевна вернула на экран первые два снимка, постучала ногтем в грудь того, что почти старик, – сделана уже после задержания. Видите, какая протокольная рожа? Маски сброшены, алыт пылится в чулане.

...Не в чулане, а на чердаке в загородном доме Флоры. Арина это не просто знала – видела. Нервные пальцы с изгрызенными ногтями нежно сжимают гриф, и смычок вырывает из струн что-то тоскливое, похожее на стон. А в затянутое паутиной чердачное окно заглядывает закатное солнце, заливает кроваво-красным небритую щеку и тонкие пальцы...

– Убийце грозило пожизненное. – Голос Ксении Анатольевны вернул Арину с пыльного чердака в душную комнату. – Но вмешалась Флора, или как ее там на самом деле. Она подняла старые амбулаторные карты, доказала факт лечения в психиатрической клинике. Одним словом, сделала все, чтобы братца признали душевнобольным, отмазала от тюрьмы.

– Он и есть душевнобольной, – сказала Анук.

– Очень удобно прикрывать психической болезнью собственное злодейство. – Ксения Анатольевна поджала тонкие губы. – Кстати, усилия сестрицы он не оценил. Ему больше нравилось считать себя убийцей, чем сумасшедшим. Он даже не раскаялся. Когда ему показывали фотографии с места преступления, улыбался. Ненормальный! Флора, конечно, думала, что братца спасла, что поддержат его в психушке, да и выпустят. Только кто ж такого зверя выпустит? Вот и получилось, что они поменяли шило на мыло. В тюрьме ему, может, и веселее было бы, чем в психушке. Я проверила. Ну, что смогла, разумеется. Его держали в одиночной палате, считали каким-то там психиатрическим феноменом, обнаружили у него расщепление личности. Тоже, знаете ли, очень удобно. Не я убивал, а мое второе «я». Флора его регулярно навещала. Представляете?!

– Он был ее братом, – сказала Анук. – Это нормально.
– Он ее убил! Это, по-твоему, тоже нормально?
– Как он выбрался из психиатрической клиники? – спросила Арина. – Его выпустили?

– Кто бы такого выпустил? – Ксения Анатольевна посмотрела на нее, как на дурочку. – Около недели назад в клинике случился пожар, как раз в том самом корпусе, где содержали Бабаева. Естественно, суматоха, паника. Еще и ночь на дворе. Больных эвакуировали усилиями персонала, спешно и бестолково.

– И Бабаев сбежал, – догадалась Арина.

– Сделал ноги, – подтвердила Ксения Анатольевна с каким-то непонятным злорадством. – Провели пожарную экспертизу, оказалось, возгорание началось в той самой палате, где его содержали. Вот такая там дисциплина – опасным маньякам спички дают.

– Да никто ему их не давал, – отмахнулась Анук. – Он сумасшедший, но ведь не умственно отсталый. Мог и сам стащить у кого-нибудь из персонала. Меня другое волнует: почему почти пять лет Бабаев сидел смирно, а тут вдруг бросился в бега и принялся убивать?

– Этого я тебе не скажу. Что в голове у всяких психов, мне неизвестно. Я только в одном уверена: он объявил сезон охоты открытым. И охотится этот ненормальный не на зайчиков с белочками, а на нас. – Ксения Анатольевна допила свой чай и бухнула чашкой об стол с такой силой, что сидящая в кресле Марго испуганно вздрогнула.

– Думаю, нам бы сейчас оченьгодились твои способности. – Анук посмотрела на нее многозначительно. – Есть у меня кое-какие вопросы.

– Способности? – повторила Ксения Анатольевна и с вызовом скрестила руки на груди. – У вас у всех дар! Эта вот, – острым подбородком она указала на Арину, – вообще инициирована кровью! А у меня всего лишь способности!

– Ксения, – произнесла Анук успокаивающе.

– Я уже сорок пять лет Ксения, и вы всегда относились ко мне как ко второму сорту. Сделай-ка то, узнай-ка это... А теперь знаешь что?! Коль уж вы все такие уникальные, справляйтесь сами, без моих способностей! А я сегодня что-то не в настроении!

Она уже не говорила – визжала. Грудь вздымалась часто-часто, а зрачки, несмотря на скудное освещение в комнате, сделались узкими, почти незаметными, отчего взгляд стал диким, полубезумным. Только сейчас, присмотревшись внимательнее и вспомнив слова Марго, Арина поняла, что Ксения Анатольевна – законченная наркоманка и чай у нее непростой,

терпкий травяной дух маскирует что-то отнюдь не безобидное. Вот он – ведьмовской мир: интриги, пороки, зависть и убийства. Все, как у простых людей, только еще отвратительнее.

Наверное, ее чувства были написаны на лице, потому что Анук посмотрела предупреждающе, а сама произнесла:

– Мы поняли, Ксения, ты не в настроении. Окажи нам маленькую услугу: назови адрес клиники, в которой лечился Бабаев.

– А вот вам! – Ксения Анатольевна, усмехнувшись, скрутила фигу. – Сами ищите! Мозгами шевелите, а не только своими... сверхспособностями!

– Я знаю, что это за клиника, – сказала Марго и приосанилась: – Прочла в газете сразу после своей кончины. Надо ж мне было как-то развлекаться! Это в Студеной Гуте, тут недалеко.

Арина благодарно кивнула, тронула Анук за локоть и сказала шепотом:

– Это в Новой Гуте. Марго читала о пожаре в газете.

– Спасибо, ты нам очень помогла, – проговорила Анук, обращаясь к пустому креслу.

– Что? – Ксения Анатольевна, выпучив глаза, завертела головой, из ее идеальной прически выбилась неаккуратная прядь. – С кем вы разговариваете?

– Это уже не важно. – Анук встала, Арина последовала ее примеру. – Ты, Ксения, береги себя, будь осторожна.

– Я всегда осторожна! Не учи ученую! – Ксения так и осталась сидеть, взгляд ее слепо шарил по погасшему монитору ноутбука.

Очутившись на улице, в тени старых дворовых лип, они вздохнули с облегчением. После пахнувшей дурманом духоты воздух казался упоительно свежим и вкусным.

– Кури! – Анук протянула Арине портсигар, закурила сама и только потом, по-мужски зажав сигарету в уголке рта, заговорила: – С ней в последнее время очень тяжело. С ними со всеми сложно, каждая – вещь в себе, но Ксения совершенно слетела с катушек.

– Она наркоманка.

– Сначала это нужно было для работы. Совсем чуть-чуть, чтобы настроиться, поймать нужную волну. Я предупреждала, говорила, что добром это не кончится, что за все нужно платить, но она меня не слушала. Ей хотелось быть лучше остальных в Круге, однако сил не хватало.

– Зачем нужен Круг? – Вот она и повторила вопрос, на который так до сих пор не получила исчерпывающего ответа. – Вы же все равно каждая сама по себе. Моя хата с краю...

– Ты такая наивная, – Анук улыbnулась. – Круг – это не клуб по интересам, а то, что делает нас сильнее в разы. Когда сила замыкается в Круг, она умножается и невозможное становится реальным. Нужно лишь действовать всем заодно, в одном направлении.

– И как, получается? – спросила Арина, уже предвидя ответ.

– Последнее время все труднее. У каждой свой интерес, своя выгода, каждая тянет одеяло на себя. А Круг устроен так, что действовать нужно без всяких «если».

И на кладбище им не удалось призвать Марго из-за этой вот разобщенности.

– А сколько необходимо человек, чтобы замкнуть Круг? – поинтересовалась она.

– Я слышала, достаточно двух, но это должны быть очень сильные ведьмы. Таких сейчас почти не осталось. В обычной жизни для нормальной работы Круга нужно не меньше шести. Оптимально – девять. Но бывает, и этого недостаточно.

– Ведьмы измельчали? – усмехнулась Арина.

– Ага, когда-то и деревья были выше, и трава зеленее, – фыркнула стоящая рядом Марго. Наверное, ей стало обидно за это нелестное определение современной ведьмы.

– Скажем так, отсутствие единой цели разобщает и ослабляет, – ответила Анук, вытащила из сумки телефон и отошла в сторону.

Пару минут она с кем-то разговаривала, и лицо ее выражало крайнюю степень раздражения. Марго с Ариной не мешали. Гадалка развлекалась тем, что подбрасывала и ловила свою черепушку, а Арина наблюдала за Блэком, гоняющим по двору голубей. Птицы, толстые, отъевшиеся за лето, лениво вспархивали из-под самого носа пса, чтобы, пролетев несколько метров, снова спикировать на землю.

Анук подошла неслышно и сказала почти нормальным, лишь самую малость раздосадованным голосом:

– Едем в Студеную Гуту, поговорим с персоналом клиники. Может, узнаем еще что-нибудь про этого Бабаева.

– Вы думаете, там с нами станут разговаривать? – усомнилась Арина.

– С нами нет, но перед обаянием Саломеи им не устоять, – усмехнулась Анук. – Придется лишь немного подождать. У Саломеи – сеанс маникюра, а это, знаешь ли, очень важно. Куда важнее какого-то там маньяка. Она подъедет позже уже к клинике, поэтому можем не спешить и заглянуть еще в одно место. Тут недалеко.

Дом был ухоженный, но нежилой. Это не бросалось в глаза, однако чувствовалось как-то сразу, стоило только ступить на вымощенную фигурной плиткой дорожку, заглянуть в черные слепые окна. Арина не стала спрашивать, чей дом. Догадалась сама.

– У меня нет ключа. – Вместо того чтобы подняться на крыльцо, Анук явно намеревалась обойти дом с тыла. – Но я точно знаю, что одно из подвальных окон закрывается неплотно.

В подвальное окошко, узкое, как кошачий лаз, пришлось забираться Арине. Анук осталась ждать снаружи.

– Не нравится мне все это. – Марго, для которой стены – не помеха, оглядела пустое и пыльное подвальное нутро. – Чего мы сюда приперлись?

Арина не знала, что собирается искать Анук в доме Марты, ей было просто страшно интересно. Страшно чуть сильнее, чем интересно.

По узкой каменной лестнице они поднялись вверх и очутились в залитой светом прихожей. В доме ведьмы, занимающейся целительством, Арина рассчитывала увидеть пуки сушеной травы под потолком, склянки и банки с зельями, пыльные талмуды с заклинаниями. А вместо этого в просторной и очень стильной гостиной обнаружила плазму на полстены, напротив – уютный кожаный диван, лохматый ковер из шкуры какого-то зверя, абстрактные картины в тонких алюминиевых рамах и стеклянный стеллаж с книгами. Они все сплошь были современные, в добротных переплетах. «Фармакология и фармакопепия», «Патологическая анатомия», «Атлас клеток крови и паразитов человека», «Основы иммуногематологии», «Атлас акупунктурных зон»... Только медицинская, только научная литература. Никаких «Лекарственных растений средней полосы России», не говоря уже о заговорах сибирских целителей и прочих альтернативных способах лечения. Если верить этой комнате, Марта была врачом, самым что ни на есть классическим, современным, безо всяких мистических уклонов. И это оказалось... неожиданным.

Со стороны входной двери послышался нетерпеливый стук, позабытая снаружи Анук давала о себе знать. Арина вернулась в прихожую, отперла дверь.

В доме Анук держалась уверенно, сразу стало ясно, что в гостях у Марты она бывала, и не раз. У стеллажа с медицинской литературой она не задержалась, толкнула одну из двух закрытых дверей. Там оказался рабочий кабинет, Арина так подумала из-за медицинской кушетки, а еще

из-за странной картины на полстены с изображенным на ней полуголым китайцем, разрисованным линиями и точками, с надписями на китайском. Здесь пахло как-то по-особенному, не то дымом, не то полынью. А может, дымом от сожженной полыни.

Анук принялась, обошла кабинет по периметру, выдвинула и внимательно осмотрела ящики рабочего стола, а потом сказала, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Здесь нет ничего интересного.

За второй дверью была спальня. Анук распахнула дверцы высокого шкафа, придирчиво изучила его пустое нутро.

Марта уехала. Об этом говорили и царящая в доме чистота, и опустевший кабинет, и вот этот шкаф. Сложила чемоданы, забрала документы и уехала. Сбежала или просто захотела перемен. Можно уходить.

Но Анук не спешила. Она еще раз обошла гостиную, а потом заглянула в ванную. Тут тоже царили порядок и чистота, никаких тебе зубных щеток, пузырьков с кремами и флаконов с шампунями, ничего из тех мелочей, что живут в ванной комнате всякой уважающей себя современной женщины. Хозяйка уехала и забрала все свои вещи с собой. Теперь уже совершенно точно можно уходить. Но вместо этого Анук, присев перед отключенной от сети стиральной машиной, потянула на себя круглую дверцу. В барабане лежало белье: ажурные чулки, комплект кружевного белья и тончайший шелковый пеньюар.

– А бельишко-то дорогое, – сказала Марго. – Я бы такое ни за что не оставила.

– Я тоже, – согласилась с ней Арина. – Если только Марта не уезжала в спешке.

– Вы о чем? – спросила Анук, внимательно изучая пеньюар.

– О том, что ни одна женщина не оставит такую красоту по доброй воле. Наверное, Марта спешила.

– Непохоже. – Анук сунула пеньюар в свою сумку и, держась за поясницу, выпрямилась. – Нам пора ехать. Думаю, Саломея уже закончила маникюр.

* * *

Роскошный «Мерседес» уже стоял на больничной парковке в стороне от грязного автобуса и выдавшего виды старого «Опеля». Саломея сидела

за рулем и полировала ногти. То ли от скуки, то ли недавний маникюр не показался ей достаточно качественным. Их появление она встретила нетерпеливым взмахом руки, не открывая дверцы, опустила стекло, выпуская из салона терпкое облако духов.

– И кто меня торопил? – спросила с ленивым интересом. – Я тут уже пять минут маринуюсь.

– Выходи, – сказала Анук и подергала за хромированную дверную ручку.

Саломея подчинилась, но с явной неохотой. На сей раз на ней были элегантное черное платье и изящные туфли на очень высоких каблуках. На ее груди поблескивала уже знакомая Арине камея.

– Я звонила Ямахе, – сказала она, одергивая подол платья. – Вчера вечером. У нее включена голосовая почта, так что я велела ей сидеть дома и не высовываться. Думаю, послание дойдет до адресата, потому что ехать в тот клоповник, который она зовет своим домом, я не собираюсь. Тебе не кажется, Анук, что мы сильно ошиблись, когда набрали в Круг всякой гопоты? Посмотри на результат.

– Мы разговаривали с Ксенией. Она теперь сама по себе. – Анук осмотрелась.

– Значит, остались мы вдвоем, – усмехнулась Саломея. – Две старые ведьмы.

Старой ее нельзя было назвать даже с очень большой натяжкой, так хорошо она выглядела, но возраст и опыт прожитых лет чувствовались в каждом движении.

– Втроем, – мягко, но настойчиво поправила Анук и посмотрела на Арину.

Саломея тоже посмотрела на нее, наверное, в первый раз за все время их разговора. Посмотрела внимательно и заинтересованно, как на диковинную зверушку, а потом произнесла:

– То, что она видит покойников, еще не делает ее одной из нас. К тому же Марго не рассказала ей ничего о финальном пророчестве. Так какой от нее вообще толк?

Она говорила об Арине в ее присутствии спокойно, даже доброжелательно, как о какой-нибудь скаковой лошади, которая в принципе неплоха, но для больших скачек не годится, и поэтому пользы от нее, считай, никакой. Саломея даже улыбнулась Арине, как улыбнулась бы своей маникюрше.

– К тому же она не прошла инициации Кругом.

– Она прошла инициацию кровью. – Анук крепко взяла Арину за

запястье, развернула ее руку ладонью вверх так, что стал виден шрам. – Черной кровью! – сказала, как припечатала, у Арины аж шрам зачесался. Или он зачесался под пристальным взглядом Саломеи?

От недавнего снисходительного благодушия не осталось и следа. Саломея даже в лице изменилась: точеные черты потекли, утратили четкость и изящность линий. Она словно враз постарела на несколько десятков лет. Или не постарела, а на самом деле такая, а все остальное – лишь маска, морок, наброшенный не на других, а на саму себя? Морочница... А ей, Арине, вдруг удалось рассмотреть под этой маской настоящее лицо. Ну, так получилось. Озарение или происки черной крови, которая, оказывается, гораздо круче крови голубой. Кто бы мог подумать!

– Вот это новость! – Саломея взяла себя в руки быстро, почти мгновенно, и лицо ее сделалось прежним – прекрасно-аристократичным, лишенным возраста. – Черная кровь... Кто бы мог подумать? И... – она пристально посмотрела на Арину, – чем же ты нас удивишь?

– Ничем, – та пожала плечами. – Я не особо талантливая.

За ее спиной многозначительно хмыкнула Анук, а Марго хихикнула.

– Тому, в чьих жилах течет черная кровь, нет нужды доказывать свое превосходство. – Саломея не сводила с нее изучающего взгляда. – Я слышала, таких не осталось. Особенно инициированных. Как ты выжила после этого?

Арина вздохнула. Отвечать на один и тот же вопрос она уже порядком устала. Выжила и выжила. Значит, повезло.

– Все, что нас не убивает, делает нас сильнее. – Саломея улыбнулась широко и радостно, словно только что в лице Арины обрела давно потерянную сестру. – Ты сильная девочка. Это очень, очень хорошо.

Арина улыбнулась в ответ. Как реагировать на подобное заявление, она не знала.

– Сколько мне лет? – вдруг спросила Саломея.

– Пятьдесят девять. – Она ответила не задумываясь, не пытаясь оценивать и сопоставлять, и сама удивилась озвученной цифре, потому что красавице ведьме можно было дать не больше сорока.

– Черная кровь. – Саломея потрепала ее по щеке, как маленькую девочку. – Сильна, ничего не скажешь.

– Экзамен окончен? – спросила Анук скучным голосом. – Может быть, тогда приступим к делу?

– С кого начнем? – Саломея погладила каменю и мечтательно улыбнулась.

– Давай сразу с главврача, чтобы не размениваться на пустяки. У тебя

ведь получится разобраться с профессиональным мозгоправом?

– Обижаешь! – Саломея поправила прическу, неспешным шагом направилась к запертым больничным воротам, велела: – Не отставайте, девочки, если хотите увидеть, как работает настоящий профессионал.

Охраннику, здоровенному детине в синей униформе, хватило лишь одной улыбки красавицы, чтобы из грозного сторожевого пса превратиться в левретку. Он был готов служить верой и правдой, доложить главврачу и даже покинуть боевой пост, чтобы лично проводить. Саломея разрешила доложить, но от сопровождения решительно отказалась, лишь поинтересовалась, где можно найти главврача.

По узкой асфальтированной дорожке, пересекающей больничный двор, она плыла как королева. Арина не знала, что в этот момент испытывают остальные, но сама чувствовала себя частью королевской свиты, одной из фрейлин.

Административный корпус располагался в глубине территории, в дальнем конце уютного сквера, засаженного кленами и липами, облагороженного клумбами и яркими скамейками на гнутых чугунных ножках. Арина ожидала, что он будет заполнен пациентами клиники, теми, кто не буйный и кому позволены прогулки на свежем воздухе, но вокруг не было ни единой живой души, только где-то в стороне слышалось размеренное шарканье. Наверное, дворник сметал с дорожки первые опавшие листья.

– А тут ничего, прямо как в санатории, – сказала Марго, оглядываясь по сторонам.

– Не хотела бы я попасть в такой санаторий. – Арина поежилась. Даже в отсутствие пациентов атмосфера на территории лечебницы та еще: застоявшаяся, как вода в давно не чищенном пруду.

– Никому не рассказывай, что видишь покойников, тогда и не попадешь, – хихикнула Марго, но как-то не особо весело.

– Отвратительный запах! – Анук вертела в руках портсигар, было очевидно, что ей очень хочется курить. – Болезнь и пожарище.

– Заметь, идея не моя, – сказала Саломея и потянула на себя дверную ручку. – Впрочем, я ничего особенного не чувствую.

Кабинет главврача располагался в дальнем конце длинного коридора. Подступы к кабинету никем не охранялись, наверное, секретарша была главврачу не по статусу. Или без надобности. Саломея остановилась перед массивной дверью с потемневшей от времени и недосмотра бронзовой табличкой с надписью «Штерн Яков Иосифович. Главный врач».

– Я зайду одна, – произнесла она, разглядывая табличку. – Когда Яков

Иосифович будет готов к беседе, позову вас.

Ждать пришлось довольно долго, наверное, клиент оказался крепким орешком. Наконец, из-за двери послышалось:

– Дамы, прошу вас!

Кабинет главврача был огромный: три окна с одной стороны и стеллаж-картотека – с другой. В центре – обшарпанный переговорный стол, такой длинный, что при желании за ним, наверное, смог бы разместиться весь здешний персонал. Вдоль стола с двух сторон располагались разномастные стулья, а в торце буквой «т» громоздился еще один стол, обтянутый потертым зеленым сукном и заваленный кипами картонных папок и каких-то бумаг. Арина решила, что в папках хранятся истории болезни пациентов. А что еще могло бы в них быть? На стене, противоположной двери, как раз над столом, висели портреты: в центре президент, а по бокам Юнг с Фрейдом. Замечательная композиция, очень вдохновляющая!

Саломея стояла у одного из окон, скрестив на груди руки. Вид у нее был усталый. Похоже, Яков Иосифович Штерн и в самом деле не сразу поддался ее чарам.

– Не знал, что нынче в органах служат одни дамы, – послышался из-за кипы папок сиплый, с пришепетыванием голос, и Арина только сейчас обратила внимание на хозяина этого странного кабинета.

Он был уже немолодым, лысым, носил очки в роговой оправе, которые на мелком лице казались монументальными. Из-под белоснежного накрахмаленного халата выглядывал небрежно повязанный узел галстука и ворот не слишком свежей сорочки. Из нагрудного кармана торчала целая батарея ручек. Арина насчитала семь штук.

– Ваша коллега, – Яков Иосифович, привстав, чуть удивленно посмотрел на Саломею, словно никак не мог поверить в реальность происходящего, – убедила меня в необходимости нашего э... сотрудничества, но считаю своим долгом напомнить о святости врачебной тайны.

– Ужасный бюрократ, – сказала Саломея едва слышно. – И редкостный сухарь.

Теперь ясно, почему Яков Иосифович Штерн воспринял их как теток из органов, а не очаровательных прелестниц. Прелестницы в частности и дамы в целом его не волновали. Якова Иосифовича интересовали только бумажки, распоряжения, положения – то есть вся та ерунда, которой был завален его кабинет. Саломее пришлось импровизировать, на ходу изменять свой план. Кстати, камешек теперь была у нее в руке, а не на шее. Значит,

пустила в ход тяжелую артиллерию.

– Да не стойте вы! В ногах правды нет. – Сам Яков Иосифович сделал еще одну вялую попытку приподняться из-за стола, но тут же плюхнулся обратно. Выказал уважение, как умел. – Присаживайтесь.

Они с Анук опустились на хлипкие стулья. Марго пристроилась напротив, а Саломея так и осталась у окна, поигрывая камеей.

– Ну-с, что вас интересует? – Главврач выдернул из нагрудного кармана одну из ручек, словно собирался конспектировать их разговор.

– Один ваш пациент, – начала Анук, бросив на Арину предупреждающий взгляд. Не вмешивайся – вот что он означал.

– Какой именно, позвольте полюбопытствовать?

– Некто Бабаев Альберт Петрович.

– Так я и знал. – Яков Иосифович страдальчески вздохнул. – Просто нутром чуял, что это еще не все, что ваши с меня так просто не слезут. А я, между прочим, сигнализировал, докладные писал.

– Какие?

– А такие! Третий корпус совершенно ветхий, перекрытия там деревянные, проводка столетней давности. Я предупреждал, что добром это не кончится, я замучился штрафы платить пожарным! А в ответ мне знаете что говорили? – Он поднял вверх указательный палец. – Мне говорили: «Своими силами справляйтесь, Яков Иосифович, хозрасчетно». А какой у нас тут хозрасчет? Скажите мне на милость! Государственное предприятие! Вот и имеем то, что имеем.

– И что мы имеем? – поинтересовалась Анук.

– Имеем пожар, едва ли не дотла сгоревший третий корпус и сбежавшего пациента. Еще хорошо, что без жертв обошлось. Бог миловал.

– Совсем без жертв? – спросила Саломея и, словно невзначай, качнула камеей.

На мгновение глаза за толстыми линзами остекленели, а потом Яков Иосифович заговорил быстро и испуганно:

– Ну, как сказать... Жертва одна все-таки приключилась, но не фатальная. Уверяю вас, уважаемые. Митрофанов уже и к работе приступил, значит, обошлось без последствий.

– Кто он такой?

– Санитар, дежуривший в третьем корпусе в ту ночь. Там и корпус-то совсем небольшой, всего на шесть одиночных палат, три из которых пустовали. Особо буйных у нас тогда и не было. Я имею в виду пациентов. Бабай самый сложный, который за убийство...

– Стоп, – сказала Анук и мягко хлопнула ладонью по столу. – Почему

Бабай? У вас тут практикуют клички?

– Боже упаси! – Яков Иосифович испуганно отшатнулся, выдернул из кармана еще одну ручку, сжал в кулаке. – У нас тут этика и деонтология. Мы с пациентами не фамильярничаем.

– Тогда почему Бабай, а не Бабаев?

– Потому что специфика работы такая. – Он удивленно посмотрел на ручку в своем кулаке, икнул и осторожно отложил ее в сторону. – У Бабая, то есть у Бабаева, расщепление личности. Это если в двух словах. Слышали про такое? Это феномен, при котором в человеке уживаются сразу несколько личностей. Так вот у Бабаева их было две: милейший, талантливый альтист Альберт Бабаев и законченный психопат, который отзывался исключительно на кличку Бабай.

– И как они уживались? – спросила Анук. – Я где-то читала, что личности могут даже не знать о существовании друг друга.

– Эти знали! – Яков Иосифович сдернул с носа очки, не слишком свежим с виду носовым платком начал протирать стекла. – И, я вам доложу, они нормально ладили. Более того, в последние два года у пациента наблюдалась стойкая ремиссия, мы даже сделали ему некоторое послабление режима.

– Какое именно? – Анук и Саломея многозначительно переглянулись.

– Ничего, что выходило бы за рамки. Все в пределах инструкций и нормативов. Прогулки в специально отведенном месте, под неусыпным присмотром, разумеется. Вы поймите, – сказал Яков Иосифович задушевно, – он же по сути своей несчастный человек, который не оступился даже, а тяжело заболел. Понимаете, о чем я?

Они дружно кивнули. Умом Арина все понимала, но вот принять происходящее никак не могла.

– Я говорил про длительную ремиссию? Кажется, да. Так вот, в состоянии ремиссии Альберт Бабаев был совершенно адекватным человеком, тонким, интеллигентным. Разве что... – Главврач запнулся.

– Разве что?.. – Анук приподняла брови.

– Он был слишком ранимым, я бы сказал, хрупким. Альберт просил книги, мы ему их приносили. Все, что смогли найти в нашей библиотеке. И его сводная сестра всякий раз приносила, когда навещала.

– Она часто его навещала? – Саломея снова качнула камеей.

– Раз в месяц обязательно. Иногда чаще. Она очень, ну просто очень хорошо на него влияла. Редко, знаете ли, бывает, чтобы после такого страшного злодеяния родственники не отворачивались, а, наоборот, поддерживали. Да-с... – Яков Иосифович снова водрузил очки на нос и

продолжил: – Это сестра попросила, чтобы Альберту позволили играть. Она хотела принести ему альт, но струны... Вы сами понимаете, струны – это определенная опасность и... соблазн. А у нас режимное учреждение.

– Вы не позволили?

– Не позволил принести пациенту альт. Мы сошлись на флейте из такого легкого, не несущего никакой опасности дерева. Как он на ней играл! – Яков Иосифович откинулся на спинку стула и прикрыл глаза. – Он играл так, что даже я был готов разрыдаться. Вот такая великая сила таланта! И поэтому вдвойне обидно... – Он замялся.

– Обидно, что талант томился в темнице? – вкрадчиво поинтересовалась Анук.

– Да господь с вами! – Главврач замахал руками. – В первую очередь я профессионал и только лишь потом ценитель прекрасного.

На ценителя прекрасного он никак не тянул, но кто знает, какое сердце скрывается под броней из накрахмаленного халата.

– Что-то произошло? – спросила Арина. – Что-то должно было случиться, чтобы вместо милейшего Альберта снова появился Бабай.

– Не знаю. – Яков Иосифович развел руками. – Если что-то и произошло, то не во внешнем мире, а во внутреннем.

– Когда снова появился Бабай?

– Около трех месяцев назад. И знаете, пожалуй, кое-что в самом деле произошло. Как я мог не придать этому значения?! Однажды его сестра приехала на свидание не одна, а со своей знакомой, очень милой дамой, моей коллегой.

– Она тоже была психиатром?

– Нет, – впервые за весь разговор Яков Иосифович улыбнулся. – Она была гематологом, но, помнится, обмолвилась, что оставила практику ради какой-то другой работы. Женщины, знаете ли, очень непостоянные существа.

Он сказал это и тут же испуганно замер, осознав, что в его кабинете сейчас сразу три таких существа.

– Она представилась? – спросила Анук, улыбаясь одобряюще. – Та непостоянная женщина.

– Марта! Ее звали Мартой, – выдохнул главврач и выдернул из кармана еще одну ручку.

– Сколько раз она приходила?

– Я не помню точно, но, думаю, не меньше пяти. Поначалу ее визиты сказывались на Альберте очень благотворно. Музыка, книги... Я вам уже говорил.

– А потом?

– Она перестала приходить, и вернулся Бабай.

– В чем это проявилось? – Анук теперь то и дело переглядывалась с Саломеей. Та хмурилась, камей на изящной цепи раскачивалась из стороны в сторону, увеличивая скорость.

– Все началось с птиц. – Главврач не сводил взгляда с камей. – Альберт прикармливал голубей, сыпал на подоконник крошки и наблюдал, как птицы их клюют. Это антисанитария, конечно, я все понимаю, но иногда внутренняя чистота важнее внешней. Я попустительствовал, каюсь...

Он говорил это таким тоном, словно попустительствовал не кормлению голубей, а как минимум растлению малолетних.

– И что случилось с птицами?

– Страшное. То есть не укладывающееся в голове совершенно. Они были уже практически ручными, ели с ладони, ничего не боялись. Понимаете? Птицы ему доверяли, и Альберт их любил. А потом снова появился Бабай...

– И убил птиц, – закончила за него Саломея.

Яков Иосифович горестно кивнул. Из-под маски бюрократа и крючкотвора выглянуло нормальное человеческое лицо.

– Он свернул им шеи, а потом оципал. Когда утром дежурная медсестра заглянула к нему, вся палата была усыпана голубиными перьями, а сам Бабай спал сном младенца прямо на полу.

– И кто проснулся утром? – спросила Анук. – Альберт или Бабай?

– Альберт. И знаете, он был в ужасе от совершенного, плакал, как дитя. А потом попросил стопку бумаги. Знаете, что он с ней сделал?

– Изорвал на мелкие кусочки, – неожиданно для себя самой сказала Арина.

Все присутствующие посмотрели на нее удивленно, а Яков Иосифович так и вовсе с ужасом, будто она только что клещами вырвала из него врачебную тайну.

– Откуда вы...

– Догадалась. – Она пожала плечами. – Что еще можно сделать с бумагой? Вы ведь не давали ему ручки?

– Конечно, нет! – Главврач похлопал себя по карману, проверяя свой неприкосновенный запас. – Но, признаться, я думал, он займется оригами. Это ведь очень успокаивает.

– А ваш пациент успокаивался по-другому. Он говорил про зуд в голове и руках?

– Да. – Яков Иосифович посмотрел на нее поверх очков. – Именно так

он и говорил. Мы пробовали колоть ему седативы, но те не помогали. Он мучился. На физическом уровне, понимаете? Однажды он разорвал в клочья постельное белье. Под клочьями я имею в виду лоскутки не больше спичечного коробка. А это тоже все казенное... Больше без бумаги мы его не оставляли. Старые газеты, журналы, ветошь – все несли в третий корпус. Альберт работал эффективнее любого шредера.

– И это помогало? Зуд проходил? – спросила Анук, поигрывая портсигаром.

– Вы хотите курить? – догадался Яков Иосифович. – Курите, не стесняйтесь! А вот хотя бы сюда. – Он порылся в завалах на своем столе и поставил перед Анук чашку со следами высохшей заварки. – Я тоже был из любителей, но бросил год назад. Мотор, знаете ли, начал пошаливать.

Вздыхнув с облегчением, Анук благодарно кивнула и закурила.

– Это помогало. – Яков Иосифович постучал ручкой по столу. – Но не особо. Знаете, что для него было верхом наслаждения? Упаковочная пленка! С воздушными пузырьками, которые можно лопать.

Арина невольно усмехнулась. Лопать такие пузырьки нравится не только умалишенным, но и вполне вменяемым. Есть в этом что-то успокаивающее и завораживающее.

– Пленку привозила сестра Бабаева. Уж не знаю, где она ее доставала в таких количествах. Это было самым действенным средством. Конечно, довольно странный способ контроля и лечения, – Яков Иосифович виновато улыбнулся, – но ведь и Альберт Бабаев не самый обычный пациент.

– Что больной делал, когда кончались и бумага, и пленка? – спросила Арина. – Они ведь все равно иногда кончались.

– К утру почти всегда. – Яков Иосифович кивнул. – И тогда Альберт грыз ногти. Жестоко, по-звериному. Мне даже порой казалось, что он мог бы, как попавший в капкан волк, перегрызть себе лапу. То есть руку.

– Что случилось перед пожаром и побегом Бабаева? – Саломея с интересом разглядывала свои ногти и вопрос задала словно от нечего делать.

– Я помню, накануне приезжала его сестра, привезла упаковку пленки и сушки. Бабаев любил их, потому что они хрустят на зубах.

– Как кости, – сказала Арина тихо, однако ее все равно услышали.

– Странное сравнение, но, пожалуй, верное. В Бабае вообще было очень много от хищника. Достаточно вспомнить голубей.

– А как насчет людей? – поинтересовалась Анук и выпустила струйку сизого табачного дыма. – На них он никогда не нападал? Я хочу спросить,

после того жуткого преступления Бабаев вел себя смирно?

– Вы что-то говорили про санитаров, – поддержала Анук Саломея. – Что с ним случилось? Только не врите нам, пожалуйста.

Каменя снова качнулась, и главврач уставился на нее зачарованно.

– Митрофанов дежурил той ночью как раз в третьем корпусе. Он и медсестра. Пациентов было мало, я уже объяснял. Бабаев весь день был спокоен, даже играл на флейте. Я еще подумал грешным делом, что это добрый знак. А ночью ему вдруг стало плохо. Митрофанов рассказывал, что заглянул в смотровое окошко и увидел, как Бабаев корчится на полу в судорогах. Митрофанов кликнул медсестру, а сам вошел в палату.

– Он крупный, этот ваш Митрофанов? – спросила Саломея.

– Обыкновенный. Не Геракл, конечно, но и не хлюпик. А Бабай как раз наоборот, телосложения изящного. Вот Митрофанов и зашел, а дальше... – Яков Иосифович со свистом втянул в себя воздух. Было очевидно, что продолжать ему не хочется. – Бабай на него напал, как дикий зверь. Да, именно так – как дикий зверь. Сдавил своей флейтой шею Митрофанову. Давил, пока тот не потерял сознание, а потом устроил пожар.

– Как? – Саломея нахмурилась. Ей не нравился этот разговор так же, как и главному врачу.

– Митрофанов курящий, у него при себе всегда спички.

– И?..

– И спирт во фляге. – Яков Иосифович покрылся нездоровым багрянцем, дернул узел галстука, словно его самого только что душили флейтой. – Я понимаю, что нельзя, что это нарушение трудовой дисциплины, но и вы меня поймите! Кадровый провал... катастрофа. Зарплата у санитаров – слезы. Все разбегаются. Вот и приходится закрывать глаза на нарушения.

– Мы вас не виним, – оборвала его Анук довольно нетерпеливо. – Мы просто хотим узнать, что случилось той ночью.

– Бабай устроил пожар, полил свою кровать спиртом, поджег и выбежал из палаты, а потом, надо думать, пробрался в санитарскую, украл деньги и одежду у одного из санитаров.

– А дальше что? У вас же охрана на воротах.

– Да, вот только забор дырявый. В бюджете дыры и в заборе тоже. Я уже сколько раз сигнализировал...

– Ясно. А с пожаром что? – Саломея, уже не таясь, посмотрела на наручные часы. Арине показалось, что она побледнела, наверное, устала держать главврача под контролем.

– Прибежала медсестра, вытащила из горящей палаты Митрофанова,

эвакуировала остальных пациентов, чтобы не угорели. А там и подмога подоспела, больных перевели в первый корпус, Митрофанова привели в чувство, принялись тушить пожар. А там же перекрытия деревянные, проводка столетняя...

Вот так он, значит, всем говорил про столетнюю проводку и деревянные перекрытия, чтобы никто не винил в случившемся его и санитар Митрофанова, который пьет спирт на рабочем месте. Это понятно.

– А что стало с флейтой? – спросила Арина.

– С флейтой? – Яков Иосифович посмотрел на нее затравленно, наверное, уже готовился проститься с должностью. – Бабай ее сломал. Медсестра мне рассказывала, что на теле Митрофанова лежали какие-то щепки, а это он, значит, флейту искромсал. Столько дней берег, а тут не удержался.

– Потому что у него все закончилось: и бумага, и пленка, – сказала Арина. – А дерево тоже хрустит. Как кости...

– Как кости, – повторил он испуганно. – Надо же, какие аналогии!

– Ну, теперь все? – спросила Саломея, наматывая цепочку от камен на запястье. – Анук, ты узнала все, что хотела? Можно сворачивать допрос?

– У тебя кровь. – Анук смотрела на нее сквозь дымную кисею. – Из носа.

– Вот черт! – Саломея дотронулась до лица, с отвращением посмотрела на свои испачканные кровью пальцы, полезла в сумку за салфетками. – Его тяжело контролировать, – сказала, прижимая салфетку к носу. – Он психиатр.

– Пусть Яков Иосифович все забудет. – Анук перевела взгляд на главврача. – И наш разговор, и наш к нему визит. Сможешь?

Саломея ничего не ответила, молча подошла к испуганно вжавшемуся в кресло Якову Иосифовичу, заглянула в глаза, сказала ласково:

– Ты ничего не помнишь. Ты устал и очень хочешь спать.

Яков Иосифович дернулся, словно порывался убежать, а потом икнул и беспомощно обмяк.

– С ним все в порядке? – испугалась Арина.

– Он спит. Проспит еще полчаса, а когда проснется, ничего не вспомнит. – Из-за прижатой к носу салфетки голос Саломеи звучал гнусаво. Сама она выглядела не слишком хорошо – за все нужно платить.

– Ну что же! – Анук загасила сигарету в чашке, но окурков не оставила, спрятала в свою серебряную пепельницу. – Нам пора. Больше мы тут ничего не разузнаем.

– Можно подумать, мы узнали что-то важное, – фыркнула Саломея и сунула перепачканную кровью салфетку обратно в сумочку.

Они не оставляли никаких следов, эти старые, опытные ведьмы. Не хотели рисковать или просто за свой долгий век привыкли к осторожности?

* * *

– Ну, куда дальше? – спросила Саломея, когда они оказались на автомобильной стоянке. – Собираешься еще кого-нибудь допросить? Если так, то я – пас. Видишь, сегодня я не в форме.

– Больше никого. – Анук покачала головой, попросила: – Позвони Ямахе, вдруг она на связи.

Саломея достала телефон, набрала номер, подождала секунд тридцать и раздраженно пожала плечами:

– Голосовая почта. Ты же знаешь Ямаху. Железки всегда были ей дороже людей.

– Я знаю. – Анук выглядела задумчивой и, кажется, чем-то удивленной. – Но ты ее предупредила? Она знает про Бабая?

– Предупредила, не переживай. – Саломея раскрыла изящную пудреницу, припудрила лицо, на которое постепенно возвращались краски. – Знаете, девочки, у меня еще масса дел, – сказала она, пряча пудреницу обратно в сумочку.

– Конечно. – Анук иронично усмехнулась. Вместо того чтобы сесть в машину, подошла к Саломее, принялась.

– Что еще? – Та отступила на шаг.

– У тебя новые духи.

– Это «Шанель».

– Слишком резкие, ты переборщила.

– Это не духи слишком резкие, а у кого-то нос слишком длинный. – Саломея одарила Анук надменной улыбкой.

– Как хорошо, что я так и не вступила в этот их Круг, – шепнула Марго на ухо Арине. – Это же какой-то серпентарий!

Арина была с ней полностью согласна, но отвечать не стала.

– Теперь уже точно все? – спросила Саломея и потянула на себя дверцу «Мерседеса».

– Да нет. – Анук покачала головой. – Думаю, этой ночью он снова придет за одной из нас.

– И что ты предлагаешь? Написать заявление в полицию? Тогда

придется рассказать, чем мы занимаемся. Там ведь непременно спросят и начнут копать в нашем прошлом. У тебя кристальное прошлое, Анук? В нем нет ничего такого, чтобы тебе не хотелось выносить на всеобщее обозрение? Молчишь? То-то и оно! Мы все взрослые девочки. – Саломея бросила быстрый взгляд на Арину, словно сомневалась в том, что это определение подходит и к ней.

– Четверо из нас уже мертвы. – Анук не сводила глаз с Саломеи.

– Они не знали, кого следует опасаться, вот и попались. Но мы-то в курсе всего! Мы можем подготовиться и дать отпор этому уроду. По крайней мере, я смогу. Да и ты тоже. Насчет нее, – она снова глянула на Арину, – ничего сказать не могу. Но если она действительно истинная, то сама любого сотрет в порошок.

– Арина ничего не знает и мало что умеет. Ее не учили.

– Не учили? Ну так возьми ее под крыло. Ты же любишь подбирать всяких... убогих.

– Когда-то давно я подобрала тебя. Вспомни, какой ты была, и не заставляй меня пожалеть о совершенном.

– Я всегда была сама собой, точно такой, как сейчас. – Саломея снова побледнела, но на сей раз от злости. – Я бы справилась!

– Да, – оборвала ее Анук. – Ты всегда справлялась с любыми трудностями.

– И сейчас справлюсь! – отрезала Саломея. – А кто не справится, – она пренебрежительно пожала плечами, – тот не прошел естественный отбор.

Хлопнула дверца, «Мерседес» рванул с места, обдав их облаком выхлопных газов.

– Ужас! – вздохнула Марго. – Настоящая ведьма.

– Кем она была? – спросила Арина, провожая взглядом стремительно удаляющийся автомобиль.

– Проституткой. Охмурила мужиков. Это у нее всегда хорошо получалось. Иногда Саломея их еще и грабила. – Анук уселась за руль. – Она попала в колонию для несовершеннолетних, когда один из клиентов поймал ее с поличным. Тогда Саломея еще не знала, как разумно распорядиться своим даром, не хватало мозгов и практики. Она ведь была простой провинциальной девчонкой, явившейся покорять Москву. Вот и покоряла... на панели.

– А я думала, Саломея потомственная ведьма и вдобавок графиня. – Арина скосила взгляд на Марго. – Почему же она действовала так примитивно?

– Кто тебе сказал? – спросила Анук и тут же понимающе

усмехнулась: – Марго?

Арина кивнула.

– Саломея – мастер мистификаций.

– Морочница.

– Да, можно и так сказать. Вот только ей никогда не хотелось быть простой морочницей из народа, и она придумала историю с дворянскими корнями, назвалась потомственной ведьмой.

– Кругом обман, – вздохнула Марго. – Как жить?

– Но Саломея на самом деле очень сильна в своем деле, – сказала Анук, включая зажигание. – Стала сильной, как только разобралась, что с помощью дара можно морочить не только командировочных мужиков, что она может справиться с куда более привлекательной или опасной добычей.

– С Бабаем она справится? – спросила Арина.

Прежде чем ответить, Анук посмотрела на нее долгим изучающим взглядом, а потом сказала:

– Я не знаю.

– Но у вас есть какие-то мысли?

– Да. – Она кивнула и тронула машину с места. – Давай-ка навестим Ямаху.

* * *

Сказать по правде, Арина боялась. Больше сумасшедшего Бабая она боялась того, что они могут найти еще один труп...

Мобильный Ямахи молчал, и это было скверно, это наводило на очень невеселые мысли. Наверное, не ее одну, коль уж Анук захотелось сделать приличный крюк, чтобы встретиться с Ямахой лично.

Наконец, машина, чихнув мотором, остановилась у длинного деревянного барака, когда-то давно выкрашенного в зеленый цвет, а сейчас почти полностью облезшего, побуревшего от времени. Барак был обнесен покосившимся дощатым заборчиком, за которым росли кусты сирени, высокие, как деревья, затеняющие узкие окна. В давние времена такие бараки строились на две семьи. Наверное, с тех пор ничего не изменилось, если судить по двум отдельным входам и другим, не сразу бросающимся в глаза деталям. Левое крыльцо было явно недавно отремонтировано, желтые балясины перил оказались покрыты лаком, на верхних ступеньках стояли два пластмассовых горшка с чахлыми кустиками герани – элемент декора. И вместо рассохшихся рам имелись новенькие стеклопакеты – элемент

роскоши, доказательство благополучия. А главное – детские одежды, болтающиеся на веревке. Есть ли у Ямахи дети? Арина вопросительно посмотрела на Анук.

– Нам туда. – Та направилась к правому крыльцу с выломанными кое-где перилами и прогнившими ступеньками. Здесь вместо кадок с геранью стояли батареи пустых пивных бутылок и пол-литровая банка, приспособленная под пепельницу. На влажной земле виднелись следы от протекторов. Мотоциклетных – не автомобильных. Единственным новым объектом здесь был сарайчик, или, скорее, гараж из белого кирпича, с яркосиними железными воротами и массивным замком. Ямаха не любила себя, жила в отвратительных условиях, но свой мотоцикл она обожала до такой степени, что даже построила ему веселый домик.

Входная дверь была заперта, и, постояв немного в раздумьях, Анук направилась к гаражу, заглянула в узкое оконце. Арина тоже заглянула. В гараже царил идеальный порядок. На стеллаже вдоль одной из стен аккуратными рядами стояли жестяные банки и коробки, в деревянных ящиках лежали какие-то инструменты. У дальней стены поблескивали железными боками две канистры с бензином. Единственно, чего не было в этом маленьком техническом мирке, – мотоцикла.

Арина вздохнула с облегчением. Отсутствие мотоцикла показалось ей добрым знаком.

– Это хорошо. – Наверное, Анук подумала о том же.

– Эй, а что вы там делаете? Чего высматриваете? – На левом крыльце стояла женщина неопределенного возраста. В руках она держала таз с выстиранным бельем.

– А мы к вашей соседке. – Арина бросила быстрый взгляд на Анук – как зовут Ямаху на самом деле?

Та в ответ чуть заметно пожала плечами.

– К Сашке, что ли? – Женщина сошла с крыльца, поставила тазик на землю. – А она уехала, слава богу! Хоть немного от нее отдохнем. Сил же никаких нет терпеть все это! Дружки какие-то подозрительные ошиваются, каждый день мотоциклы под окнами ревут. А у меня ребятишки! – Она кивнула на бельевою веревку с детскими вещичками. – Я уже и участковому жаловалась, но тот говорит, что эти черти ничего противозаконного не делают, культурно отдыхают. Вон как культурно! Все в пустых бутылках!

– Разберемся, – сказала Анук каким-то особенным, бюрократическим тоном, и женщина в халате радостно закивала. – Давно она уехала?

– Вчера утром.

– А куда, вы случайно не знаете?

– Знаю! Она об этом неделю мне твердила, все уши прожужжала. Укатила Сашка на их мотоциклетный слет. Куда-то под Владимир. Приехали за ней эти... в коже и клепках, которые по ночам культурно отдыхают, и она с ними того... ускакала. На целую неделю. Вот какое мне счастье привалило!

Анук с Ариной переглянулись. Ямаха уехала на байкерский слет на целую неделю, да еще не одна, а с мужиками в коже и клепках. Очень хорошо, просто замечательно! Значит, в ближайшую неделю Бабай до нее не доберется, а за это время они обязательно что-нибудь придумают. Должны придумать.

– Так вы с ней разберетесь? С Сашкой-то? – спросила женщина, не скрывая злорадства.

– Разберемся, – пообещала Анук, увлекая Арину прочь от барака.

Марго, которая куда-то исчезла, материализовалась уже на заднем сиденье автомобиля и сказала деловито:

– Я на всякий случай проверила дом. Там никого, но засранка эта Ямаха страшная. Как можно жить в таком хлеву!

В ответ Арина лишь пожала плечами. Условия жизни Ямахи волновали ее сейчас меньше всего.

– Куда теперь? – спросила она Анук, прислушиваясь к недовольному вою своего голодного желудка.

– Мне нужно кое-что проверить. – Старая ведьма включила зажигание. – С этим я справлюсь сама. Все, что было в наших силах, мы сделали, всех оставшихся в живых предупредили. Альбину и Софью полицейские уже нашли. Теперь они будут разбираться. Не думаю, что смогут связать эти два убийства, но, вероятно, сумеют выйти на след Бабая.

– Они могут связать, – сказала Арина, вертя в руках мобильный. – Только не Альбину с Софьей, а Софью с Флорой.

– Не понимаю. – Анук посмотрела на нее удивленно. – Тело Флоры им не найти.

– Я звонила в полицию, когда увидела Флору там... в цветнике. Я не знала, как поступить, и бросить ее там вот так тоже не могла. Помните, я вам рассказывала?

Анук молча кивнула.

– Кто-то из полиции приезжал, кажется, участковый, но ничего не нашел, тела уже не было... А теперь они нашли Софью, почти в том же самом месте.

– С какого телефона ты звонила в полицию? – спросила Анук после

долгого молчания. Голос ее звучал совершенно спокойно, но Арина уже знала цену такому спокойствию.

– С мобильного Марго.

– Вот и еще одна ниточка...

– Они решили, что смерть Марго произошла из-за несчастного случая. Я помню, Ксения сказала это на кладбище. – А еще ей сообщил об этом Волков, но говорить о Волкове совсем не обязательно.

Анук закурила и только потом заговорила:

– Значит, вот что мы имеем. Возле пансионатского пруда с интервалом в несколько дней нашли Марго и Альбину. Гадалка утонула сама, Альбине вспороли горло. А потом с мобильного Марго ты сообщила об убийстве Флоры. Бедняжку не нашли, но через день неподалеку от ее дома обнаружили мертвую Софью. Как считаешь, сколько им понадобится времени, чтобы понять, что все эти преступления связаны?

– Я думаю, немного.

– Я тоже. – Анук кивнула. – Очень скоро они узнают про наши собрания. Если уже не узнали. И придут, чтобы задать нам вопросы. Все, как и предсказывала Саломея. – Анук снова надолго замолчала.

– Тебе ничто не грозит, – сказала Марго успокаивающе. – Ты никогда не была частью Круга, тебя с ними ничего не связывает. Ты сама по себе.

– Уже нет. – Арина покачала головой. – Я, кажется, влипла...

– У тебя какие-то проблемы с законом. – Анук не спрашивала, а утверждала. И врать ей не было никакого смысла.

– Меня подозревают в убийстве. – Вот и сказала. И даже вроде бы стало легче.

– Но ты не убивала, – снова утверждение, а не вопрос.

– Нет.

– Но доказать свою невиновность не можешь.

– Нет. Единственное, что я смогла, – это сменить документы.

– Отпечатки пальцев так просто, к сожалению, не сменишь. И они есть в базе.

– Да.

– Тебе нужно уехать, – сказала наконец Анук. – Спрятаться и переждать.

– Я устала прятаться.

– Хочешь отдохнуть на нарах? Думаешь, там веселее? Послушай меня, девочка. – Анук вздохнула, голос ее смягчился. – Я прожила долгую жизнь и кое-что в ней понимаю. Твое право – верить в то, что полиция во всем разберется и накажет именно виновного. Подумай о другом. Все те, к кому

приходил Бабай, мертвы. Тебя единственную он пока не убил. И не потому, что тебя охраняли мертвая ведьма и призрачный пес, а лишь потому, что он сам отчего-то решил оставить тебя в живых. Пока! – добавила Анук с нажимом.

– Может быть, Бабай испугался? Как-то узнал, что я истинная? – Она и сама не верила, просто выдвигала хоть какую-то версию.

– Не льсти себе, девочка, – усмехнулась Анук. – Ты истинная, но необученная. Ты не можешь управляться и с десятой частью доставшейся тебе силы.

Арина вспомнила светящийся шар на своей ладони, вспомнила другую руку – черную, обугленную, лежащую в дорожной пыли. Нет, она не беспомощная девочка, она сможет себя защитить, если Бабай придет за ней еще раз.

– И если он не убил тебя сразу, – продолжила Анук, – значит, у него на тебя виды.

– Какие?..

– Не знаю, но тебе лучше затаиться. Хочешь, я тебя спрячу в надежном месте, пока все не закончится?

– А как оно вообще закончится? Вы знаете? Что станет с вами, с Марго, пока я буду отсиживаться в надежном месте?

– Что станет со мной, сказать не могу, ни одна ведьма не может предвидеть свое будущее. А вот что случится с твоей мертвой подружкой, я знаю.

– И что же? – Марго в нетерпении подалась вперед, в голосе ее послышалось нетерпение и, Арине показалось, страх. Чего ей бояться?

– Что случится? – Анук обернулась, посмотрела прямо на Марго, словно могла ее видеть. – Ты – не просто неупокоенная душа, ты неупокоенная ведьма. Знаешь, что это значит?

Марго замотала головой, слишком энергично, слишком поспешно. Страх теперь был не только в ее голосе, но и во взгляде.

– Как это? – вместо Марго спросила Арина.

– Иногда так бывает, что после смерти человек не может уйти, освободиться. Особенно после насильственной, страшной смерти или если его что-то держит в этом мире. И его душа мечется, мается, не может найти успокоения. Это простой человек, с ведьмами все иначе. Неупокоенная ведьма опасна. И если она не упокоится до срока... – Анук замолчала, а потом вдруг спросила: – Марго, ты чувствуешь в себе перемены?

– Какие? Спроси у нее. – Голос Марго дрогнул.

Арина спросила.

– Злость, раздражительность, потребность совершить что-нибудь плохое.

– Нет! Скажи ей, со мной все в порядке.

– С ней все в порядке, – послушно повторила Арина.

– Не ври мне! – крикнула Анук, и машина, на секунду потеряв управление, вильнула.

– Я пугаю птиц. Швыряю в них вот этим. – Марго погладила Марусину черепушку. – Один раз я даже попала в кошку. Нечаянно.

– Она пугает птиц, бросается в них своей черепушкой. Один раз Марго попала в кошку. – Эти слова казались смешными, но Арине отчего-то было совсем не смешно.

– И что стало с кошкой? – спросила Анук.

– Ничего. Она зашипела и убежала.

– Тебе стало в этот момент легче? Злость прошла?

– Вообще-то я очень люблю кошек, я их никогда раньше...

– Злость прошла? – повторила Анук требовательно.

– Да.

– Надолго?

– Не знаю. – Марго смотрела только на Арину, как-то умоляюще смотрела, словно надеялась, что та ее защитит. – Время для меня сейчас понятие относительное.

– А как насчет людей? – Анук снова обернулась, машина опять вильнула. – Не было ли у тебя желания напугать человека, сделать ему что-нибудь плохое?

– Никогда! – сказала Марго поспешно. Слишком поспешно. – Почти никогда.

– Очень скоро с птичек и кошек ты переключишься на людей и начнешь с того, кто тебе ближе всего, – с нее! – Анук кивнула в сторону Арины.

– Нет! – Марго замотала головой. – Я никогда не сделаю тебе ничего плохого.

Ладонь с выкрашенными черным лаком ногтями легла на Арино плечо, и ей показалось, что она вот-вот почувствует это прикосновение. Не почувствовала...

– Я верю, – сказала она успокаивающе. – И не боюсь.

– Сейчас ты еще пытаешься себя контролировать. – Анук словно слышала их диалог полностью. – Но придет время, и ты забудешь себя, ты нападешь на Арину, потому что не сможешь по-другому. Когда-нибудь ей придется тебя убить. Навсегда!

Марго отшатнулась, посмотрела на Арину так, словно та уже готовилась ее убить. От этого дикого, затравленного взгляда захотелось удавиться.

– Все будет хорошо, – сказала Арина твердо и без спроса взяла сигарету Анук. – Мы должны с этим разобраться. – Она сделала жадную затяжку.

– С чем? – спросила Анук.

– Со всем. С этой неуспокоенностью Марго, с полицией, а если понадобится, и с Бабаем тоже. Вы говорили, он еще придет ко мне...

– И что ты сделаешь? Думаешь, убить человека легко? Даже такого, как он? Ты сможешь после этого спокойно жить? Если вдруг тебе удастся, если вдруг он тебя не опередит.

Арина не знала. То есть она твердо знала, на что способна сама, но вот на что способна черная кровь...

– Она будет тебя защищать, кровь рода. Если ради твоего спасения придется убить, она убьет. – Анук, мудрая, старая Анук, знала про нее все.

– Все равно от этого не сбежишь. – Арина посмотрела на свою ладонь, на едва заметный шрам – напоминание о том, какой она была и какой стала.

– От себя не убежишь, – Анук кивнула.

– Значит, когда он придет, я буду готова.

– Я так понимаю, прятаться ты не желаешь?

– Не вижу смысла.

– Но если это спасет твою жизнь?

– А что спасет Марго? Ей ведь тоже нужна помощь.

– Марго уже мертва.

– Вы знаете, о чем я.

– Да, девочка, и это причиняет мне боль.

– Но вы ведь знаете, что нужно сделать? Как ей помочь?

– Я помогу. И ей, и тебе.

Какое-то время ехали молча, а потом Анук снова заговорила:

– Постарайся не уснуть этой ночью. Нас осталось четверо. Если не считать Ямаху. К одной из нас он обязательно придет. И мне очень не хочется, чтобы ты пострадала.

– Со мной все будет хорошо. – Она почти верила в то, о чем говорила. – И вы берегите себя.

– Я стара, – Анук улыбнулась, – и не боюсь смерти.

– Даже столь... страшной? Почему он убивает так... – Арина задумалась, подбирая правильное слово.

– Разнообразно? – подсказала Анук. – А ты до сих пор не догадалась?

У призывающей он забрал голос, у видящей – способность видеть, чревовещательнице вспорол чрево.

– Он забирает у своих жертв то, что делает их особенными...

– Я утонула, – прошептала Марго.

– Ты предсказывала с помощью карт, он забрал их.

– Все правильно. – Анук кивнула и добавила с невеселой усмешкой: –

А я, похоже, рискую остаться без своего уникального носа. Не скажу, что такая перспектива меня воодушевляет.

– Вы говорили, что вам нужно кое-что проверить. – Арина не желала больше говорить о смерти.

– Хочу найти подтверждение одной своей догадке.

– Можно мне с вами?

– Нет, дело несложное, я справлюсь сама. Просто пообещай мне, что будешь осторожна.

– Обещаю. – Что еще оставалось делать?

* * *

На сей раз Анук подвезла ее к самому дому и даже не отказалась от приглашения войти. Арина предложила гостье кофе.

– Мне нужна соль. – Анук дернула плечом, отказываясь от угощения. – Прежде всего соль.

– Есть.

– И зола. Та, что в камине, вполне сгодится.

Арина не стала спрашивать зачем, выгребла из камина золы и поставила на стол перед Анук пачку соли.

– У меня есть кое-какое подозрение. – Прямо на кухонном столе Анук нарисовала солью круг, внутри – еще один, из золы. – Врач сказал, что у Бабая раздвоение личности. Знаешь, что может за этим скрываться?

Арина мотнула головой.

– Одержимость. Он одержим, я почти уверена. Я не могу защитить тебя от человека, но сумею остановить духа. Посиди-ка пока тихо, не мешай мне.

Арина не мешала, но сидеть спокойно не могла, с каким-то детским интересом наблюдая за тем, как работает Анук – настоящая, потомственная ведьма.

Она насыпала соль на подоконник и порог, рассыпала золу на дорожке перед дверью, вернулась к кухонному столу, начертила солью и золой два

круга – белый снаружи, черный внутри, зашептала что-то быстрое, гортанное на непонятном языке. Арина затаила дыхание. Черная кровь, текущая в ее жилах, знала: это охранный заговор, древний, как мир, почти забытый.

– Мне нужна полынь. – Анук достала из ножен свой кинжал, пальцем проверила остроту узкого, как жало, лезвия. – Марго, ты можешь найти в саду полынь? – спросила она, глядя в сторону призрака. – Времени у нас мало, солнце садится.

Марго исчезла. Не говоря ни слова, отправилась на поиски полыни. Анук поудобнее перехватила рукоять кинжала и сказала, глядя прямо Арине в глаза:

– Девочка, ты должна знать: все, что я сейчас делаю, поможет тебе пережить эту ночь.

Остальное, всего несколько слов, она произнесла на том самом непонятном языке. Рука, сжимающая рукоять кинжала, взметнулась вверх, стальное жало впилося в центр вычерченного золой круга, завибрировало. Арина кожей почувствовала эту его вибрацию.

– Все! – Анук вытерла вспотевший лоб, выдернула кинжал, сунула в ножны.

– Охранный система включена? – Арина пыталась шутить, хотя, сказать по правде, ей было не до шуток. – И как она работает?

– Сейчас увидишь. – Анук подошла к распахнутой настежь двери.

– Я ее нашла! – Марго выплыла из темноты, попыталась переступить порог и... не смогла. Ее отшвырнула невидимая сила, как тогда, на кладбище.

– Там Марго! – Арина подбежала к Анук. – Она не может войти в дом.

– Я знаю, – Анук кивнула. – Вот так твой охранный система и работает. Мертвые не могут нарушить эту границу, а значит, не сумеют навредить живым.

– Но ведь это Марго! Она не собирается мне вредить. Впустите ее!

– Утром она сможет войти. Не переживай, девочка, твой пес остался в доме. Я чую его запах.

– Что это? – Марго стояла на пороге, но переступить границу из соли больше не пыталась. – Арина, что происходит?

– Анук запечатала вход до утра...

– Пусть откроет!

– Это ведь Марго! – Арина схватила Анук за запястье. – Я не хочу, чтобы она ночевала на улице, как дворовая кошка.

– Нет, – сказала Анук мягко, но таким тоном, что стало совершенно

ясно: свое решение она не изменит. – И ты непустишь ее до рассвета. Марго, ты слышала меня? – Анук подошла к самой границе, вгляделась в сгущающиеся снаружи сумерки. – Ты не сможешь приблизиться к ней до самого утра.

Они стояли друг напротив друга, две ведьмы – живая и мертвая. Их разделяло лишь несколько сантиметров. Знала ли об этом Анук? Чувствовала ли?

– Впусти меня! – Лицо Марго вдруг вытянулось, верхняя губа дернулась вверх, в зверином оскале обнажая десны, взгляд сделался блуждающим, словно она утратила способность видеть. – Впусти меня, старая карга! Немедленно!

Она стояла на пороге с той стороны, и пальцы ее, удлинившиеся, с черными лакированными когтями, царапали дверной косяк. Арину замутило. Блэк оскалился и зарычал, готовый броситься на ее защиту.

– Она уже изменилась? – спросила Анук, по-прежнему всматриваясь в темноту.

– Да. Что с ней происходит?

– Давай отойдем. – Анук увлекла Арину обратно на кухню и почти силой усадила на стул.

Марго тоже переместилась. Теперь ее уже совсем не похожее на человеческое лицо заглядывало в кухонное окно. Рот открывался и закрывался, но слова до Арины не долетали. Слава богу...

– Неупокоенный дух, – сказала Анук. – Вот так она выглядит на самом деле. Зола проявляет их суть лучше всего.

– Почему? – В сторону окна Арина боялась даже смотреть. В памяти тут же всплывали воспоминания, от которых не избавиться до конца дней.

...Избушка в самом центре торфяного болота. Белая шаль на окне вместо занавески, а там, за окном, страх, первобытный, дикий. Царапает острыми когтями стекло, хочет, но не может войти...

– Она питается тобой. Твоей энергией, твоей силой. Особенно ночью, когда ты спишь и не можешь защититься. Помнишь, Марго сказала, что не почувствовала присутствия Бабая в саду? Она почувствовала, но не стала тебя будить, потому что теперь такова ее природа. Все эти дни Марго себя контролировала, по крайней мере старалась контролировать. Пыталась не делать тебе зла, срывалась на голубях и кошках, но с каждым днем будет только хуже. Она мертва девять дней, и сегодняшняя ночь самая страшная. Если не разорвать вашу связь, Марго тебя обессилит, выпьет до доньшка.

– А днем? Днем она может себя контролировать?

– Днем *ты* можешь ее контролировать. Чувствуешь разницу?

Арина кивнула.

– Утром Марго станет прежней, почти прежней. Ей будет стыдно за вот это! – Своим кинжалом Анук ткнула в сторону окна, и Арина обернулась.

Марго стояла, прижавшись ладонями к стеклу, и языком, длинным, нечеловечьим, слизывала росу. За происходящим внутри дома она следила со звериным вниманием – сторожила. Блэк растянулся под окном, тоже сторожил.

– Видишь? – спросила Анук.

– Это ужасно! – Она отвернулась.

– Такова жизнь. Ее изнанка.

– И что теперь делать? Как нам с ней быть?

– Днем она безобидна. Кошки и птички – это мелочи. Но по ночам ты должна ее изолировать. Ради вас обеих. Я научу тебя как. Ты способная девочка, все поймешь.

Арина действительно поняла. Чужие незнакомые слова запоминались, выжигались в мозгу каленым железом, не больно, но как-то щекотно. И теперь уже навсегда, до самой смерти.

– ...А потом своим веретеном запечатываешь. Вот так. – Анук показала как. – Понятно?

Арина, кивнув, спросила:

– А утром?

– Утром все пройдет, с первыми лучами солнца.

– Она будет помнить? – Арина нехотя обернулась к окну, которое сторожила Марго.

– Смутно, как дурной сон. – Анук встала. – Я пойду.

– Но как же?..

– Мне она ничего не сделает, не бойся. – Лезвием кинжала Анук рассекла воздух перед собой, прошептала что-то неразборчивое и осторожно, стараясь не повредить, переступила границу из соли. Марго дернулась было в ее сторону, но остановилась, зашипела совершенно по-змеиному.

Теперь, когда Анук ее научила, Арина могла видеть суть вещей. Заговоренная зола показывала эту суть в самом неприглядном, самом страшном виде, делала тайное явным, срывала покровы.

Она подошла к окну, уперлась руками в подоконник, посмотрела в глаза Марго и своему страху.

– Я что-нибудь придумаю. Ты потерпи.

Марго слушала ее, склонив голову набок, черные когти царапали

расписную черепушку. Всего на мгновение ее лицо стало прежним, в глазах мелькнула искра понимания, а потом она со всех сил врезалась лбом в стекло. Арина отшатнулась, Блэк вскочил на лапы, зарычал.

– Прости, – сказала она Марго и задернула шторы. Во всем доме.

Захрипели, закуковали настенные часы, отмечая десять вечера. Целый день на ногах, почти без еды. Живот подводило от голода. Война войной, а обед по расписанию. В ее случае ужин, но сути это не меняло.

В холодильнике нашлись сыр и ветчина. Батон подсох, однако был вполне пригоден для горячих бутербродов. На приготовление чего-то более масштабного не осталось никаких сил, но завтра нужно обязательно сделать хоть минимальные продовольственные запасы. Война войной...

Арина доедала второй бутерброд и уже собиралась варить кофе, когда ожил мобильный.

Звонил Волков. Андрюша, ну сколько можно?.. Все ведь уже говорено-переговорено, акценты расставлены, приоритеты определены.

– Алло! – рыкнула она в трубку. Наверное, не слишком ласково, потому что трубка спросила голливудским голосом Волкова:

– С тобой все в порядке?

– Конечно!

С ней все в порядке. К маньяку с раздвоением личности добавилась мертвая ведьма, которая, оказывается, неупокоенный дух, жаждущий высосать из нее силы. Все отлично!

– Не ври.

– Я не вру. – Да, она просто не посвящает его в детали.

– Нашли тела, – сказал Волков. – Одно у пруда, того, где утонула эта твоя... знакомая, а второе поблизости от дома в лесу, про который ты говорила.

– Какое поразительное совпадение! Особенно принимая во внимание тот факт, что смерть Марго в полиции признали несчастным случаем, а Флору и вовсе не нашли. Ее вообще не пытались искать. Ни живую, ни мертвую! Так, говоришь, обнаружили еще два тела? Тоже, наверно, несчастный случай? Два несчастных случая.

– Нет, – сказал Волков мрачно. – Два самоубийства.

– Самоубийства?! – Арина аккуратно опустила на стул и недоуменно посмотрела на мобильный в своей руке. – Волков, я их видела. У одной было вспоротое горло, у второй – живот.

– Ты их видела? Ты же говорила...

– Я и сейчас говорю, это не самоубийства! Просто твоим друзьям в полиции так хочется закрыть дела, что они готовы пойти на подобное...

скотство?

– Помолчи, – сказал Волков очень тихо, но как-то так, что Арина послушалась. – Помолчи и дай мне договорить.

– Говори.

– Висяки не нужны никому, но никто не станет замалчивать и покрывать такое. Пойми ты это!

– Я была там, я видела их своими глазами!

– Я тоже.

– Как?..

– Я видел фото. Так вот, эксперт категоричен: обе женщины сделали это сами. Есть признаки, неопровержимые доказательства того, что имели место самоубийства.

– Чушь! Чем они могли сделать такое? Там не было никакого оружия, убийца унес его с собой.

– Было. Ты просто не знала, что искать.

– А твой эксперт знал?

– Да. Альбина Изотова сделала это бутылочным осколком. Там, в беседке, было много битого стекла. Ведь так?

...Редкие солнечные лучи на зеленых стекляшках, хруст под ногами...

– Так, но это ничего не значит.

– Для специалиста значит очень многое. Поверь.

Он призывал Арину поверить, но у нее никак не получалось, все это просто не укладывалось в голове.

– А Софья? В лесу точно не было битых бутылок.

– Она воспользовалась веером. У него очень необычная конструкция, с чем-то вроде стилета, спрятанного в рукояти, как в ножнах.

– Софья не собиралась кончать жизнь самоубийством.

– Откуда ты знаешь?

– Мы были вместе, пытались найти тело Флоры. – Она не стала рассказывать о могиле в лесу и об Анук тоже. Однажды Волков ей не поверил. Где гарантия, что поверит сейчас? – Она была очень грузная, Софья. Мы торопились, и она отстала, остановилась отдышаться.

– Я знаю.

– Ничего ты не знаешь! И Альбина не собиралась кончать жизнь самоубийством. Там, у пруда, они с Софьей собирались вызвать дух Марго. Они могут... могли. Понимаешь? Софья опоздала, а когда добралась до места, Альбина была уже мертва. Их убили, Волков! Он убил их и обставил все, как самоубийства.

– Кто – он?

– А у Флоры не было глаз! – Арина уже не могла остановиться. – Кто может выколоть себе глаза? Как такое вообще возможно? Это же боль адская, смертельная...

– Кто – он? – повторил Волков с нажимом, и в голосе его Арине почудилось не беспокойство даже, а паника.

– Никто... Тот, кто их убил. Ведь кто-то же это сделал. И не говори мне про самоубийства! Я была там! И все видела!

– Подожди. Успокойся. – Голос Волкова преодолевал разделяющее их расстояние с трудом, словно пробивался с другой планеты или с обратной стороны земли. Но откуда ей знать, что он на самом деле так далеко? Может, Волков сейчас в Москве. Где-то совсем близко. Может, соврал. Зачем Волкову обманывать ее, Арина не знала. Теперь, когда жизнь ее в который уже раз стала с ног на голову, наверняка она знала только одно: верить нельзя никому. Даже Волкову. Рысь волку не подружка. И ведьма тоже...

– Я приеду, – сказал Волков чужим, совершенно незнакомым голосом. – Мне понадобится время, но я попрошу своего знакомого присмотреть за тобой. Он хороший парень, очень толковый.

– Нет! – Ей не нужны хорошие парни. В том, что происходит, не разберется никто, кроме нее и, может быть, Анук. Никто не поверит. Проще списать все на самоубийства.

– Мне понадобятся сутки. Слышишь ты меня? Чтобы вернуться, мне понадобятся день и ночь. Я не хочу, чтобы ты оставалась одна.

– Я давно одна. Не переживай, со мной все будет хорошо.

Арина оборвала связь, для надежности выключила телефон и с отвращением посмотрела на недоеденный бутерброд. Есть расхотелось. Анук сказала – попробуй не спать этой ночью. И Арина не будет. Она сварит кофе и постарается все обдумать, проанализировать, как сказал бы настоящий профессионал Волков.

Самоубийства... Возможно ли, чтобы криминалисты ошиблись? Или, что гораздо важнее, возможно ли покончить с жизнью таким жутким, варварским, совсем не женским способом? Женщины выбирают яд. Или высоту, чтобы лететь, как птица. Она где-то читала... Арина не знала Альбину, но с Софьей общалась достаточно долго, чтобы понять: ничего такого... фатального та не планировала. Софья, так же как и она сама, хотела разобраться в происходящем, найти убийцу. И нашла его. Или, скорее, он нашел ее. Нашел и заставил покончить с собой? Как? Что может быть ужаснее такой смерти? Какая альтернатива? Почему никто из них не сопротивлялся? Почему подпустили его так близко?..

Сколько бы Арина ни думала, сколько бы ни ломала голову, ничего не выходило. Криминалисты ошиблись. Только так и никак иначе.

Часы прокуковали полночь, час ночи, потом два. Кофе не помогал, все четыре выпитые чашки. Усталость брала свое. В гостиной на тахте было бы удобнее, чем на жестком стуле, но Арина оставалась на кухне, глушила бесполезный кофе, разглядывала черное и белое кольца, даже не пытаясь понять, какая сила в них заключена.

Рисунок менялся. Кольца из золы и соли то расплывались, то делались четкими, как нарисованные фломастером. Черное кольцо то выходило за пределы белого, то возвращалось на прежнее место. И тогда Арине казалось, что перед нею мишень. И в центре ее – что-то фиолетовое, хрупкое. Из другого мира. Безвременник, давно сорванный, поникший, каким-то нездешним ветром занесенный на ее кухню, в самый центр черно-белого колдовского круга...

* * *

...Грозный рык раздражал, мешал любоваться фиолетовым чудом, тянул за собой, прочь, прочь из сна...

Рык...

Арина проснулась в одно мгновение, словно вынырнула из воды на поверхность, жадно глотнула прохладный, пахнущий дождем воздух, открыла глаза.

Черно-белый круг из соли и золы больше не выглядел идеальным. Обе линии, и белая, и черная, были прерваны, а в центре лежал безвременник – чахлый стебелек, поникшая головка...

– Красивые цветы, – тихий, вкрадчивый голос отодвинул на задний план рык Блэка, сдернув Арину со стула. – Я всегда любил такую вот обнаженную красоту, это трагическое увядание.

Он стоял в нескольких метрах от Арины. Из открытой двери тянуло холодом и ночной сыростью, а белой солевой границы больше не было. Арина отчетливо это видела со своего места. Не сработала защита. Ошиблась Анук...

– Ты не бойся. Не надо меня бояться. Пока... – Одежда с чужого плеча, кожаная куртка, мешковатые джинсы, растоптанные кроссовки, те самые, уже виденные. Короткий ежик белых волос, сизая щетина на впалых щеках и глаза – полупрозрачные, светлые, почти белые, безумные.

– Убери это! – В хриплом голосе – недоумение пополам с

раздражением, и ищущий взгляд, направленный на готового напасть Блэка. – Я не знаю, что это, но чувствую его ярость. Ярость ведь самое яркое, самое живительное чувство. Я знаю. Мне ли не знать! Но ты не бойся. Я пришел поговорить.

– О чем? – В поясницу уперся край стола, рука потянулась за веретеном. Ему Арину так просто не взять. Не на ту напал.

Веретено удобно легло в ладонь, нагрелось, почуяв черную кровь, ту самую, которая не даст ее в обиду. Не должна дать.

– Я пришел, чтобы предупредить. – Только сейчас Арина поняла, что не видит его рук, которые он прячет в карманах куртки. – Не вмешивайся. Не лезь в это дело, если не хочешь стать одной из них. Кровь, девочка. Очень много крови... Кап-кап... Цвет крови успокаивает. Странно, правда? Быки не различают цвета, а им суют под нос красные тряпки. Какая глупость! А я люблю, когда кровь... Это музыка, только музыка цвета... Я начал понимать... давно, в прошлой жизни. Она бывает разная... Бывает море, бездонное море черной, застоявшейся крови. Вязкое, засасывающее, заворачивающее. А бывает кровавый дождь над морем. Как-кап... Это тоже красиво, но другой, более светлой красотой. Ты понимаешь?

Арина не понимала, но кивнула, покрепче сжала веретено, скосила взгляд на верного Блэка – жди команды!

– А они отняли это у меня. Все, до последней капельки. Какая насмешка!

Он был одержим, этот стоящий напротив мужчина, но одержим не бесами, не злыми духами, а болезнью. Обычное сумасшествие...

– Что вам от меня нужно?

– А фиолетовый – это тоже кровь, только другая, венозная. – Бабай ее не слушал, рассуждая о прекрасном. Или ужасном. Это как посмотреть.

– Вы хотели меня предупредить...

– Да... Я затем и пришел. Ты мне нравишься. Понравилась еще тогда.

Арина не стала спрашивать когда.

– Но мир устроен очень жестоко. Самую сильную боль мы причиняем тем, кого любим. Вот этими самыми руками.

Узкие плечи поползли вверх, и руки выскользнули из карманов куртки. Изящные руки музыканта с обгрызенными ногтями и пятнами чего-то красно-бурого. Нет, нельзя себя обманывать! Руки Бабая были в крови. И ее собственная черная кровь всколыхнулась, с силой ударила в стенки сосудов, почти оглушила.

– Блэк, взять!

Призрачный пес, единственный верный друг, сорвался с места,

врезался в грудь Бабая, и тот покачнулся. Арина видела это собственными глазами. Бабай чувствовал потустороннее, реагировал на него. Он отшвырнул Блэка с утробным, не отличимым от звериного рыком, в его правой руке оказался нож с тусклым, нечистым лезвием, с окровавленной рукоятью. И лицо, до этого спокойное, даже отрешенное, вмиг изменилось. Словно кто-то невидимый сорвал с него человеческую личину, обнажая самую суть, превращая в чудовище без лица.

Все, теперь уже точно все...

Арина выставила перед собой веретено, приготовившись защищаться и, если придется, убить. Анук ошиблась: легко решиться на что угодно, когда видишь близко такое лицо. Одержимый... Все-таки одержимый...

Черная тень, стремительная, как летучая мышь, соткалась из предрассветных сумерек, встав между Ариной и Бабаем. Марго пересекла разрушенную границу, ворвалась в дом изголодавшимся ураганом. Мгновение – Арине показалось, что целую вечность. Она всматривалась в ее лицо, выискивая слабые места, готовая напасть, вонзить черные когти в беззащитную плоть, и потом напала. Но не на Арину, а на Бабая. Грудью насадилась на нож, впились когтями в лицо, прямо в бесцветные глаза. Бабай закричал, замахал руками, словно выпутываясь из невидимой паутины. Марго соскользнула с ножа, с шипением отпрянула к двери, к готовому снова ринуться в бой Блэку.

Они ее защищали! Мертвый пес и мертвая ведьма, которая, даже будучи неупокоенным духом, умудрилась остаться человеком. Им было тяжело, контакт с миром живых причинял боль. Арина не знала почему, но точно знала, что так и есть. Им было тяжело, они рисковали, но не собирались отступать. И тогда Арина сделала шаг навстречу Бабаю. Друзей надо защищать...

Острые грязного ножа уперлось ей в грудь. Острые веретена уперлось в грудь Бабаю. Вот так... Кто кого? И чем это закончится?

Лезвие пропоролось ткань, царапнуло кожу. Острые веретена тоже пропоролось, тоже царапнуло. Дуэль между безумцем и ведьмой, заведомо проигрышная для обоих...

Лицо без личины, лишенное признаков пола и возраста, дрогнуло, пошло рябью, как вода старого пруда. И белесые ресницы тоже дрогнули, чуть недоуменно. В бесцветных глазах сначала родилась боль, потом недоумение, и Бабай сказал сиплым, едва слышным голосом:

– Если ты станешь мне мешать, придется тебя убить.

– Я убью тебя раньше.

Острые веретена проткнуло кожу, ввинтилось в мышцы. Острые ножа

дрогнуло, но осталось неподвижно.

– Ведьма... – Тонкие губы растянулись в улыбке, больше похожей на оскал. – Все вы ведьмы. И она была такой. Нет, не такой. И ты другая, ты отличаешься от них всех. Безвременник на стылой осенней земле. Такой красивый и хрупкий...

Острые ножа шевельнулось, оставляя на Арином теле еще одну метку.

– Знаешь, как мне хочется убить тебя, надавить чуть сильнее, повернуть лезвие? Но мертвый безвременник – это уже не так красиво. Мертвый безвременник – вестник смерти. У нее много вестников, я научился видеть каждого. Каждую! Ты не должна мешать, маленькая, глупая ведьма. Не должна останавливать меня, менять мою суть. Она попробовала и поплатилась... Она тоже была безвременником, хрупким цветочком, вестницей смерти.

Бабай заскрежетал зубами так громко, так отчетливо, словно перемалывал камни, и Арина поняла: наступил его предел, сейчас он вонзит в нее нож. По самую рукоять...

– Не смей мне мешать! – Из-за скрежета она едва слышала слова. А потом боль и давление в груди вдруг исчезли. Бабай отшатнулся, соскальзывая с острия веретена, шагнул к столу, всадил нож в деревянную столешницу чуть ли не по рукоять. Выдернул, снова всадил. Он кромсал дерево, засыпая все вокруг щепой, солью и золой. А Арина с пугающей ясностью понимала, что всего мгновение назад этот страшный человек точно так же был готов кромсать ее тело. Не понимала она лишь одного: чего Бабаю стоило переключиться, перенести свою ярость с живого на мертвое. Колени подогнулись, будто ей перерезали сухожилия, и Арина сползла по стенке на пол, зажала уши руками, чтобы не слышать, зажмурилась, чтобы не видеть.

Тишина наступила внезапно. Ярость иссякла, ушла в изрубленный в щепу стол. На колени Арине упал цветок безвременника, а голос Бабая сказал:

– Я все равно ее убью. Я не могу не убивать.

– Кого? – Она так и не решилась поднять взгляд выше испачканных солью и золой брючин. У нее просто не хватило сил.

– Убивать тебя я не хочу. Но если ты еще раз станешь у меня на пути, сделаю это.

Арина не видела, как он наклонился над ней, просто почувствовала каждой клеточкой своего напуганного, измученного тела. И когда его губы коснулись ее макушки, не оттолкнула, а лишь еще крепче закрыла глаза.

– Ты вкусно пахнешь. Почти так же вкусно, как кровь.
Шаркающие, стариковские шаги, скрип половиц. Все, он ушел. Теперь уже точно.

* * *

– У-ш-ш-ел... – Голос-шипение доносился словно из другой Вселенной. Станный, незнакомый голос. – Мне плох-х-хо...

Арина открыла глаза, чтобы не только слышать, но и видеть, кому там плохо. Разве кому-то может быть хуже, чем ей, которая едва не убила и едва не умерла?

Марго жалась в угол. Беспомощная и яростная, готовая нападать и защищаться, не знающая, как поступить. Она не была похожа на себя прежнюю, но и от давешнего монстра осталось не много. Разве что черные когти и, наверное, язык. Если она так странно говорит...

Блэк стоял между Ариной и Марго. Шерсть на его загривке вздыбилась, горло вибрировало от сдавленного рычания. Он тоже не знал, как поступить, не понимал, враг Марго или друг.

– Как тебе плохо? – спросила Арина, вставая. – Тебе больно, Марго?

– Оч-ч-чень больно. Вот тут. – Черный ноготь чиркнул по обтянутой балахоном груди. – З-злая и голодная. – Язык и в самом деле оказался длинным, вывалился на мгновение, проскользнув между зубами, и тут же исчез. Арину замутило. Но ведь это Марго, в каком бы обличье она сейчас ни была. И Арине хватило и сил, и человечности броситься на ее защиту, даже в таком состоянии.

Часы с кукушкой показывали без четверти четыре. До рассвета еще несколько часов, а помощь Марго нужна уже сейчас.

– Что я могу для тебя сделать? – Арина шагнула вперед. Блэк зарычал, Марго вжалась в угол. – Как мне помочь?

– Ч-черная кровь... – Язык высунулся и снова исчез.

– Тебе нужна моя кровь? Ты будешь ее... пить?

Арина сделала еще один шаг. Хотя, видит бог, ей хотелось бежать без оглядки.

– Ты ш-што?.. – Лицо Марго изменилось, от безмерного удивления и, кажется, отвращения, сделалось почти нормальным.

– А как тогда?

Блэк рычал, больше не подпуская ее к Марго ни на сантиметр.

– Все будет хорошо, – сказала она сразу им обоим и погладила пса по

холке. Кончики пальцев привычно закололо.

– В крови сила. В твоей крови. А у меня почти нет. Да-ш-шь? – Марго смотрела на нее одновременно с надеждой и недоверием.

– Да. – Она уже не колебалась. – Только я не знаю как.

– Я ш-шама. Я осторож-ж-жно. Тебе не будет больно. Обещ-шаю!

– Наверное, мне лучше сесть?

– Лучш-ше лечь. Будет слабость... – Марго, всегда болтливой и неугомонной, сейчас каждое слово давалось с трудом.

– Хорошо, я только прикрою дверь.

Запирать ее не было смысла. Для Бабая запоры оказались смешной преградой. Но холод... холод делался все невыносимее, а камин не горел.

Арина захлопнула дверь, прошла в гостиную, прилегла на тахту. Марго настороженно следила за каждым ее движением. Блэк следил за Марго.

– Что дальше? Ты знаешь?

– Руку! – В голосе Марго клокотало нетерпение. Глаза горели, что угли.

– Блэк, не смей ее трогать, – велела Арина и протянула руку.

Бледная кожа, синие дорожки вен. Попасть в ее вены всегда было сложно. Так говорила любимая подружка Ирка, врач-анестезиолог.

Марго попала с первого раза... Черный коготь впился в кожу на запястье, следом второй и третий. Больно не было, Марго не соврала. Было холодно. Смертельно холодно. Словно вся жизненная сила трансформировалась в тепло, которое уходило от нее к Марго. К повеселевшей, прибодрившейся, на глазах оживающей. Перемены эти оказались такими разительными, такими стремительными, что Арина почти забыла про холод. Там, где раньше струилось тепло, сейчас плескалась слабость, наполняя ее до самых краев, утаскивая в темноту, в сон без сновидений. Или в смерть...

Зарычал Блэк, зарычал так, что, поборов слабость, Арина открыла глаза. Комната плыла, и лицо Марго тоже плыло. Наверное, это плохо, что все плывет и сил почти не осталось.

– Хватит! – сказала не она, а черная кровь внутри нее. – Прекрати!

Все-таки еще какие-то силы в ней остались, их хватило на то, чтобы сжать запястья Марго и почувствовать...

Биение силы под мертвой кожей, почти как пульс, но все же по-другому. Тепло, почти человеческое, но другое. Почти плоть, почти жизнь. Нечто физически ощутимое, воспринимаемое нервными окончаниями как живое. Почти...

– Что это? – Ей нужно знать. Необходимо понять природу этого

феномена, когда два мира вдруг слились в один, и кажется, что нет ничего неосуществимого, что можно перевернуть землю и для этого даже не потребуется точка опоры.

– Что это, Марго?

– Круг... Мы замкнули его. Вдвоем... – По щекам Марго текли слезы. Почти настоящие. – А теперь отпусти меня. Это опасно. Очень опасно для тебя!

И она дернулась, высвобождаясь. Отпрянула от Арины с выражением безмерного сожаления и облегчения. Как только эта хрупкая связь, соприкосновение двух миров, оборвалась, Арине показалось, что она умирает. Теперь уже по-настоящему, навсегда. Силы иссякли, словно кто-то перекрыл кран. Раз – и бурный поток оборвался, не осталось ни капли. Ну и пусть... Зато теперь она знает, что такое Круг...

* * *

– ...Что же это делается? Ни на минуту, ни на секунду вас не оставить. Неразумные! – дребезжащий от злости голос Анук настиг ее даже после смерти. – Марго, не дави на меня! Не напирай! Я все равно не понимаю, что ты хочешь сказать. И пса придержи. Вы мешаете мне оба! Я не могу сосредоточиться. Он приходил этой ночью? Можешь не отвечать, я и так вижу. И защита не помогла, ни от него, ни от тебя. Это ты с ней сделала, мертвая идиотка? Если да, то готовься, тебе не поздоровится. Не суйся ко мне так близко! Я тебя чую! И пса наконец убери! Где в этом доме спички? Кто-нибудь мне объяснит, что тут произошло?..

Арина слышала сварливый голос, понимала, что случилось что-то невероятное, но очнуться, вернуться в собственное тело никак не могла. Или вырваться из него? Она совсем запуталась.

– А я, старая дура, оставила вас одних. Двух идиотов, от которых так и жди неприятностей. Что же случилось-то, а? – Голос Анук затих, и возникшее молчание было наполнено безмерным удивлением, даже отрицанием. Что она отрицала? Во что не хотела верить?

– Это ты сейчас сделала? Марго, я кого спрашиваю? Теперь еще раз, только медленно... Нет, так не годится, соли слишком мало. Давай-ка по-другому. – Шаркающие шаги, сначала удаляющиеся, потом приближающиеся, тяжкий вздох, шуршание. Что у них там происходит?

– Сейчас насыплю. Вот сюда, на журнальный столик. Да не спеши, не напирай. И пса убери, не до него сейчас. Все, теперь пиши!

И снова молчание, долгое, бесконечное. И в этом молчании тяжелое, с присвистом дыхание, оборвавшееся, затаившееся.

– Вы замкнули Круг?! Нет, еще раз. Я, наверное, не так поняла... Подожди, разровняю соль. Пиши!

И опять молчание, а потом не то вздох, не то всхлип:

– Этого не может быть... И она стала такой уже после?

Какой она стала? Ни живой ни мертвой? Так ей не впервой. Пора уже привыкнуть.

– Где моя сумка? Там зажигалка. – Теперь голос Анук стал деловым, решительным. Только говорила она сейчас большей частью не по-русски. Незнакомый гортанный язык был похож на песню, ласкал слух. Странное дело, тела нет, а слух есть.

И запахло вкусно – дымом, сладко-горьким, царапающим горло, но все равно очень... нужным. Дышать им – не надышаться.

– Дыши! – велела Анук, и лицу – значит, оно все-таки есть – стало горячо, а запах усилился. – Дыши, может, еще не поздно. Слушай мой голос, иди за ним. Дыши и слушай.

На лицо легло что-то тонкое, невесомое, жар уменьшился.

Нельзя одновременно дышать, слушать и искать выход. Или можно? Она ведь даже не пробовала.

– Доверься голосу рода.

У нее не было рода. Перекати-поле.

– Услышь зов крови.

Кровь у нее какая-то особенная. Сколько она уже слышала про свою уникальную кровь. Белая кость – голубая кровь. Нет, не голубая – черная!

Теперь жарко было везде: и снаружи, и изнутри. А дымом больше дышать никак не получалось. Она задыхалась...

Арина закашлялась, слепо зашарила по лицу, сдергивая что-то невесомое, тонкое, мешающее открыть глаза. И сразу стало очень много света. Так много, что ничего не разглядеть.

– погоди, не спеши открывать глаза, – инструктировала Анук. – Ты так долго была в темноте, дай себе время привыкнуть.

– Чем пахнет? – Она послушалась, даже зажмурилась, чтобы наверняка.

– Это травы. Тебе незачем знать. Просто степные травы. Вкусно, правда?

– Да.

– И полезно. Вот для таких самонадеянных дур. Я уже думала, что не подействует.

– Подействовало?

– Сейчас проверим. Я задерну шторы, и можешь открыть глаза. Все, открывай!

Арина открыла. Даже царящий в комнате полумрак показался ей слишком ярким. Пришлось привыкать.

– С возвращением.

Размытое белое пятно превратилось в лицо Анук – мрачное, сосредоточенное, напуганное. Старая ведьма была простоволосой, это ее шелковый платок Арина комкала в руках. Его она сдернула со своего лица – тонкий и невесомый.

В серебряной пепельнице на придвинутой к тахте табуретке превращались в пепел волшебные степные травы. Дымом еще пахло, но не так сильно. Арина попробовала сесть.

– Лежи. – Анук нажала ладонями ей на плечи. – Видишь, какая ты сейчас? Хворостиной перешибешь. Лежи, я тебе приготовлю отвар.

– Может, лучше кофе?

– Не умничай. Ты уже... доумничалась, – сказала Анук и вышла.

Ее место тут же заняли Марго и Блэк. Пес ткнулся носом Арине в ладонь, и она на долю секунды почувствовала прохладу собачьего носа.

– Это все из-за меня. – Марго уселась прямо на пол, по-турецки скрестив ноги, Марусину черепушку положила себе на колени. Сейчас она выглядела нормальной, настолько, насколько вообще возможно призраку казаться нормальным. Никакого змеиного языка и проблем с артикуляцией, никаких когтей – обычные ногти с облезшим черным лаком. – Я не смогла вовремя остановиться. Прости.

– Ты защищала меня от Бабая. Какой неуспокоенный дух способен на такой подвиг? – Арина попыталась улыбнуться, но у нее не получилось.

– Я планировала им закусить. – А вот Марго улыбнулась, да только совсем не весело.

– Оказался невкусным?

– Отбивался, зараза.

Они посмотрели друг на друга, как заговорщицы, разом вздохнули.

– Хорошо выглядишь, Марго.

– Твоими стараниями. Только не представляешь, что я едва не сотворила.

– Я могла себя защитить. – Арина врала, но иногда ложь нужнее правды.

– ...И, защищаясь, ты каким-то образом замкнула Круг. – Анук вернулась в комнату с дымящейся чашкой в руках, поставила ее на табурет

перед Ариной.

– Ведьмовской круг?

– А какой еще?

– Но вы же сами говорили, что нужно не меньше шести ведьм, чтобы замкнуть Круг.

– Шесть не слишком сильных ведьм. Если ведьмы выдающиеся, достаточно двух.

– Не сказала бы, что я выдающаяся. – Марго покачала головой. – Возможно, достаточно сильная, но уж точно не уникальная.

– Ты вдобавок еще и мертвая ведьма, – сказала Анук, глядя прямо на Марго. Наверное, почуяла. – Вы не просто замкнули Круг. Вы замкнули теневой Круг. Не слышала, чтобы последние лет двести кому-то это удавалось.

– Что такое теневой Круг? – спросила Арина, прислушиваясь к тому, как из тела очень медленно, капля за каплей, уходит холод. Если бы у нее были силы, она бы разожгла камин.

– Теневой Круг объединяет мир мертвых с миром живых. Мало того, он их на время перемешивает. Живое делает чуть менее живым, а мертвое чуть менее мертвым.

– У меня было ощущение, что я умираю, – сказала Арина.

– Ты на самом деле умирала. Я нашла тебя уже почти мертвой. Зато она, – Анук, не глядя, ткнула в Марго, – от вашей идиотской затеи только выиграла. Теперь она больше не неупокоенный дух. С ней полный порядок. Черная кровь – великая сила, и ее она попила этой ночью предостаточно.

– Я не хотела. – Марго защищалась, но как-то вяло.

– Это не она, я так решила. Вы не понимаете...

– Да куда уж мне! – Анук протянула ей чашку. – Пей!

Арина сделала осторожный глоток.

– Вкусно. Еще одни травки?

– Те же самые. Так чего я не понимаю?

– Когда ночью появился Бабай...

– Как он вошел? Ты нарушила границу?

– Нет, он сам. Бабай не одержимый, просто сумасшедший. Он пришел с ножом и цветком безвременника, когда я спала. Я даже не услышала... очнулась от воя Блэка.

– Он напал на тебя? Я видела стол...

– Он попытался, но Марго и Блэк его остановили.

– Мертвый пес и неупокоенный дух? – Во взгляде Анук читалось неверие.

– Он их как-то чувствовал. Примерно как вы. Они ему мешали, не давали сосредоточиться и напасть.

– У душевнобольных высокий порог восприятия. Они, как младенцы и животные, способны видеть иных сущностей. Но неупокоенный дух, который бросается на защиту своего донора... – Анук помолчала. – Я об этом слышу впервые.

– Так все и было. Я не вру.

– Понимаю, но поверить в такое очень тяжело. Даже мне. А я многое повидала на своем веку, – сказала Анук и тут же спросила: – Он приходил, чтобы убить тебя?

– Да, то есть нет. Не уверена. Он сказал, что не хочет причинять мне боль, требовал, чтобы я не вмешивалась.

– Во что?

– Во все. Чтобы позволила ему убивать и дальше.

– Он так сказал? – Анук ловко повязала на голову платок.

– Бабай говорил, что не может иначе, что все равно убьет. Кажется, так. Все произошло слишком быстро.

– Что еще?

– Ничего. Он принес мне безвременник. Это такой цветок, их было много в саду у Флоры.

– Я знаю. – Анук кивнула.

– Он разговаривал со мной так ласково. У него в самом деле раздвоение, два существа в одном теле: Альберт и Бабай. Альберт – сама вежливость. Я думаю, цветок – это его идея.

– А Бабай?

– Он пришел с ножом. – Арина задрала свитер, рана уже не кровоточила.

– Это его рук дело? – Анук снова протянула ей чашку с отваром.

– Да. Мы держали друг друга на мушке. – Арина сделала большой глоток. – Если, конечно, можно так сказать.

– У него был нож, а у тебя?

– Веретено.

– И что случилось?

– Бабай хотел меня убить, а Альберт ему не позволил. Или он сам так решил, я не поняла. Точно знаю лишь одно: вместо меня он принялся кромсать ножом стол. Переключился...

– Как в лечебнице, – Анук понимающе кивнула. – С порванной бумагой и сломанными ветками.

– Да, зуд Бабая – это ярость, которая требует выхода. Так он пытается

ее контролировать.

– С этим понятно. – Анук надолго задумалась.

Только сейчас Арина заметила, какой усталый у нее вид. Что она делала прошлой ночью? Ночевала ли дома? Вот на ней вчерашнее платье и вчерашняя кофта, туфли заляпаны глиной. А на подоле кое-где видны следы засохшей грязи. словно ночью, вместо того чтобы отдыхать, она копала огород. Или могилу...

От последней мысли сделалось нехорошо. Хотя до этого казалось, что хуже уже быть не может. И что-то такое вертелось в голове, еще не сформулировавшееся в связную мысль, но очень важное. Арина снова отпила из чашки. Теплая волна растеклась по телу, как от рюмки хорошего коньяка.

– Во сколько он к тебе приходил?

– Где-то в половине четвертого ночи.

– И как думаешь, этот свой... зуд он удовлетворил?

– До меня? – Арина вспомнила его окровавленные руки, бурое на рукояти ножа. – Да. Я почти уверена. Что-то случилось этой ночью? Кто-то еще... погиб?

– Нет. – Анук мотнула головой и почти тут же сказала: – А теперь к главному. Как так случилось, что вы замкнули Круг? Как вы это сделали?

– Я не знаю.

– Рассказывай!

– Марго было плохо...

– Ну еще бы, неупокоенный дух на голодной диете. Ей было не просто плохо, а смертельно плохо.

– И я решила, что могу попробовать ей помочь.

Анук выругалась на непонятном языке, отчего-то Арина сразу поняла, что она ругается.

– Скажи, что это моя вина, – произнесла Марго. – Я не хотела останавливаться. Не могла.

– Она не смогла остановиться. – Анук все поняла сама. – И тебе пришлось...

– Я схватила ее за руки. Понимаете? Она призрак, а я схватила ее за руки и даже почувствовала прикосновение к ним. словно она...

– Была живой, – закончила за нее Анук. – Два мира перемешались. Ты замкнула теневой Круг. Ты хоть понимаешь, что сотворила, глупая девчонка?! Ты едва не нарушила ход вещей. Что еще ты почувствовала? – Анук впиалась в нее требовательным взглядом.

– Я почувствовала, что могу свернуть горы.

– И я, – поддакнула Марго.

– Еще что-то. Должно быть что-то еще. Зерно, самая суть.

– Я не понимаю.

– Когда замыкается Круг, мир видится в ином свете, неясное становится ясным, случаются озарения. У тебя, у кого-то из вас были озарения?

Они с Марго переглянулись. На секунду в глазах гадалки промелькнуло что-то... неуловимое.

– Не было никаких озарений! – Она мотнула головой. – Скажи ей.

– Ничего не было. – Арина посмотрела на Анук. – Мне просто показалось, что я умерла.

– А я, наоборот, ожила. – Марго мечтательно улыбнулась. Живое стало чуть менее живым, а мертвое чуть менее мертвым. Жизнь и смерть перемешались, когда они замкнули Круг. – Видишь? – Она указала черепушкой на журнальный столик. – Это моих рук дело.

Арина посмотрела. На столике, на ровном слое рассыпанной соли, неловко, но все равно читаемо было выведено: *«Кажется, мы замкнули Круг»*.

– Это ты написала?

– Я! – Марго радостно улыбнулась.

– Но как?!

– Это все Круг, – ответила ей Анук. – Теперь она может взаимодействовать с материальным миром.

– Как полтергейст?

– Полтергейст – это самый примитивный уровень, неосознанное взаимодействие. В случае с Марго все серьезнее. Я же говорила, мертвые только выигрывают.

– А живые? Что получают от Круга они?

– Исполнение желания. Круг может исполнить желание. Ты что-то просила? Загадывала?

– Нет.

– Круг исполняет желание, но... – Анук замолчала, а когда заговорила, голос ее изменился, стал едва слышен: – Я не знаю ни одного случая, чтобы ведьма, замкнувшая теневой Круг, осталась жива. Именно поэтому его почти никогда не практикуют. Только в самых критических ситуациях, когда смерть уже близка. Или когда желание того стоит. Ты знаешь такие высокие цели, девочка? Что-то, ради чего можно пожертвовать самым дорогим – жизнью?

– Но я выжила!

– Ты ничего не пожелала. Но это не означает, что тебе не придется платить. Цена есть у всего, просто иногда она не очевидна. Допивай! Нет, не глотками, допивай сразу, пока не остыл.

Арина послушалась, допила одним махом все, до последней капли. Блаженно зажмурилась от тепла и спокойствия, которые дарили волшебные травки Анук.

– Какие у нас на сегодня планы? – спросила Арина, зевнув. Что-то было в этих травках. Что-то такое, от чего клонило в сон. Или это от усталости?

– У тебя – никаких. – Голос Анук плавал: то удалялся, то приближался, и лицо ее стремительно расплывалось, превращаясь в белое пятно на фоне сгущающейся черноты. А острие старого родового кинжала, наоборот, казалось отчетливым, сияло острыми гранями. – Тебе нужно отдохнуть, а у меня есть очень важное дело. Я должна кое-кого убить...

...И все. Темнота навалилась со всех сторон, отсекая голос, мягкой ватой обволакивая кинжал, утаскивая Арину в далекие дали...

* * *

– ...Очнись, очнись, очнись... – Монотонный голос, как назойливое жужжание. – Очнись! Ну, пожалуйста!

Арина вняла этому монотонному жужжанию – очнулась.

Она лежала на чем-то твердом, холодном, связанная по рукам и ногам, стреноженная, спутанная, как глупая овца.

– Эй, ау! – послышался над ухом голос Марго. – Ты тут?

– Да, – сказала Арина и попыталась сесть.

У нее ничего не вышло, запястья и лодыжки были не только обвиты крепкой веревкой, но и связаны между собой сзади так, что ни встать, ни шелохнуться.

– Анук?..

– Она накачала тебя своим адским зельем, а когда ты отключилась, перетащила в багажник машины. Эта старая карга очень сильная. Намного сильнее, чем кажется. Я попробовала ей помешать, даже сыпанула соли прямо в глаза. Но что может сделать соль такой, как Анук! Она зашипела только, будто ошпаренная кошка.

– Где мы? – Глаза привыкли к полумраку, и Арина огляделась.

Бетонный пол, бетонные стены, гулкая пустота и убегаящая вверх крутая лесенка. Они уже бывали здесь раньше. Совсем недавно.

– Это дом Марты, – Марго озвучила ее догадку. – Старая карга вчера прихватила отсюда запасную связку ключей. Наверное, уже тогда планировала все это.

– Что?

– Злодеяние! – Марго обвела подвал мрачным взглядом. – Она сказала, что вернется за тобой, когда уладит свои дела. Арина, я даже подумать боюсь, какие у нее могут быть дела! Как мы не догадались?! Почему я ничего такого особенного не почувствовала? Я же бывалая... – Она горестно замолчала.

Арина пошевелила руками и ногами, проверяя крепость пут.

– Я смотрела, как она тебя вязала, – сказала Марго. – Очень профессионально. Старуха полна загадок. Теперь тебе ни до окошка не дотянуться, ни по лесенке подняться. Она все продумала, просчитала...

– Долго я спала? – Арина прислушалась к себе. Не к ноющей боли в запястьях и лодыжках, а к телу в целом. Оно было бодрым и вполне отдохнувшим.

– Часов шесть точно.

– А где Блэк?

– Я не знаю. – Марго огляделась, будто в пустом подвале рассчитывала отыскать ее пса. – Он исчез почти сразу, как ушла Анук.

Шесть часов... Это значит, что сейчас уже полдень.

– Марго, нам нужно выбирать!

– Кто бы возражал! Но как? Ты же видишь, как она тебя спеленала. Лестница узкая и крутая, ты не сможешь подняться по ней даже ползком. Да и ползти не сможешь. Эта гадина постаралась. А моих сил не хватит, чтобы тебя развязать, я уже пробовала. Надо же было как-то развлекаться. Я чувствую веревку, но ослабить узел... – Она горестно развела руками.

– Не надо ослаблять узел, нужно разрезать веревку.

– Чем?

– На кухне должны быть ножи. Вдруг у тебя получится...

– Я сейчас! – Марго исчезла, даже не дослушав.

Потекли минуты мучительного ожидания. От того, удастся ли Марго удержать в руках нож, теперь зависело очень многое.

– Я не смогла... – Марго материализовалась в метре от нее. – Вся посуда в шкафчиках. Открыть шкафчик – это выше моих сил. Прости.

– Подожди! – Как бы ни действовали степные травы Анук, а мысли в голове были ясные, кристальные, как вода в горном ручье. Или это не от травок, а из-за того, что они замкнули Круг? Озарение, про которое говорила Анук. – Загляни в кабинет, я помню, в верхнем ящике стола лежал

нож для бумаг.

– Я не смогу открыть ящик.

– Он должен быть открыт. Анук их выдвигала.

– Сейчас!

На этот раз Марго не было значительно дольше, полчаса как минимум. И когда Арина уже почти потеряла надежду, она появилась на верхней ступеньке лестницы. В одной руке Марго сжимала черепушку, а во второй поблескивало что-то небольшое – нож для резки бумаги.

– Это какой-то кошмар! – сказала она, и нож с тихим бряцаньем упал на ступеньку. – Я не думала, что будет так тяжело. Он все время падает! Уже раз тридцать упал.

Марго присела на корточки, несколько минут она просто смотрела на нож, а потом осторожно взяла его двумя пальцами и застонала:

– Сейчас опять уроню...

– Бросай сюда! – велела Арина. – Вниз!

Марго глубоко вздохнула, замахнулась. Вниз вместе с ножиком полетела и черепушка. Арина зажмурилась. Ножик упал на нижнюю ступеньку, черепушка откатилась к стене, где ее тут же подобрала Марго, зачем-то вытерла подолом своего балахона.

– Получилось! – выдохнула она с восхищением. – У меня получилось!

– Теперь посмотрим, получится ли у меня, – сказала Арина и, извиваясь как гусеница, поползла к лестнице.

На то, чтобы изловчиться и подцепить нож онемевшими пальцами, времени пришлось потратить не меньше, чем Марго. А дальше началось самое сложное. Нож в кровь царапал запястья, то соскальзывая с витков веревки, то и вовсе падая на бетонный пол. Пальцы слушались плохо, болели от напряжения, но когда речь идет о спасении, можно и потерпеть.

Марго сидела рядом, баюкала черепушку.

– Анук говорила об озарении, – сказала она после долгого молчания.

– Да? – Лезвие снова соскользнуло, чиркнуло кожу. Арина зашипела от злости.

– И ты сказала, что у тебя ничего такого не было.

– Не было. Или я не помню.

– А у меня вот кое-что было. Озарение – не озарение... Я бы сказала, ощущение. Почти уверенность.

– Какая? – Веревка чуть поддалась, самую малость.

– Когда Круг замкнулся, я поняла, что смерть свою приняла из женских рук.

– Ты ее вспомнила? Ту, кто тебя убил.

– А что тут вспоминать! Арина, ты что, до сих пор не поняла, кто за всем этим стоит? Тебе мало доказательств?

– Анук? – Ей не хотелось верить, но факты...

– Что она сделала этой ночью, чтобы не пустить меня в дом?

– Насыпала на твоём пути заговоренную соль.

– Вот! И тогда, на кладбище, тоже была соль! Я теперь точно это знаю. Ощущения те же – незабываемые.

– Но почему?

– Она боялась, что я могу вспомнить своего убийцу. И если б это случилось, ей бы не поздоровилось.

– Зачем Анук все это? Зачем убивать своих?

– Зачем? Пока ты была в отключке, я все время об этом думала и, кажется, придумала. Она же старуха. Древняя. Ведьмы, особенно сильные, всегда выглядят значительно моложе своих лет, но это лишь видимость. Силы все равно иссякают: и магические, и просто жизненные. Силу можно черпать из Круга, но в последнее время он стал сплошной фикцией, каждая ведьма тянула одеяло на себя, взбрыкивала и диктовала свои условия. Какая уж тут сила! Это ведь Анук меня нашла. И она же составила мне протекцию. Анук сказала, что у меня большой потенциал. Скрытый. И если б меня приняли в Круг, я бы раскрылась, а она получила бы новые силы. Понимаешь?

– Но все сорвалось из-за Флоры, – Арина начинала понимать. – Только зачем убивать?

– Меня? – Марго усмехнулась. – А чтобы добро не пропало.

– Какое?

– Моя сила, скрытый потенциал. Об этом никогда не говорят вслух, но все знают. Сила убитой ведьмы переходит к убийце. Теперь понятно?

– Разве за такие вещи не наказывают? Это же как... каннибализм.

– Наказывают, и очень жестоко. Не просто убивают. Есть специальный ритуал, который уничтожает не только тело, но и саму суть.

– Душу?

– Да. Помнишь, у пруда ты едва меня не убила? Тебе не понадобились никакие ритуалы, у тебя это вышло...

– Спонтанно.

– Я бы сказала, естественно. – Марго улыбнулась зловещей улыбкой, и Арина снова выронила ножик. Не очень приятно узнавать, что ты – прирожденный убийца. Она такого не заказывала. Видимо, эти более чем специфические способности шли доведом к ее уникальной черной крови...

– Анук хитрая. И умная. Смотри, как хорошо она все обстряпала! – Марго подалась вперед, в глазах ее горел азарт. – С Кругом ничего не получилось. Он, по сути, развалился, и Анук убила. Я стала первой жертвой. К пруду она меня заманила, отправив сообщение с мобильного Флоры. Подстраховалась. Там же неразбериха случилась после моего пророчества, она запросто могла взять чужой телефон, отправить сообщение, потом стереть. А я же любопытная, как кошка. – Марго погладила черепушку по расписному темечку. – Если бы мне кто-либо из них, особенно Флора, назначил встречу, я бы непременно на нее пошла. Ну вот, так и случилось. А она меня того... утопила.

– У тебя сахар в крови упал, – напомнила Арина. – Ты могла сама отключиться.

– Сахар упал из-за пророчества, процедура очень... энергозатратная. Но она, эта гадина, точно была там. Я могла потерять сознание. Все это так. Но вспомни, где мы нашли мой телефон? В беседке! Значит, по логике вещей, упала я там, а она, Анук, оттащила меня к пруду и... – Марго нервно передернула плечами. – Что это, как не убийство?

– Да, твое предположение похоже на правду. – Арина слушала Марго и продолжала пилить веревку. Если бы веревка была потоньше, если бы ножик был поострее...

– А потом Анук убила Флору, потому что та была очень дотошной, она стала бы копать и докопалась бы.

– Флору убил Бабай. У меня было видение.

– И ты видела, как Бабай убивает?

Арина задумалась, даже веревку пилить перестала. Она видела, как Бабай закапывает тело Флоры. Черные комья земли на фиолетовых головках безвременников, в белых льняных волосах... Бабай не прятал тело, он его... хоронил. Как умел, с погребальными цветами, в венке из безвременников, который Арина сплела для мертвой Флоры в каком-то непонятном душевном порыве. Он хоронил... И психиатр рассказывал, что Альберт Бабаев с сестрой были очень близки, что Флора не оставила его даже после того ужаса, который тот сотворил пять лет назад. Пять лет... На Флору напали пять лет назад, изнасиловали, едва не убили. И тех, кто это сделал, полиция не нашла. А вот Альберт Бабаев нашел. Вот как оно было на самом деле. Вот почему Флора от него не отвернулась и всеми силами пыталась спасти сначала от суда, а потом от безумия. Вот зачем она привозила в лечебницу Марту, надеялась, что та сумеет ему помочь. И первое время Марта помогала, а потом уехала, исчезла в неизвестном направлении. Или нет? Глина на туфлях Анук, грязь на подоле ее платья.

Что она искала минувшей ночью? И искала ли или, наоборот, перепрятывала? Первой жертвой Анук стала не Марго. Первой была Марта! Это ведь так удобно: ведьмы независимые, каждая сама по себе, у каждой свои тараканы в голове. Захотелось Марте уехать, и она уехала. И все восприняли это как должное. Все, кроме Флоры. Флора с Мартой дружила и поэтому во внезапный отъезд не поверила, наверняка начала искать ее, задавать вопросы. Да хоть той же Анук, которая может чують смерть и отыскать мертвое тело по запаху. Вот почему убили Флору! Потому что она что-то заподозрила. А СМС-сообщение – это так, по случаю.

В висок кольнуло болью, Арина зажмурилась. Какая же она наивная дура! Как же плохо разбирается в людях! Ведь из всех этих ведьм Анук нравилась ей больше остальных. Анук она доверяла, а та все время водила их за нос, изображая бурную деятельность, расследование. И куда их это привело? От настоящего убийцы к сумасшедшему Бабаю? Очень удобно и очень умно. Прошлой ночью Анук наверняка знала, что Бабаю не страшна такая смехотворная преграда, как заговоренная соль. Рассчитывала расправиться с Ариной чужими руками? Ведь Бабай и в самом деле ее чуть не убил, потому что смерть любимой сестры подкосила его окончательно, сделала буйнопомешанным, готовым крушить все на своем пути. Что тогда спасло Арину? Она знала это наверняка – чувствовала. Венок из безвременников, который она надела на голову мертвой Флоре, прощальный подарок. Бабай был там, все видел. И поэтому из-за такой малости, как венок из безвременников, он ее не убил. Из стана врагов – а во врагах у него теперь был весь мир! – перевел в стан не друзей, нет, а тех, кого не нужно убивать...

– Ты чего молчишь? – спросила Марго.

– Я думаю, что Марту тоже убила Анук. – Арина с утроенной силой принялась пилить веревку. – Все началось именно с Марты. Она чем-то важна, потому что Анук не бросила ее тело, как все остальные тела, а похоронила.

– Марта пропала месяц назад. Почему же Анук продолжила убивать только сейчас?

– Может, то убийство было случайным, непреднамеренным? Или Анук испугалась и решила остановиться, но Флора начала ее подозревать... – Арина потрясенно замолчала. – Марго, я знаю, почему она тебя убила. Это не из-за твоей силы. Признайся, ты ведь была не очень сильной ведьмой.

В ответ Марго обиженно передернула плечами, но спорить не стала, признавая ее правоту.

– Она убила тебя, когда поняла, что ты можешь пророчить. Тогда пророчество оборвала Саломея, и ты не успела сказать то, чего Анук так боялась, но ведь могла сделать это в будущем! Поведать о том, что не должна была знать ни одна душа, ни живая, ни мертвая. Ведь уже тогда она планировала уничтожить Флору. Анук убивает не потому, что ей нужны дополнительные силы, она устраняет тех, кто мог бы ее разоблачить.

– Альбина была призывающей, а Софья – чревовещательницей, – Марго говорила быстро, словно боялась, что Арина ее остановит. – Анук удалось не пустить меня на кладбище, но я могла прийти на зов призывающей и заговорить устами чревовещательницы.

– И тогда она убила Альбину. Я думаю, Альбина или, может быть, Софья, кто-то из них посвятил ее в свои планы, и Анук снова принялась за старое. Сначала убила Альбину, потом Софью.

– Но Софью она убить не могла. Вспомни, там, в лесу, мы все время были на глазах друг у друга. – Марго покачала головой.

– В лесу прятался Бабай. – Веревка еще чуть-чуть поддавалась.

– Думаешь, это он Софью?..

– Почему Бабай сбежал из лечебницы? Пять лет сидел смирно, а потом вдруг бросился в бега. Я почти уверена, Флора рассказала ему о своих подозрениях, о том, что кто-то из Круга убил Марту и собирается убить ее. Он сбежал, чтобы защитить сестру, он ведь очень ее любил.

– И опоздал...

– Да. Он видел, как я нашла тело его мертвой сестры, видел, как я плела венок.

– Ты плакала.

– Не помню.

– Ты плакала, плела венок и несла какую-то ахинею...

– И он не стал меня убивать. Из-за погребального венка и слез. Он решил, что я не виновата.

– Пожалуй, – Марго кивнула, – но, я думаю, Бабай не тронул тебя еще и потому, что ты не была ведьмой Круга. Флора могла рассказать ему, как они выглядят. Или даже показать фотографии. Ты даже близко не похожа ни на одну из них. Он позволил тебе уйти оттуда живой именно поэтому. Позволил, но из виду не выпустил, проследил за тобой до самого дома. А потом вернулся и похоронил Флору в лесу, подальше от всего этого...

Оказалось, что мало перерезать один виток, пришлось пилить дальше. Но теперь у Арины было чуть больше пространства для маневров, пути ослабли.

– А потом мы снова появились в доме Флоры, – продолжила Марго. –

Наверное, он жил там или прятался где-то поблизости. Не узнать Анук и Софью Бабай не мог. Вот только Софья попалась на его пути первой, и Анук повезло. Чревоушательницы не стало – одной проблемой меньше.

– Но к тому времени Анук уже знала, что ты не помнишь пророчество. Смерть Софьи ей больше была не нужна. – Нож снова царапнул кожу, но Арина не обратила на это никакого внимания.

– Не помнила, однако могла вспомнить. Мы, неупокоенные духи, такие непредсказуемые! Кстати, ты в курсе, что, оставшись без энергетической подпитки на девятую ночь после смерти, неупокоенная ведьма теряет память?

– Ты это знала? – спросила Арина шепотом.

– Почувствовала прошлой ночью.

– Анук сказала, утром ты не вспомнишь ничего из того, что было ночью.

– Утром я не вспомнила бы даже собственное имя. Не говоря уже о пророчестве. Уж поверь! Но ты меня пожалела, а потом замкнулся Круг, и бац – я больше не неупокоенная ведьма, и с памятью у меня все в порядке. Облом, правда?

– Марго, скажи, – Арина сдула лезущую в глаза челку, – только не ври, я прошу. Ты ведь могла навредить мне прошлой ночью? И ты... подключалась ко мне раньше? Подпитывалась?

– У тебя много сил и энергии.

– Я не о том. – Она мотнула головой. – Представляла ли ты для меня реальную опасность?

Прежде чем ответить, Марго долго молчала, гладила свою черепушку. Арина уже решила, что она не заговорит, но ошиблась.

– Да, я могла навредить. И подпитывалась твоей энергией, когда ты спала. Но ведь тебе не было так уж плохо, легкое недомогание, только и всего. Однако девятая ночь – это в самом деле очень серьезно. Я практически перестала себя контролировать. Теперь я точно знаю, что такое голод и ярость.

– Ты не причинила мне вреда.

– Да, но ты и представить себе не можешь, чего мне стоило сдержаться, не напасть. Считай, этой ночью Бабай спас тебя от... меня. Его появление что-то во мне изменило, на время вернуло в реальность, перенаправило мою ярость.

Веревка наконец поддалась. Арина вздохнула с облегчением и принялась растирать затекшие руки.

– А теперь ты в порядке? Ты совершенно точно уверена, что этой

ночью подобное не повторится? – Она бросила быстрый взгляд на Марго.

– Да. Я больше не чувствую в себе этого. Но кое-что все-таки осталось. – Черный ноготь удлинился, превращаясь в коготь. Чтобы не отшатнуться, Арине пришлось собрать всю свою волю в кулак. – Не волнуйся, я это контролирую. – Коготь втянулся, как у кошки... – От теневого Круга мертвые только выигрывают. – Марго посмотрела на ее окровавленные руки. – Ты вся в порезах! Больно?

– Ничего, это обычные царапины.

Кровообращение в руках медленно восстанавливалось, и Арина в самом деле начала чувствовать боль, словно в кожу впились тысячи иголок.

– А чего тогда морщишься?

– Руки затекли. Марго, нам нужно спешить. Вдруг мы еще успеем.

– Куда?

– Предупредить Ксению.

– Почему ее, а не, к примеру, Саломею? Они ведь обе думают, что всех убивает Бабай.

– Потому что сейчас именно Ксения представляет для Анук опасность. – Арина принялась перерезать путы на ногах. – Если задать правильный вопрос, Ксения напишет на него ответ. Понимаешь?

– И Анук этот ответ может не устроить, – Марго кивнула.

– Я только одного не понимаю. Ведь Анук при нас просила Ксению о помощи. Если бы та не отказала...

– А откуда тебе знать, какие вопросы она бы стала задавать? Вполне возможно, что Анук спросила бы о Бабае. Уточнила что-нибудь из его биографии. Или поинтересовалась, кто те подонки, что напали на Флору, и что с ними стало. Вопросы бывают разные, а Анук знает, как выйти сухой из воды. Но ты права, ехать нужно сначала к Ксении.

С веревками на лодыжках Арина справилась быстро, прошла по подвалу туда-сюда, восстанавливая кровообращение в ногах. Обшарила карманы джинсов в поисках случайно завалявшихся денег. Они нашлись, но совершенно ничтожная сумма, с такой далеко не уедешь, до Ксении точно не доберешься. Арина глянула на часы. Какой там полдень – половина пятого вечера! И если они поторопятся, то успеют на электричку до дома, денег только-только хватит. А дома можно взять денег на такси и веретено. Веретено, родовая вещь, должно быть при ней...

Дом стоял нараспашку. Наверное, Анук очень торопилась или просто не озаботилась тем, чтобы прикрыть за собой дверь.

– Подожди. – Марго заступила ей дорогу. – Дай я сначала осмотрюсь. А то мало ли что.

Арина была почти уверена, что в доме никого нет, но спорить не стала.

– Все чисто! – послышалось вскоре. – Можешь входить.

В доме все еще чувствовался едва уловимый запах дыма, разгромленная Бабаем кухня была усыпана солью, золой и щепками. Прибраться бы...

– Блэк! – позвала Арина просто так, для очистки совести. Если бы пес был в доме, она бы почувствовала.

Арина собиралась быстро, как солдат. Умылась, переоделась, рассовала по карманам ветровки деньги, телефон, веретено и плитку черного шоколада, осмотрелась, будто собиралась покинуть этот дом навсегда, и даже присела на дорожку. Сердце билось ровно и размеренно. Предупрежден, значит, вооружен. Она предупреждена, с ней Марго и веретено, родовая вещь. Она готова...

Да ни к чему она не готова! Самой себе можно не врать. Она не знает, что ждет ее впереди и как правильно поступить. Но кое-что нужно сделать уже сейчас. Предупредить остальных. Ямаха уехала. Ей повезло. К Ксении Арина с Марго сейчас поедут. И если той тоже повезло, они застанут ее живой. Как предупредить об опасности Саломею, Арина не знала, у нее не было ее контактов. Никаких! Ни адреса, ни номера мобильного.

Когда она вышла на крыльцо своего дома, край неба уже золотили закатные лучи, в вишневом саду царила тишина. Чувствовалось в этой тишине что-то тревожное, предвещающее скорую бурю. В кристальном воздухе – такой бывает только ранней осенью – терпко пахло травой, нагретой на солнце вишневой смолой и еще чем-то едва уловимым, тем, чем не должно пахнуть в саду...

Им уже давно пора было уходить, такси приедет с минуты на минуту, но Арина все медлила. Она шагнула с дорожки, снова вернулась к дому, обошла его по периметру, остановилась у окна кухни. Не требовалось быть следопытом, чтобы это увидеть. Втоптанные в землю изломанные стебли, давно поникшие фиолетовые головки безвременников и бурые пятна на узкой бетонной кромке, опоясывающей дом. Кровь, много крови... И примятая трава от упавшего на нее тела. Чья кровь? Чье тело? Арина не могла сказать, но она точно знала, что руки Бабая, как и рукоять его ножа, были в точно таких же красно-бурых пятнах. Перед тем как нанести ей ночной визит, он кого-то убил. В ее саду, под окнами дома...

– Ты это видишь? – спросила она враз охрипшим голосом.

– Крови очень много. – Марго стояла в сторонке, вытянув шею, пытаясь разглядеть все в подробностях, но не желая приближаться. – Он снова кого-то убил...

– А тело? Куда он его спрятал? – От мысли, что где-то в саду может лежать покойник, сделалось совсем нехорошо, в ушах зашумело. – Кого Бабай убил тут? Кого-то из них?

– Из наших? Что бы им делать в твоём саду?

Правильный вопрос, и у Арины, похоже, есть ответ...

Волков сказал, что пришлет своего человека присмотреть за ней, толкового парня, славного малого. Арина знала, что он не шутит, она просто не подумала, что Волков станет действовать так быстро, что его человек явится не на следующий день, а всего через пару часов. И этот человек, толковый парень, славный малый, тоже не подумал, что в тихом вишневом саду может нарваться на сумасшедшего с ножом. Арине ведь никто не верил, к ее словам никто не отнесся всерьез. Да и как можно поверить в то, что в двадцать первом веке кто-то мог устроить охоту на ведьм, когда гораздо проще и удобнее списать все на несчастный случай и самоубийства. Волков не поверил, и его человек погиб. А виновата в этом только она, Арина. Потому что была недостаточно убедительна, потому что, вместо того чтобы отстаивать свою правоту, вчера отключила мобильный.

Арина пошарила в кармане ветровки, дрожащей рукой достала телефон, включила. Волков должен знать, что тут происходит. Нельзя допустить, чтобы он тоже погиб.

Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия Сети...

Из-за забора послышался нетерпеливый автомобильный гудок, приехало вызванное такси. Арина заметалась, не зная, что предпринять. Время стремительно утекало, а она до сих пор ничего не сделала, никого не спасла, даже не попыталась!..

– Нам нужно ехать, – мягко сказала Марго.

– Но...

– Арина, помогать надо тем, кому еще можно помочь. Ты видишь, сколько тут крови? Поехали...

И она послушалась. Телефон Волкова по-прежнему молчал. Волкову Арина хотела помочь больше всего, но не могла...

Когда они подъехали к дому Ксении, закатный пурпур уже сменился глубокой синевой наступивших сумерек.

– Не отпускай такси, – шепнула Марго, хотя могла смело орать на весь салон. – И не заходи в дом. Просто постой у подъезда, пока я не проверю, как оно там. Сделай вид, что кого-то ждешь, покури. Если вдруг там что-то не так, пусть у тебя будет свидетель, который подтвердит, что ты вообще не заходила в дом. А еще лучше постой у соседнего дома, так надежнее. И не спорь! Я мертвая, мне хуже не станет, а тебе проблемы с полицией ни к чему, – сказала и исчезла из машины.

План Марго был разумный, с таким не поспоришь, поэтому Арина велела таксисту притормозить у ближайшей к дому Ксении хрущевке, расплатилась и попросила подождать. В ответ тот флегматично пожал плечами, но на наручные часы посмотрел многозначительно – часики тикают, время идет, денежки капаят.

Оказавшись на улице, Арина снова попыталась дозвониться Волкову. Телефон показывал критически низкий уровень заряда, а Волков так и не ответил. Арина чертыхнулась, достала из пачки последнюю сигарету, закурила. Телефон мурлыкнул на прощание и отключился. А у нее, дуры такой, не было с собой зарядного. И даже если бы было, где б она его подключила? Все, совершенно все шло не так, Арина не имела никакой возможности хоть как-то повлиять на ход вещей. Она терялась в догадках и немыслимых предположениях, блуждала в темноте, как слепой котенок. А вокруг гибли люди...

Сигарета догорела до самого фильтра, когда из темноты выступила Марго. Арине не нужно было слов, хватило одного лишь взгляда, чтобы понять.

– Мы опоздали, да?

Марго кивнула, переложив черепушку из одной руки в другую.

– Ксения мертва. Там столько крови... столько... – Марго всхлипнула. – Хорошо, что ты не пошла.

– Откуда кровь? Как ее... – Арина не договорила. На самом деле она не желала знать, как умерла Ксения.

– Там был такой специальный топорик для рубки мяса. Понимаешь? И вот этим топориком ей...

– Руку?..

– Да. Тюк – и нет руки, а крови море.

– Но ведь от этого нельзя умереть. То есть я хочу сказать, что она могла наложить жгут, как-то попытаться остановить кровотечение, вызвать «Скорую» в конце концов.

– Ксения не сделала ничего из этого. – Марго потрянула головой. – Мне кажется, она была не в себе, под кайфом. Там стоял этот ее чай. И улыбка у нее... Арина, ты бы видела, какая это улыбка...

– Я догадываюсь. Как у Флоры. Она тоже улыбалась.

– Да. – Марго качнулась, словно от ветра. – Их убивают, а они даже не пытаются спастись. И улыбаются. Что это такое, Арина?

– Я не знаю. – Она загасила сигарету. – Как же нам действовать дальше, как предупредить Саломею, если у меня нет ни ее адреса, ни телефона?

– Она могла остановиться на Ксении. Сегодня, я имею в виду. Она ведь уже старая, ей должно быть тяжело... убивать.

– Ты сама говорила, что каждая смерть дает новые силы, а Анук уже на финишной прямой.

– На финишной прямой она окажется, когда доберется до тебя. Ты – ее главный приз.

– Почему?

– Потому что ты истинная. Самая сильная из нас. Вишенка на праздничном торте.

– Она ведь уже не раз могла меня убить.

– Это не так просто. То есть убить она тебя могла бы, но вот переварить... Образно выражаясь. Чтобы справиться с твоей силой, она сама должна быть в отличной форме. А ты, связанная по рукам и ногам, сейчас лежишь в подвале. Ты никуда не денешься. По крайней мере, она так считает.

– Значит, Анук попытается убить Саломею.

– Если уже не сделала это.

– И мы не знаем, где Саломея живет.

– Но знаем, где находится дом Анук. – Марго посмотрела на нее многозначительно: – Поехали.

– И что мы станем делать, если Анук окажется дома?

– Как-нибудь ее нейтрализуем.

– Да, – Арина усмехнулась. – Очень продуманный план.

– А если Анук дома не окажется, мы осмотримся. Может, найдем какую-нибудь записную книжку с адресами или номерами телефонов. В любом случае выбор у нас невелик.

За их спинами раздался короткий автомобильный гудок. Таксист устал ждать.

Арина вышла из машины сразу, как только они въехали на территорию поселка.

– Все, дальше сама, – водитель зевнул. – Или кого-то другого вызови. А я уже свою смену отпахал. – Он бросил на Арину неодобрительный взгляд. – Катаются, понимаешь ли, туда-сюда, словно заняться больше нечем.

Она не стала ни возражать, ни спорить, побоялась привлечь ненужное внимание. Молча расплатилась, вышла из машины, краем глаза успев заметить, как Марго тюкнула водителя Марусиной черепушкой по лысине. Тот, вздрогнув, испуганно оглянулся. Мертвое стало чуть менее мертвым, научилось контактировать с живым.

– Зачем ты? – спросила Арина, когда габаритные огни такси исчезли в темноте.

– А чего он? – Марго пожала плечами. – Бросил двух беззащитных девушек на ночной дороге. Хам!

– Двух? Беззащитных? – Арина хмыкнула, дернула вверх молнию на ветровке. От протекающей где-то поблизости реки тянуло холодом и сыростью. Из темноты вынырнул Блэк.

– Явился – не запылится! – Марго посмотрела на пса со смесью неодобрения и опаски. – Где ты шлялся весь день?

Блэк даже голову в ее сторону не повернул, и Марго обиженно фыркнула. Ну точно как кошка!

– Пойдем. – Арина погладила пса по голове, кончики пальцев привычно закололо.

Блэк тихо рыкнул и снова растворился в темноте.

– Какой-то он у тебя невоспитанный, – сказала Марго обиженно. – При жизни, наверное, был таким же?

– Нормальным он был. И после смерти им остался.

– А чего он к тебе так привязан? Ты его спасла, что ли?

– Нет. Не получилось.

– Но попытка была засчитана.

– Наверное. – Арина проверила карманы, все ли на месте. – Пойдем уже, Марго, времени совсем не осталось.

Дом Анук встретил их тишиной и темными окнами. Если Блэк и был где-то поблизости, то на глаза не показывался.

– Ну что, действуем по отработанной схеме? – Марго уперла в бока

кулаки. – Я иду в разведку.

– Она тебя почует.

– Пусть лучше меня. Я призрак, гуляю, где захочу. Что с меня взять, с неупокоенной?

– А она не может тебе навредить? – спросила Арина.

– Если бы могла, то уже навредила бы, когда опоила тебя своим зельем. Нет, на это ее сил не хватит. Все, я пошла!

Марго исчезла, а Арина так и осталась перед закрытой калиткой. Время словно замерло, из-за забора не доносилось ни звука, дом казался необитаемым, но Арина понимала, это ничего не значит. Зло может прятаться где угодно, под любой личиной. Из-за туч выглянула луна, залила двор тусклым белым светом, добавила уверенности. Арина осторожно толкнула калитку, и та поддалась, распахнулась, чуть слышно скрипнув смазанными петлями.

– Да куда ж ты поперед батьки в пекло? – Марго она сначала услышала и только потом увидела. Гадалка стояла по ту сторону забора и, сощурившись, разглядывала луну.

– Ну что? – спросила Арина шепотом.

– Ничего. То есть никого. Дом пустой, я обыскала его от чердака до подвала. Анук тут нет.

От сердца отлегло, но тут же сделалось стыдно. Конечно, морально она готовилась к смертельному бою с силами зла, однако от мысли, что тот переносится, кажется, даже дышать стало легче. Вот такая Арина храбрая ведьма...

– И дом, кстати, тоже не заперт. Торопилась старуха.

Марго направилась в глубь двора, просочилась сквозь закрытую дверь. Арина потянула на себя ручку, принялась.

В доме Анук вкусно пахло свежемолотым кофе и сигаретным дымом, словно ушла она совсем недавно. Ушла или уехала? Арина выглянула в окно: машина Анук была на месте. Значит, все-таки ушла. Но куда? Куда может добраться пешком ведьма преклонных лет?

– Арина, иди сюда! Посмотри-ка!

Она шагнула на порог небольшой кухни. Здесь запах кофе и сигаретного дыма был особенно отчетливым. Посреди стола стояла полная окурков пепельница, но не серебряная, переносная, а медная, украшенная чеканкой. Тут же нашлись две кофейные чашки, одна из которых была перевернута вверх дном.

– Видишь? – Марго указала на блюде с застывшей на нем кофейной гущей. – Она гадала.

– На кофейной гуще? – Арина подошла ближе и склонилась над блюдцем.

Коричневые кофейные потеки превратились в упрощенный, но отлично различимый рисунок рыси.

– Что это?

– Ответ на ее вопрос.

– На какой?

– Я не знаю. – Марго мотнула головой. – В таро есть такие расклады, когда гадалка может задать один конкретный вопрос и получить один конкретный ответ. Как бы то ни было, Анук получила вполне очевидный ответ. И мне, сказать по правде, все это очень не нравится. Почему рысь?

– Рысь – это я. Какое-то воплощение иной меня. Он так считал.

– Тот, кто сделал тебя такой? – Марго смотрела на нее с интересом.

– Да. Он сказал, что рысь – очень опасное животное, но я еще котенок, которого можно легко ухватить за загривок.

– Уверена?

– Не знаю.

– Когда это было? Когда он сказал, что ты не дотягиваешь до взрослой рыси?

– Почти два года назад.

– И за это время у тебя не было ни единой возможности убедиться в обратном? Тебя били по левой щеке, а ты благодарила и смиренно подставляла правую? Или маленькую рысь никто не пытался обидеть?

– На меня надели ошейник. – В горло впились стальные шипы, стало трудно дышать. Оказывается, воспоминания могут причинять физическую боль. Оказывается, эта рана до сих пор не затянулась. – Был человек, он догадался, кто я такая, и попытался меня контролировать. Ведьма на цепи – это ведь так... оригинально.

– И что? Я не вижу на тебе ошейника...

– Я его сняла. Не сама, мне помогли.

– Этот твой Волков?

«Твой Волков» – как красиво и как невозможно звучит! Не ее, увы...

Волков очень занят, он сам по себе, хотя и пытается Арине помогать. А она только и может, что подводить единственного человека, который знает про нее все. Почти все. Из-за нее погиб товарищ Волкова, из-за нее самому Волкову пришлось отказаться от какого-то важного дела, прилететь с обратной стороны Земли, оставить барышню с мурлыкающим голосом, которой позволено называть его не Волковым, не Серым Волком, а Андрюшей. Пусть бы он не прилетал! Пусть бы остался с этой своей...

подружкой. Арине было бы больно и обидно, но он, Волков, оказался бы вне опасности. Потому что ее нынешняя жизнь – это кипящий котел. Это дантовский ад, и она приближается к самому страшному, самому опасному кругу. Его лучше замкнуть самой, без посторонних. Без Волкова.

– Арина, ау! – Марго помахала ладонью перед ее лицом. – Тебе помог Волков?

– Да.

– Знаешь... – Марго замялась, словно готовилась признаться в чем-то неприличном, – когда я была еще неупокоенным духом и нуждалась в твоей энергии, я могла получать ее только ночью. Понимаешь?

– Ты видела мои сны? – Ее обдало жаром, всю, от макушки до пяток.

– Я не хотела, но так получалось. Прости.

– Мое прощение что-то изменит? Ты забудешь, что делала и что видела?

– Нет. Но я не только видела, а еще и чувствовала. Он, твой Волков, такой мужик...

– Какой? – Арине стало интересно, каким видела его Марго, даже жар исчез.

– Такой, за которого, коль уж он обратил на тебя внимание, надо хвататься обеими руками, чтобы удержать рядом с собой любой ценой, а не прогонять.

– Мне не нужно любой ценой. И я не прогоняла, он сам... ушел. Марго, его не было целый год. И мне кажется, у него есть женщина.

– Знаешь, что бы я сделала на твоём месте? Я бы повырывала этой узурпаторше все космы, расцарапала ей морду, но не отдала бы такого мужика без боя.

– Ты Волкова не знаешь. Его нельзя отвоевать и захватить, как боевой трофеей. Он не такой.

Ей снова стало больно, только на сей раз стальные шипы впивались не в горло, а в сердце. Арина, ну сколько можно!.. Она решительно потрянула головой, потеряла ладонями глаза. Они здесь не затем, чтобы предаваться воспоминаниям, они здесь, чтобы найти и остановить Анук.

– Она должна быть где-то поблизости.

– Кто?

– Анук. Она не пользуется электричками, потому что любит водить сама, как мужчина. Ее машина на месте, а в доме пахнет кофе и сигаретами. Это значит, что она ушла совсем недавно.

– Даже если так, мы все равно не знаем, где ее искать.

– Но можем попробовать узнать.

Ей не хотелось. До боли, до зубовного скрежета не хотелось прикоснуться к вещам Анук, выведывать ее тайны. Вещи редко делились с Ариной незначительными пустяками, они старались рассказать о своих хозяевах все самое темное, тайное. Но иного выхода не было. Оставалось решить, с чего начать. Родовой кинжал был бы самым... информативным, рассказал бы не только об Анук, но и об ее предшественниках. Вот только кинжала нет. А что есть? Арина осмотрелась и потянулась за перевернутой вверх дном чашкой.

...Запах кофе усилился, шибанул в ноздри, сбивая с ног. Чтобы не упасть, Арина присела к столу, сжала чашку обеими ладонями. Ну же!

...И снова запах. Но на сей раз не кофейный, а терпкий травяной, знакомый. На плите кипит маленькая кастрюлька. Вон та, с подсолнухом на боку. А на дне кастрюльки – трава, как водоросли на дне пруда. И в каменной ступке тоже трава, только сухая, измельченная в порошок. Хочется чихнуть, но она сдерживается, закрывает нос краем шелкового платка. Волшебные степные травы...

Этого мало! Арина оттолкнула от себя чашку, та покатила по столу, упала на пол, разлетелась острыми черепками. Это лишь подготовка к войне, а ей нужно знать, где место будущей битвы.

Арина вскочила на ноги, заметалась по дому, прикасаясь, ощупывая десятки чужих вещей, прислушиваясь к отголоскам чужой жизни. Ничего полезного. Должно быть что-то еще, что-то связанное с местом.

Машина! Второй дом для Анук, ее верная железная лошадка.

Машина стояла открытой. Арина рухнула на водительское сиденье, обеими руками вцепилась в руль. Хорошо, что вцепилась, потому что в ту же секунду ей стало плохо: закружилась голова, к горлу подкатила тошнота, запахло смертью. Давней, позабытой, но вытащенной из лап забвения.

Она знала, откуда все это – и слабость, и запах, и смерть. На приборной панели – небольшая металлическая коробка. Необходимо взять ее в руки, чтобы понять все до конца. Но не сейчас, на этот последний рывок понадобятся все силы. Железная коробка, хранящая в себе что-то неведомое, очень важное, ее обесточит, опустошит. Не сейчас. Сначала нужно узнать место.

Кожаная оплетка руля гладкая и блестящая, отполированная тысячами прикосновений Анук, вобравшая в себя тепло ее рук. Мотор урчит успокаивающе, как сытый кот: «Ты все правильно делаешь, хозяйка!» Пока еще вечер, и можно пользоваться машиной, не привлекая ненужного внимания. Но ночью, ночью придется пешком. Ночью не только темнота,

но и тишина станут ее подельницами. Дорога, узкая, гравийная, местами совсем разбитая, ныряет под колеса, шуршит, постукивает мелкими камешками по капоту. Тук-тук... Слева река поблескивает черной спиной в прорехи стены из рогоза, справа лес, а впереди домик. Не домик даже, а так... сарайчик, прилепившийся к берегу, поглядывающий на реку окошком, густо затянутым паутиной, как бельмом.

Прибыли! Вот он – пункт назначения и одновременно начало пути.

За спиной шипение, хочется оглянуться, но она не станет, потому что и так знает, кто там лежит на заднем сиденье связанный по рукам и ногам, с пыльным мешком на голове. Ведьма, которую нужно убить. Во что бы то ни стало...

Арине понадобилось время, чтобы разжать сведенные судорогой пальцы, выпустить руль из рук, а потом обернуться, посмотреть на пустое заднее сиденье. Уже пустое.

– Что ты видела? – Марго сидела рядом, заглядывала в лицо.

– Анук отвезла Саломею в какой-то речной домик, потом вернулась сюда, чтобы подготовиться.

– К чему?

– К убийству.

Железная коробка тускло поблескивала чуть прихваченным ржавчиной боком, манила. Что в ней? Какие еще секреты? Пока не откроешь – не узнаешь. Арина сделала глубокий вдох, взяла коробку в руки. Щелк – замочек открылся легко, и коробочка явила свое отполированное нутро.

– Что это? – спросила Марго.

– Иглы, кажется.

Иглы были тонкие, длинные, золотые.

– Зачем? – Марго тянула шею, силясь разглядеть все в подробностях. – Для чего такие иглы?

– Это не просто иглы. Это иглы для акупунктуры. – Арина взяла одну в руку.

...Залитый солнцем кабинет, горький запах от дымящейся полынной сигары. Меридианы, которые она, в отличие от других, может видеть. Золотистая нить Ци пульсирует жизнью, завязывается узелком на ладони. Под иглой – сопротивление, но не кожи, а энергии. И если нажать с нужным усилием, а потом чуть повернуть, если сделать все правильно, то Ци больше ничто не будет сдерживать, и сила хлынет не тонким ручейком, а полноводной рекой, заполняя каждую клеточку, даря жизнь и ощущение счастья. Но ей нужна другая точка, совсем другая... Больно не будет, будет хорошо. Даже умереть можно с улыбкой. Ей ли не знать. Жаль только, что

не все закончено, столько интересного не сделано, столько удивительных открытий не совершено. Было впереди, осталось позади. Но до чего же не хочется умирать вот так... бездарно, без мук, но с ощущением, что тебя обокрали, забрали не просто жизнь, а что-то гораздо более ценное. Золотистая нить теряет цвет, и свечение наполняется чернотой, как грязью. Ци уходит, и вместе с ней уходят сила, жизнь и надежда на то, что все еще можно исправить, надо лишь найти способ. Та, другая ведьма, не желает ждать. Другой хочется жить так же сильно, как ей сейчас умереть...

Железная коробка выпала из рук, золотые иглы рассыпались по салону. Арина всхлипнула, замотала головой, прогоняя чужие предсмертные воспоминания.

– Что это? Чье? – Марго смотрела испуганно, по-рыбьи открывая и закрывая рот.

– Это иглы Марты. Она... убила себя. Сама, собственными руками. Анук ее как-то заставила.

Задыхаясь, обливаясь холодным потом, Арина нажала на кнопку, открывающую багажник, и едва не вывалилась из салона машины – так ей хотелось на свежий воздух, подальше от всего этого.

В багажнике лежала лопата. Обычная садовая лопата со следами земли на основании черенка. Вот только земля эта оказалась не садовая. Арине не нужно было брать ее в руки, чтобы понять очевидное. Этой лопатой Анук раскопала могилу Марты...

Арина уселась на землю прямо у колеса машины. Ноги не держали, руки дрожали. Хороша ведьма! Еще ничего не сделала, а уже выдохлась.

– Ты как? – Марго присела перед ней на корточки.

– Плохо. Сил нет. – Марго не нужно врать, она и сама все видит.

– Возьми веретено. Ночами, когда я к тебе... подключалась, оно не позволяло обессилить тебя окончательно. Я чувствую такие вещи, можешь мне поверить.

Верить нельзя никому. Она поверила Анук, и вот что из этого вышло. Но силы ей и в самом деле нужны. Не какие-то особенные ведьмовские силы, а самые обычные – человеческие.

Веретено, родовая батарейка, привычно легло в ладонь, согрелось от тепла ее тела. Или это кожа согрелась от веретена? Не важно. Важно, что Марго оказалась права: так значительно легче. И уже не хочется распластаться на сырой земле и лежать, разглядывая тусклую луну. Наконец появились силы, чтобы встать на ноги. И в голове больше не шумит, перед глазами не плавает кровавый туман. Можно жить. Родовая вещь не подвела, поддержала хозяйку, поделилась силой тех, кто был до

нее, кто вырезал свои имена на коре дерева, что росло в самом центре изнаночного мира. Можно жить. Можно даже попробовать победить.

* * *

– Ты уверена? – Марго бодро шагала рядом с Ариной по грунтовой дороге.

– Блэк чувствует.

Он появился из ниоткуда в тот самый момент, когда Арина поняла, что жизнь еще не кончена, что силы есть и нужно спешить, потому что времени осталось совсем мало. Блэк поднырнул под руку, лизнул в щеку.

– Ты знаешь, где Анук?

Блэк не ответил, но посмотрел так, что пропали всякие сомнения. Он знает, он нашел путь и готов привести их к Анук.

Блэк трусил впереди по узкой дороге, зажатой между густым подлеском и стеной из рогоза, за которой плескалась, несла свои черные воды река. Арина знала этот путь. Узнавала. Вот сейчас дорога вильнет, повторяя изгиб реки, рогоз исчезнет, уступая место кряжистым старым вербам, а там уже рукой подать до рыбацкого домика. И нужно будет что-то делать, что-то решать, потому что от смертного боя не отвертеться, потому что в этой войне не может быть перемирия.

Арина полной грудью вдохнула пахнувший рекой воздух, прислушалась к себе и ничего не услышала. Ни биения силы, ни нетерпения, ни страха. Она была похожа на пустой сосуд. Стукни по нему, и он зазвенит. Черная кровь молчала, не помогала и не подсказывала.

Дорога вильнула, чиркнула обочиной по корням старой вербы и уперлась дальним своим краем во что-то темное, едва различимое в смутном лунном свете. Арине не нужно было видеть, она и без того знала, что это тот самый домик, в котором Анук держит Саломею.

Блэк больше не убегал далеко, держался рядом, словно ожидал команды. И Марго все время тревожно поглядывала на Арину, тоже ждала. А у нее не было никакого плана. Даже самого завалящего, и черная кровь молчала, не вмешивалась.

– Может, я схожу, посмотрю? – Марго первой нарушила молчание.

– Нет. Сейчас на самом деле опасно. Она почует тебя быстрее, чем меня. Анук чувствует смерть, ты же знаешь.

– Я не буду заходить внутрь, просто загляну в окошко. Через стекло она ведь не чувствует.

– Мы пойдем вместе. – Арине не хотелось отпускать Марго одну. Ей хотелось увидеть все своими глазами. Почувствовать, что там творится внутри домика, который скоро, наверное, превратится в поле боя.

А может, не превратится. Может, у нее получится нейтрализовать Анук, не убивая ее. Она не сможет убить даже такую, как Анук. Однажды Арина уже попыталась убить, но не сумела. И черная обуглившаяся рука, припорошенная дорожной пылью, теперь нет-нет да и снится ей в кошмарах. Уже не так часто, как раньше, но все равно... С совершенным злом нелегко ужиться. Можно придумать себе оправдания, можно в них даже верить, но жить с этим тяжело...

– Ты уверена? – По глазам Марго было видно: идея идти вдвоем ей не нравится. Она бывалая разведчица и вполне справится сама, без какой-то там живой ведьмы.

– Пойдем! – Арина не хотела спорить. Только не в этот глухой полуночный час, только не накануне предстоящего боя. – И, пожалуйста, давай без самостоятельности.

Вместо ответа Марго лишь возмущенно хмыкнула и исчезла.

– Спасибо за понимание, – буркнула Арина и сошла с гравийки.

Земля под ногами слегка пружинила. Как на болоте, подумалось нехотючи, и по спине пробежал холодок. Или это был просто налетевший с реки ветерок?..

Домик был крошечный: одна дверь, одно окошко. Сараюшка, а не избушка. Будка для хранения лодки и рыбацких снастей. Вон и прогнившие деревянные сходни, тусклые на фоне металлического блеска воды. Вон и колышек, к которому привязывали лодку в лучшие, более светлые времена, когда не нужно было готовиться к войне. Марго стояла у окошка. Стояла, не таясь, не опасаясь, что ее могут увидеть. У мертвых свои преимущества. Арине же пришлось пробираться к окошку едва ли не ползком.

– Они обе там, – сказала Марго одними губами, хотя слышать ее могла только Арина. – Саломея жива.

Это хорошо, хоть раз они успели. И если у них получится, Саломея останется жить.

Арина посмотрела в окно, стараясь одним быстрым взглядом охватить все, что творилось внутри. Главное – Саломея. Неподвижное тело, спутанное веревкой по рукам и ногам, так же, как совсем недавно была связана сама Арина. Мешок на голове, из-за которого никак не понять, живая она или мертвая.

– Саломея шевелилась, я видела. – Марго ответила на ее невысказанный вопрос. – Старая ведьма не торопится, я смотрю.

Анук стояла спиной к окошку, лицом к самодельному, сколоченному из досок столу. На нем горели свечи. В их неровном свете тень Анук жила своей собственной жизнью. Длинный нос сделался еще длиннее, спина согнулась, точно под тяжестью неподъемного груза, руки походили на пауков. Если сама Анук была старой, то тень ее казалась вековой.

Словно что-то почуяв, ведьма проворно обернулась. Арина едва успела отпрянуть от окошка, Марго так и осталась стоять столбом.

От реки тянуло холодом, от мокрой травы джинсы пропитались сыростью и липли к ногам. Арина вжалась в стену, кожей чувствуя шарящий в темноте, ищущий взгляд. Только бы стена оказалась достаточно толстой, только бы Анук ничего не почуяла.

Тень выползла из окошка, распласталась на траве в квадрате неровного свечного света, коснулась туфель Марго и медленно, словно нехотя, вернулась обратно. Марго качнулась из стороны в сторону, провела ладонями по лицу, стирая что-то невидимое, но отвратительное, махнула рукой: выбирайся из укрытия, пронесло!

Арина ощупала колени, лодыжки, пробежалась пальцами по волосам, стряхивая с себя страх и оцепенение. Только дети боятся теней. Дети и ведьмы, которые пусть не знают, но догадываются, что тень – это темная частичка души.

«Стоп! Прячься! – зазвенел в голове голос Марго. – Она выходит!»

Некуда прятаться. Да и поздно. Веретено легло в руку, Арина шагнула к открывающейся двери, застыла, прижавшись к стене.

Анук вышла на крыльцо одновременно со своей тенью, втянула воздух широкими ноздрями, нахмурилась – почуяла Марго.

Можно было стукнуть веретеном, но Арина ударила дверью – резко, изо всех сил, как тараном. Анук ахнула, ничком свалилась с крыльца, тень укрыла ее плащом.

– Против лома нет приема! – нервно хихикнула Марго и, наверное, от избытка чувств хлопнула в ладоши.

Рано радоваться. С такими, как Анук, все слишком сложно, банальным ломом их не возьмешь. Арина подходила к неподвижному телу осторожно, как к пришибленной, но недобитой гадюке. Первым делом подобрала упавший на землю кинжал. Холодная сталь так и норвила ужалить. Особенная вещь, родовая, при любом раскладе готовая защищать свою хозяйку.

– Свяжи ей руки, – инструктировала Марго.

– Чем?

– А вот хоть поясом от ее платья. На первое время сойдет, а там

распутаем Саломею и спеленаем эту как следует. Она хоть жива?

Арина присела перед Анук на корточки, всмотрелась в лицо. На виске алела ссадина – след от удара дверью. Против лома нет приема. Жива, но сотрясение мозга ей гарантировано. Арине бы возликовать от скорой и бескровной победы, а на душе по-прежнему лежала каменная плита. Нет чести в такой победе.

– Ты дура, да? – спросила Марго и даже притопнула ногой. – Вспомни, скольких она убила, эта гадина! Она меня убила! Я бы на твоём месте ее прямо сейчас камнем по башке, и концы в воду...

– Перестань! – Поясом Арина связала Анук руки, проверила крепость пут. – Пусть с ней разбирается полиция.

– Точно дура! Пусть полиция разбирается с ведьмой! А мне ты что прикажешь делать? Я устала! И не хочу тут оставаться. Я, может, отбыть желаю. Да не могу! Вдруг, когда она сгинет, меня отпустит? Что мне делать, я тебя спрашиваю!

– Проверь, как там Саломея. Сделай доброе дело.

– Добрыми делами вымощена дорога в ад! – Марго злилась, но Арина понимала: от страха, а не из-за черноты души.

– Не в этом случае. Сходи, посмотри.

С Анук нужно было что-то делать, оставлять ее снаружи опасно, даже связанную и обезоруженную. Кто знает, какое у нее еще есть оружие, у старой ведьмы с вековой тенью. Самое разумное – отнести ее в домик, чтобы была на виду, когда очнется. А там, может, Саломея подскажет, как правильно поступить.

В домике сильно пахло свечным воском и едва заметно – рыбой. Арина кое-как пристроила Анук у стены, еще раз проверила крепость пут и только потом подошла к лежащей на грязном полу Саломее, сдернула мешок.

На глазах повязка, рот заклеен скотчем. Платиновые волосы в неровном свете кажутся седыми космами. Бороздки морщин от повязки до скотча и подсохшая кровавая дорожка под носом и на подбородке. Страх меняет человека. А страх неминуемой смерти меняет до неузнаваемости.

Узел на повязке был слишком тугой и никак не поддавался, поэтому Арина просто дернула повязку вниз. У Саломеи были такие глаза... Весь ее ведьмин век отразился в них, все трещинки, сколы и выбоины, опыт прожитых лет, страх перед неминуемым и безмерное удивление.

«Ты?! – читалось на дне ее зрачков. – Это ты пришла меня спасать?! Глупая, маленькая ведьмочка...»

Может быть, потому скотч Арина отдирала безжалостно, наплевав на

возмущенные крики Саломеи. Да, она, глупая маленькая ведьмочка, пришла спасать старую матерую ведьму, когда та со всем своим умом и житейской мудростью угодила в ловушку. И спасла! Хотя кого-то.

– Аккуратнее, – сказала Саломея вместо «спасибо».

– На здоровье! – Не нужна ей эта благодарность.

– Как ты чертовски вовремя! – Саломея завожилась, пытаясь принять более удобную позу. – А я уже подумала: все, пришел мне конец от этой старой дуры. Кстати, где она?

– Там, – Арина мотнула головой в сторону Анук. – Лежит.

– И чем ты ее вырубил? Каким-то особенным заклинанием?

– Дверью.

– Дверью?! Надо же, как просто! А я вот все пыталась по старинке, магией, да только она быстро смекнула. Ну, что ты стоишь? Развяжи меня, пока она не очухалась.

– Ты погляди, какая выдра! Нет бы поблагодарить за спасение, в ножки упасть. – Марго смотрела на Саломею едва ли не с отвращением. – Графиня, футы-нуты...

Что-то изменилось в лице Саломеи, словно легкая рябь пробежала, разглаживая морщины, убирая заломы, подтягивая провисшую кожу, подсвечивая зеленью глаза, наполняя их настороженным удивлением.

– Эта твоя мертвая подружка тоже здесь? – Губы растянулись в улыбке, и кровавая дорожка на подбородке пошла трещинками.

– Да. – Арине не хотелось смотреть ей в лицо. В происходящих с ним метаморфозах было что-то противоестественное, пугающее. – И у нее есть имя.

– Конечно, я помню. Марго, правильно?

– Она знает, как меня зовут! – Марго воздела очи к потолку. – Какая честь для той, которую так и не приняли в Круг!

– Развяжи меня! – велела Саломея, а потом добавила: – Пожалуйста! Я лежу тут черт знает сколько и уже не чую ни рук, ни ног. Пыталась освободиться, но Анук свое дело знает, узлы вяжет как заправский боцман. Ты ее крепко спеленала?

– Нормально.

– Нет, нормально – это не ответ. Ее надо так, как меня, чтобы наверняка. Ну, давай же!

Развязать узел руками не получилось, и Арина взялась за кинжал Анук. Оцарапалась сама, порезала Саломею, но с путами кое-как справилась.

– Это ее? – Саломея смотрела на кинжал с отвращением. – Так и

норовит куснуть. А ты молодец! Это же надо – вырубить дверь! По-простому, безо всяких там затей. Дай-ка, ноги я сама, мне сподручнее.

Арина хотела было возразить, что сподручнее, когда руки не затекли, но не стала, молча протянула кинжал. Саломея справилась быстро, сунула кинжал в ножны, по-бандитски заткнула за пояс. Встала на ноги, притопнула, присела, разгоняя застоявшуюся кровь, а потом спросила:

– Как ты догадалась?

– Что это Анук? – Арина пожала плечами. – Не знаю, как-то само собой получилось...

Чуть прихрамывая, Саломея подошла к столу, оглядела выложенные на нем вещи, покачала головой то ли удивленно, то ли досадливо. Арине стало интересно, что там такое. Теперь, когда самое страшное уже позади, можно проявить любопытство.

– Как она вас заманила? – спросила она и взяла в руки серебряную пепельницу Анук.

– Осторожно! – Саломея забрала пепельницу. – Не играй взрослыми игрушками. Это может быть опасно.

– Какими игрушками? – Свечи недобро потрескивали, чадили. Наверное, из-за сквозняка и сырости. Тут ведь кругом сырость. А рыбой пахнет потому, что на этом самодельном столе ее когда-то потрошили. Вон чешуйки налипли, а вот это бурое – следы рыбьей крови.

На бурое упала капля алого. У Саломеи снова началось носовое кровотечение.

– Как же мне все это надоело! – Из кармана брюк она достала платок, прижала к носу. – Спрашиваешь, какие игрушки? – Из-за платка ее голос звучал глухо. – Да вот хотя бы эта.

Ноготь, покрытый пурпурным лаком, поддел замок на пепельнице, крышечка откинулась. Арина заглянула внутрь. Что там такого интересного?

Ничего – какая-то бурая пыль.

– Вот, – сказала Саломея, и глаза ее озорно блеснули.

«Арина, осторожно! – Голос Марго взорвался в голове, прыснул в стороны острыми осколками, впился в мозг. – Не дыши этим!»

Поздно! Сизое облачко, похожее на табачный дым, уже клубится вокруг, дразнит, щекочет ноздри. Хочется одновременно и вдохнуть, и чихнуть. Не вдыхать не получается.

Саломея улыбается, прижимает к лицу свой платок, но все равно видно, что улыбается. По морщинкам в уголках глаз, по расширяющимся, пульсирующим зрачкам. Саломее весело, а вот ей отчего-то страшно. Так

страшно, что хочется забиться под стол и оттуда по-волчьи выть на луну, жаловаться на горькую ведьмовскую долю.

«Не дыши. Не надо этим дышать». – Голос Марго превращается в шелест, растворяется в плеске воды.

Как же не дышать, когда хочется? Когда легкие горят огнем, а горло сжимается, словно в тисках. Когда не получается говорить, а удаётся только скулить. Уже не по-волчьи даже, по-собачьи. И луна, заглядывающая в распахнутую настежь дверь, крутится юлой, увлекает за собой редкие звезды. От этого мельтешения начинает кружиться голова, а ноги подкашиваются. И падение нельзя смягчить даже руками, потому что они больше не слушаются. Совсем. А щеке колко и холодно. И прилипшая к грязной половице чешуйка сверкает в лунном свете, как бриллиант. Очень красиво, сил нет смотреть на такую красоту. Веки падают, как театральный занавес, наступает темнота. Вот и все, спектакль окончен...

* * *

«...Дуры, дуры... идиотки законченные. Ладно ты – молодая, зеленая. Тебе простительно. А я же бывалая, жизнью битая. Да и вообще мертвая! – Голос Марго жирной осенней мухой жужжал в голове. – Она же мне никогда не нравилась, эта графиня из Задрьпинска! Чуюла я в ней фальшь. Еще тогда, когда они Круг собирали и разглядывали меня, как мартышку цирковую, Саломея мне больше всех не нравилась, даже больше Флоры. Арина! Эй, ты хоть слышишь меня?»

«Слышу, не жужжи», – сказать не получилось, только подумать.

«Вот и хорошо, а то я совсем отчаялась. Как же мы вляпались с тобой! Кто бы мог подумать!»

Все, хватит слушать причитания Марго, нужно открыть глаза. Хотя бы попробовать.

Попробовала – получилось. В окружающей действительности ничего не изменилось: все та же рыбацкая хибара, дощатые стены, грязный пол, чадающие свечи на столе. Что-то изменилось в ее теле. Оно больше не слушалось. И не из-за пут на руках. Пути так себе, с теми, что вязала Анук, не сравнить. Но пошевелиться почему-то никак не получается, разве что чуть-чуть согнуть пальцы. Все остальное точно парализовано. Или в самом деле парализовано? Что с ней случилось перед тем, как она оказалась на полу, приткнутая спиной к шершавой стене, как сломанная кукла? Была серебряная пепельница, полная бурого порошка, был крик Марго «не

вдыхай!». А она все равно вдохнула порошок, превратившийся в дым. И теперь этот дым внутри нее, растекся ядом по всему телу, парализовал.

«Мы ошиблись. – Марго не умела долго хранить молчание. – Это не Анук, а Саломея».

Это не Анук, а Саломея...

Каждое слово тяжелое, как булыжник, того и гляди придавит. В чем они ошиблись? Когда?

– Эй, ну ты как там? – Сначала послышался голос, а потом в поле зрения появилась тень, приблизилась, превратилась во внимательную, сосредоточенную Саломею. – Хорошо шарахнул тебя порошок Анук? Пожалуй, он даже покруче двери. Хотя, признаюсь, это было не так эффектно, зато надежно. Я после такого вот порошочка пять часов бревном валялась. Но ты же у нас особенная, возможно, очухаешься чуть раньше, но час у нас на разговоры точно есть. Знаешь, как иногда хочется выговориться, объяснить, что все не так, как кажется. Что на самом деле все намного сложнее. А никто не догадывается. Все кругом такие умные, уникальные, только дальше своего носа ничего не видят. И даже на пороге в иной мир не защищаются, а лишь удивляются. Представляешь?

Что тут представлять? Она и сама была такой. Не видела ничего вокруг себя, не верила словам Волкова. А ведь если бы поверила, если бы позволила себе хоть на секунду задуматься, то, возможно, не совершила бы такой непростительной, фатальной ошибки. Волков твердил, что Альбина и Софья убили себя сами и Марго тоже никто не удерживал под водой силой. А Арина не верила, она видела перед собой мертвую Флору, улыбающуюся жуткой улыбкой, плачущую кровавыми слезами, и не верила, что такую смерть можно принять по доброй воле.

Можно. Если перед тобой вот так же близко, как сейчас, стоит не просто убийца, а морочница, способная навести морок, заставить принять смерть добровольно, с радостью. И с ней будет так же. Зачем марать руки, если жертва готова сделать все сама?

– Догадалась? – Саломея улыбнулась. – По глазам вижу. Вот только жаль, что так поздно. Правда ведь?

Она не стала отвечать. Саломее прекрасно удавался диалог с самой собой.

– Небось думаешь, что и тебя такое ждет.

Думала, но снова промолчала.

– К сожалению, с тобой так не получится, на тебя мои штучки не действуют. Легендарная черная кровь! – Она снова улыбнулась, но как-то криво. – Кому-то кровь достается черная, а кому-то белая. Нет в этом мире

никакой справедливости.

Она немного помолчала. Арина скосила взгляд на Анук. Та по-прежнему лежала неподвижно, и винить в этом нужно только ее, Арину, глупую маленькую ведьму, дуру, неспособную отличить черное от белого.

– Но убить тебя мне все равно придется, только на сей раз самой. – Саломея достала из ножен кинжал, полюбовалась отблесками света на лезвии. – Чик! – Она взмахнула рукой, кинжал со свистом рассек воздух, язычки пламени дернулись и едва не погасли. – Будет много крови. Говорят, смерть от кровопотери самая гуманная. Вот и посмотрим.

«Может, мне чем-нибудь стукнуть ее по башке?» – раздался в голове голос Марго.

Чем? Что такое тяжелое сможет поднять призрак? Что тяжелее ножа для резки бумаги, который она роняла раз тридцать, пока донесла.

Марго поняла, ссутулилась, опустилась на пол рядом с Ариной.

– И Блэк снова где-то шляется, когда нужен здесь и сейчас. Мы бы с ним вдвоем...

Да, вдвоем с Блэком они отвлекли Бабая, но Саломея – не Бабай. Эта опытная ведьма куда хитрее и осторожнее.

– Я чувствую, твоя мертвая подружка мутит воду! – Саломея усмехнулась и легким, неуловимым движением метнула кинжал.

Вороненая сталь прошла сквозь Марго и впилась в стену. Марго зашипела, с кошачьим проворством метнулась в сторону, но было видно, что ей больно. Особые вещи могут причинить боль даже призраку.

– Гадина! – Марго по-паучьи сучила руками, пытаясь прикрыть образовавшуюся в животе дыру. – Ты еще пожалеешь!

Саломея потянулась, не без усилия выдернула кинжал, швырнула его на стол.

– Это странно, – сказала она задумчиво. – Раньше я вообще не ощущала ее присутствия, а теперь, кажется, вот-вот увижу.

Это потому, что мертвое стало чуть менее мертвым после того, как они замкнули теневой Круг. Интересно, Саломея знает про Круг?

– Она мне никогда не нравилась, даже при жизни. Обыкновенная выскочка из низов.

– А ты прямо столбовая дворянка! – прошипела Марго. Дыра в ее животе уже начала затягиваться.

– И талант какой-то плебейский. Гадание на картах!

– Я пророчила! Ясно тебе, старая дура?!

– Она пророчила, – повторила Арина, чтобы поддержать Марго.

– И допророчилась. Марго, слышала бы ты себя! Та умрет, эта умрет,

третья восстанет из праха, чтобы рассказать о своем убийце.

– Кто восстанет? – Арина не удержалась от вопроса.

– Надо думать, что Марта. Это ведь ее откопала Анук. Чем не восстание из праха! Дом Марты я почистила, сделала все, чтобы казалось, что она просто уехала. Забыла сущий пустяк: не проверила карманы ее костюма, зарыла без обыска. А в кармане оказалось вот это, – брезгливо, двумя пальцами, она взяла со стола небольшой блокнот. – Записная книжка с расписанием встреч. Угадай, кому было назначено в день ее исчезновения?

– Вам.

– Мне. Мертвая восстала и предъявила Анук вот эту гадость! – Она отшвырнула блокнот. – А Анук в отличие от тебя не дура. Она быстро смекнула, что к чему. Вот кого нужно было убирать первой!

– Зачем?

– Что – зачем?

– Зачем вы убиваете? – В любом действии должен быть смысл. Даже Бабай, патологический убийца, старался не отнимать жизнь без нужды. А у него нужда, да еще какая...

– Вот ты мне и скажи, это ведь ты у нас особенная. – Саломея поморщилась, признавать чью-то исключительность было не в ее правилах. – Когда ты подозревала Анук, чем ты оправдывала ее действия?

– Такое нельзя оправдать.

– Перестань. При желании можно оправдать все, что угодно. Так почему ты подозревала Анук?

– Она старая.

– Хорошо. Уже теплее. – Саломея ободряюще улыбнулась. Так улыбается терпеливая учительница нерадивому ученику.

– Ее силы иссякали. И жизненные, и ведьмовские.

Пусть... Если Саломея хочет поговорить, она будет разговаривать. Время – ее союзник. Возможно, порошок Анук не будет действовать так долго, как рассчитывает Саломея. И тогда у нее появится шанс. Хоть крохотный – любой.

– Ведьмовские силы не могут закончиться, детка. Чем старше ведьма, тем она сильнее. Это как коньяк. А вот жизненные... Тут ты попала в точку. Видишь ли, какая досада... Вот ты можешь горы своротить, мужики падают к твоим ногам штабелями, деньги у тебя есть, драгоценности. Одного нет – здоровья. – Лицо Саломеи окаменело, сколы и трещинки проступили на нем с новой силой, просочилась сквозь поры желтушность, ввалились глаза, заострились скулы, а роскошные платиновые кудри,

казалось, вмиг свалялись, превращаясь в седые патлы. Морок. Морок, наброшенный на саму себя. Вот только себя не обманешь.

– Что это? – Арине бы отвернуться, не видеть это стремительное увядание, но она смотрела во все глаза.

– Это то, с чем не может справиться ни одна ведьма. Лейкоз – предвестник грядущей смерти. А умирать не хочется. – Лицо-маска снова изменилось, подтянулось, помолодело. – Ты знаешь, как хочется жить, когда весь мир у твоих ног? Знаешь, на что можно пойти ради спасения собственной жизни?

– Да, на убийство.

– Убийство. Как пошло! – Саломея взмахнула рукой. – Это не убийство, а естественный отбор. Выживает сильнейший. Самый сильный, самый приспособленный.

– Вы?

– Я! И не смотри на меня так! Много ты понимаешь, девчонка! Я не сразу стала такой. Я боролась, пыталась справиться обычными средствами, человеческими. Казалось бы, если есть деньги, можно решить любую проблему. Да вот не любую! Мне сказали, надежды нет. В пяти разных клиниках, пять разных врачей, на пяти разных языках. Пересадка костного мозга не поможет, химия лишь продлит страдания. Когда в твою жизнь стучится смерть, деньги превращаются в бесполезные бумажки. Мне обещали полгода. Я живу уже два. И поверь, врачи тут ни при чем. Я живу на своих собственных «ведьмовских» резервах.

– И убиваете себе подобных.

– Как меня бесят глупые идеалисты! – Саломея досадливо тряхнула головой. – И она была такой же. Марта. Она одна знала, ей одной я открылась. Она же врач. Говорили, очень хороший. Двадцать лет работы гематологом, пятнадцать лет восточных практик, целительский дар с самого рождения. Только она одна могла мне помочь. И помогала: травы, заговоры, китайские штучки. Мне становилось легче. Ненадолго. А потом все возвращалось, становилось еще хуже, страшнее. И самое ужасное, я понимала, кожей чувствовала, что может быть по-другому, что есть средства, которые позволят мне исцелиться не на время, а навсегда. Я догадывалась, что Марта знает, как это сделать без травок, заговоров и китайской фигни. Знает, но не рассказывает. «Саломея, потерпи еще немного, я что-нибудь придумаю!» – вот что она говорила! Каждый раз лгала, глядя мне в глаза. И тогда я подумала: «Какого черта? Я же морочница!» – Она дернула ворот рубашки, выпростала камеею, погладила с нежностью, улыбнулась: – Я морочница, и у меня есть вот это. На случай,

если собственных сил не хватит. Но их хватило, Марта заговорила. Оказалось, что я была права – есть решение, и Марта о нем знает.

– Убийства...

– Молчи, не перебивай! Ты беспородная шавка, которой дар достался по нелепой случайности. Тебе меня не понять, но хотя бы попытайся.

Краем глаза Арина видела, как Марго, склонившись над бесчувственной Анук, покачала головой – все по-прежнему.

– А ты стой на месте! – взвизгнула Саломея и потянулась за кинжалом. – Если не хочешь всю оставшуюся ночь штопать дыры в своем брюхе.

Марго замерла, вопросительно глянула на Арину.

«Ты можешь уйти, – не сказала, а подумала она. – Тебе незачем здесь оставаться».

– Ну уж нет. – Марго раздраженно дернула плечом. – Я хочу увидеть, как она сдохнет.

– Поболтали? – осведомилась Саломея. – А теперь заткнитесь! Обе!

Она прошла от стенки до стенки. Восемь шагов туда, столько же обратно. Потерла виски и продолжила другим, совершенно спокойным тоном:

– Большие блага и тайны не даются малой кровью. Платить нужно за все. В моем случае можно было заплатить чужой силой. Ты слышала про девять жизней кошки?

Арина кивнула, украдкой попыталась пошевелиться. Ничего. Лишь лежащие на коленях пальцы чуть заметно дрогнули. Порошок Анук действовал безотказно.

– А про то, что у ведьмы, как и у кошки, тоже есть девять жизней? Я израсходовала почти все свои, когда боролась с болезнью. Песок в песочных часах практически закончился. Время вышло. Но если отнять жизни у других ведьм, все чудесным образом наладится. Проблема тут только одна: ведьма – редкий зверь. Я знала лично семерых, тех, кто входил в Круг. И Марта была одной из них. Ей просто не повезло. Признаюсь честно: убивать нелегко. Что бы там про меня ни говорили, все мои мужья умерли своей смертью. Чтобы не ждать слишком долго, нужно выходить замуж за старика. Переполненное любовным томлением стариковское сердце – очень хрупкий механизм. – Саломея улыбнулась. В ее улыбке была нежность Черной вдовы.

– Но ты все равно убила, – раздался скрипучий голос.

Арина вздохнула с облегчением – Анук пришла в себя.

– И снова здравствуйте! – Саломея отвесила театральный поклон. –

Теперь уже точно все в сборе. Так даже интереснее. Кстати, как тебе твоя протезе? Хорошо она тебя приложила, старую дуру!

– Простите. – Арина скосила взгляд на Анук.

– Ничего, девочка, я сама виновата.

– Конечно! – подхватила Саломея. – Ты чуть все не испортила. А вот скажи честно, Анук: ты в самом деле собиралась меня убить? И рука бы не дрогнула?

– Не сомневайся. – Анук попыталась сесть, но у нее ничего не вышло.

– И эта женщина смеет читать мне нотации!

– Ты убийца!

– Поневоле. Я защищала свою жизнь. Уж как умела, извини.

– Марта тебя любила. Она была лучшей из нас. – Анук закашлялась и тут же поморщилась, наверное, из-за головной боли.

– Да, – Саломея кивнула. – Я ее тоже по-своему любила, но она посмела решать, каким станет мое будущее. И в отличие от нее я оказалась куда милосерднее. Марта умерла без мучений, просто использовала обратную сторону своего дара. Я с трудом поверила, что это получится, что обычной иглой можно убить.

Не обычной, а акупунктурной. Можно убить, можно разбудить уснувшую Ци, если знать, как это делается. Она, Арина, теперь знала. Крошечная точка, которую нельзя увидеть, но можно почувствовать, ощутить под пальцами мерное биение жизни. И если воткнуть иглу на нужную длину, а потом слегка повести в сторону, уснувшая, почти мертвая Ци проснется и вернутся отнятые силы. Как обидно! Она держала в руках свое спасение – железную коробочку с золотыми иглами. А потом уронила...

Надежда блеснула золотистой искоркой в отвороте рукава куртки. Не все иглы рассыпались, одна воткнулась в ткань ветровки. Вот только дотянуться до нее никак не получится. Видит око, да зуб неймет...

– И знаешь что? – донесся словно издалека голос Саломеи. – Когда Марта умерла, когда я своей волей заставила ее умереть, мне стало хорошо. Так, как не было уже много лет. Я ошалела от счастья. Наверное, поэтому допустила ошибку, не обыскала одежду Марты, перед тем как ее похоронить.

– Закопать, – оборвала Анук. – Ты закопала Марту на пустыре, среди строительного мусора, как собаку.

– Пусть так. – Саломея небрежно махнула рукой. – Главное – своего я добилась. Ты можешь не верить, но тогда я решила, что жизненных сил Марты окажется достаточно и мне не придется убивать остальных.

– Зарекалась лиса в курятник ходить, – невесело усмехнулась Анук.

– А вы и были курами! Безмозглыми птицами без чувства самосохранения. Все так хорошо сложилось, я постаралась, чтобы все думали, будто Марта просто уехала, но Флора не поверила, стала задавать опасные вопросы. Рано или поздно она бы взбаламутила вас, весь курятник. И ты первая, – Саломея ткнула пальцем в Анук, – бросилась бы ей помогать. Поэтому в том, что случилось, виновата только она сама. Флора оказалась крепким орешком. Подумать только, спонтанная видящая – какая-то мелочь, не стоящая хлопот! Но с ней пришлось повозиться. Она не желала умирать...

– Столь ужасной смертью? – шепотом спросила Арина. – Зачем было так... жестоко?

– Видишь ли, детка, – Саломея поглядела на нее снисходительно и чуть насмешливо, – в магии есть своя аллегоричность. Мало просто убить, нужно сделать это так, чтобы отнять силу максимально эффективно. Я решила, что в том есть зерно здравомыслия. Кстати, практика это подтвердила. Я не стала видящей после смерти Флоры, но почувствовала себя более сильной. Есть только одно «но». От такого мощного притока энергии сносит крышу. И чем прицельнее выстрел, тем серьезнее отдача. Я не разобралась с телом Флоры сразу, просто не подумала в тот момент, что нужно заметать следы.

– Зато с Мартой все прошло как по маслу, – язвительно сказала Анук.

– Ты ничего не знаешь. Я провела с ее телом почти целые сутки – прежде чем пришла в себя. Это такое ощущение... непередаваемое. Как наркотик. Поэтому я бросила Флору, уехала. А когда вернулась, тело исчезло. Можете представить мое изумление? Я ведь тогда еще не знала, что у Флоры есть чокнутый братец и что его появление так сильно облегчит мне задачу.

Арина слушала очень внимательно, не пропуская ни единого слова, а сама не сводила взгляда с иглы. Как бы добраться?..

«Марго! – позвала она мысленно. – Мне нужна твоя помощь».

Марго не ответила, но посмотрела так, что стало ясно – она слышит и готова слушать дальше.

«Видишь иглу в моем левом рукаве?»

«Иглу из коробки Марты?» – Марго кивнула.

«Я до нее не дотянусь, а она мне очень нужна».

«Как нож для бумаги?»

«Да!»

«Я постараюсь».

Марго сидела в метре от нее. Если двигаться медленно, очень медленно, Саломея ничего не заметит.

«Только не спеши».

– Что происходит? – Саломея присела перед ней на корточки и подозрительно сощурилась: – Что у вас тут за переговоры?

Кровь ударила в виски, черная ведьмакова кровь заставила думать очень быстро.

– Марго хочет знать, почему вы ее убили.

– Ну конечно! – Саломея улыбнулась. – Каждую букашку интересуется такой важный вопрос, как собственное бытие.

– Гадина! – прошипела Марго и придвинулась чуть ближе к Арине.

– Девять жизней. – Саломея ничего не почувствовала. – Чтобы исцелиться, нужно отнять девять жизней. Я могла добраться только до семерых, а тут такое везение – новая претендентка! Ну, признайся же, – она посмотрела на Анук, – Маргоша и тебя очень интересовала. Ты старая, тебе тоже нужна подпитка.

– Только в отличие от тебя я никого не убивала. – Анук, даже связанной по рукам и ногам, удавалось выглядеть невозмутимой.

– Да, ты всего лишь тянула из них силы через Круг. Так благородно! А когда пропала Марта, привела новенькую, откровенно слабую, никчемную ведьму.

– Я ее убью, – сказала Марго и придвинулась к Арине еще ближе.

– С паршивой овцы хоть шерсти клок. Тут я с тобой полностью согласна. – Саломея выпрямилась, отошла к столу. – Однако Флора не забыла обиду из-за того, что мы не стали искать Марту, поэтому решила взбрыкнуть. – Она перевела взгляд на Марго, словно и в самом деле могла ее видеть. – Представляю, как тебя задел отказ! Задел до такой степени, что от обиды и злости проснулся настоящий дар. Была никчемной гадалкой – стала пророчицей! Просто гигантский скачок вверх по иерархической лестнице.

– Как я ее ненавижу! – Рука Марго легла на Арино запястье, пальцы подцепили иглу, потянули.

– Вот только пророчество получилось слишком уж мрачным. Ты фактически озвучила план моих дальнейших действий, предрекла скорую смерть почти всем ведьмам Круга. Кому такое понравится? Да и про Марту могла сболтнуть лишнее в своем прорицательском порыве. Пришлось заткнуть.

– Мне уже тогда следовало догадаться, – сказала Анук. – Пророчество нельзя прерывать, а ты вмешалась.

– Тебе простительно, ты уже почти в маразме.

Даже в полумраке, царящем в домике, Арина увидела, как сверкнули черные глаза Анук. Как бы не пожалеть Саломее о своих словах!

– Ой... – Золотая игла выскользнула из пальцев Марго и упала на пол в нескольких сантиметрах от щели между половицами.

«Марго, миленькая, осторожно!»

– Сейчас, сейчас... Прости. Да не смотри ты сюда... не привлекай внимание!

– Это ведь вы отправили Марго сообщение с телефона Флоры? – Арина уже знала ответ, но решила еще потянуть время.

– Я же говорю, все вы глупые, любопытные куры. У меня даже не было сомнений в том, что она придет.

– Но как вы ее убили? – Арина старалась не смотреть в сторону Марго, изо всех сил борясь с желанием проверить, как там игла.

– Пророчество отнимает силы. А самое первое пророчество в этом смысле особенно опасно. Она уже валялась без сознания, когда я пришла к пруду. Как сказала Ксения, у нее был диабет и сахар в крови упал. Собственно, мне оставалась самая малость: столкнуть Маргошу в пруд. Вот вам и смерть в результате несчастного случая. Очень удачно все получилось.

– Она забрала мои карты, – сказала Марго таким тоном, словно факт этот был серьезнее убийства.

– Зачем вам понадобились ее карты?

– Я уже говорила, с паршивой овцы хоть шерсти клок. – Саломея передернула плечами, как от холода. В домик заползал туман, распластывался по полу, забивался в углы и под одежду. – Что взять с такой вот прорицательницы? Только карты. Бесполезная штука, я тебе скажу. У меня они не работали.

– Потому что ты гадина! – процедила сквозь зубы Марго.

– И особенного прилива сил, как в случае с Мартой или Флорой, я не почувствовала. Так, легкий хмель. Думаю, из-за того, что на момент смерти она была истощена. Одним словом, шкурка выделки не стоила.

– Я бы твою шкуру выделала! – Арина физически ощущала исходящую от Марго ярость.

«Успокойся! Не сейчас...»

– Я спокойна. Смертельно спокойна! – Марго улыбнулась.

Лучше бы не улыбалась, такой страшной была ее улыбка. На мгновение Арине показалось, что вернулась прежняя Марго, безумный неупокоенный дух. Но дрогнуло пламя свечей, колыхнулась

полупрозрачная кисея тумана, и безумие во взгляде подружки растворилось.

– А потом оказалось, что дело исполнено не до конца. – Саломея уперлась поясницей в край стола, скрестила руки на груди. – Кое-кому из этих дур пришла в голову дивная идея вызвать нашу мертвую пророчицу на посмертный допрос. Им было мало уже услышанного. Они жаждали продолжения.

– И вы ее не пустили! Это ведь вы, а не Анук, рассыпала на кладбище заговоренную соль!

– Очень удобно быть морочницей, особенно сильной. – Саломея кивнула. – В транс впадают не только простые смертные, но и ведьмы. Мне и нужно-то было всего секунд тридцать. А откуда ты знаешь про соль? – Она вперила в Арину внимательный взгляд.

– Это я ее научила, – вмешалась Анук.

– Зачем вы так поступили прошлой ночью? Почему отрезали от меня Марго?

Взгляд, прежде чем остановиться на Анук, скользнул по полу. В наползающем тумане игла была почти не видна. Так же, как и пальцы Марго.

– Для вашего же блага. Если бы той ночью Марго напала на тебя, а так бы оно и случилось, ты бы ее убила.

– А если бы она не получила то, что ей нужно, потеряла бы память.

– Лучше потерять память, чем душу. – Губ Анук коснулась слабая улыбка. Старая ведьма вообще была поразительно спокойна. Особенно принимая во внимание ситуацию, в которой они оказались.

– Есть! Я держу ее! – Рука Марго с зажатой в пальцах иглой вынырнула из тумана.

Арина едва сдержала вздох облегчения. Рано радоваться, самое тяжелое еще впереди.

– Все равно я не понимаю. – Внимание Саломеи нужно рассредоточить, отвести глаза. – Зачем вы опоили меня своим зельем? Потом заперли в подвале?

– Вот! – В правую руку вонзилось что-то острое. – Держи крепче, потому что я ее сейчас уроню.

Двумя пальцами, осторожно, но в то же время крепко, она сжала основание иглы. Вдохнула – выдохнула.

Туман наползал, просачивался сквозь щели в полу, поднимался все выше, до коленей. Туман был ее сообщником.

– Как интересно получается! – Саломея хлопнула в ладоши. – Оказывается, я зря волновалась. Вы подозревали друг друга.

– Я подозревала тебя. – Голос Анук звучал ровно, даже словно бы сонно. – С того самого момента, как учуяла, чем пахнет твоя кровь.

– И чем же? – Саломея подалась вперед.

– Гнилью. Близкой смертью. Вчера после визита к психиатру я поняла, что ты очень больна.

– Надо же! Да ты у нас, оказывается, тоже тонкий диагност! – Пальцы Саломеи коснулись крыльев носа, пробежались по щекам к подбородку, повторяя путь кровавых дорожек.

– Ты специально использовала слишком много духов, чтобы я не учуяла. – Анук словно ее и не слышала.

– Но твой легендарный нос не обманешь.

– Да, – Анук снова усмехнулась. – А теперь скажи, к кому пойдет больная ведьма, когда обычные врачи ей уже не в состоянии помочь? – И сама же себе ответила: – К целительнице, которая внезапно исчезла.

– Это ваше дело... Прошлой ночью вы искали тело Марты, – догадалась Арина, – потому и взяли ее пеньюар!

– Искала. И нашла. И даже посмела нарушить ее покой, чтобы найти ответы. Марго оказалась очень хорошей пророчицей. Мертвая восстала из праха...

– Нечего поэтизировать банальности! – поморщилась Саломея. – Скажи уж прямо: ты нашла записную книжку Марты.

– Я нашла подтверждение своим подозрениям.

– Но зачем было связывать меня? Я ведь вас подозревала, я вас едва не убила!

– Не убила же. – Анук едва заметно повела плечом. – А остальное я переживу.

– Девочки, боюсь вас разочаровать, но эту ночь не переживет ни одна из вас. – Саломея многозначительно глянула на свои наручные часы.

– Когда я поняла, что это она, – Анук смотрела только на Арину, – то приняла очень важное решение.

– И снова демагогия! – перебила ее Саломея. – Скажи уж как есть: ты решила меня убить. И вот это все, – она похлопала по столу, – нужно как раз для убийства. А тебя она сунула в подвал, чтобы не мешала. Да вот только не учла, что ты такая приткая. Кстати, я должна сказать тебе спасибо. Если бы не ты, я бы уже лежала на этом столе, выпотрошенная, как жертвенный агнец.

– Ты не агнец!

Игла царапнула кожу, и Арина сжала ее покрепче. Теперь не отвлекаться, думать только о пульсирующей золотой точке, той, что

пробуждает энергию и дарит силы, попробовать ее увидеть так, как Марта.

– Я пыталась тебя уберечь, защитить от нее. – Голос Анук стал тихим, едва различимым. – С тех пор как она узнала, что ты истинная, ты стала главной ее целью. И она бы справилась с тобой, девочка. Несмотря на черную кровь, несмотря на все твои силы, сейчас ты очень уязвима. Недостаточно быть инициированной кровью, нужно уметь пользоваться дарованной силой, а ты не обучена даже азам. И времени на обучение не было. Я решила, что ты мне помешаешь, я вполне могла справиться сама. Я бы вернулась за тобой, когда все закончилось.

– Да, вышло все иначе! – Саломея усмехнулась. – Но в одном ты права. Силы истинной ведьмы вполне может хватить для полного исцеления. Наверное, если бы я узнала о существовании девчонки чуть раньше, никто бы не пострадал.

– Никто, кроме меня, – уточнила Арина.

Туман поднимался все выше. Ариныны коленки казались островами в сизом туманном море, а руки... их она почти не видела. И это хорошо, потому-то и Саломея их не видит. Ни рук, ни золотой иглы. Всего пара секунд, чтобы настроиться, почувствовать, где оно, средоточие жизненных сил, волшебное «сезам», открывающее шлюзы для энергии. Ошибиться нельзя.

– Чем-то ведь нужно жертвовать. – Саломея пожала плечами. – То есть кем-то. Но сейчас я не собираюсь рисковать. Я убью вас обеих, а когда Ямаха вернется из своего байкерского путешествия, ее тоже. И будет у меня девять жизней. Или восемьдесят одна? А, Анук, ты как считаешь, сколько ваших жизней в итоге мне достанется? По одной или по девять?

– Смотри, как бы тебе не подавиться. – Анук снова смотрела только на Арину, и во взгляде ее было... Что? Понимание? Одобрение?

– Будет очень тяжело. Думаешь, я этого не понимаю? Вы обе самые сильные, отдача получится такая, что, возможно, придется собирать себя по кусочкам, но когда я соберу... – Саломея мечтательно улыбнулась.

Игла вошла в кожу совершенно безболезненно. Арина даже не сразу поняла, что она вообще вошла, надавила чуть сильнее. Ее вели чужие знания и чужой опыт, даже собственные ощущения казались чужими, но она была уверена, что все делает правильно. Силы, пусть даже и ведьмовские, это та же энергия, только трансформировавшаяся в нечто особенное, непонятное. А значит, чтобы вернуть силу, ей нужно разблокировать энергию, прочистить каналы, меридианы, чакры... Или что там еще забил порошок Анук! И золотая игла – как золотой ключик, который открывает самую важную, самую заповедную дверь. Ключик

нужно повернуть.

Она повернула. И почувствовала, как все изменилось, стало ярче, громче, острее. Туман распался на мельчайшие капельки, и в каждой капельке Арина видела свое отражение, чувствовала движение крови по сосудам и спасительное тепло, которое она дарила. И боль, рождающуюся в оживающих мышцах, она тоже чувствовала. Впервые Арина радовалась боли.

– Получилось? – Марго смотрела на нее с надеждой. Не знала, что именно должно получиться, но уже радовалась.

«Не пойму пока».

Тело оживало, но очень медленно. Слишком медленно. Поднять руки с коленей до сих пор не получалось. Ей нужно время. Знать бы еще сколько.

– Кстати, о кладбище. – Саломея рассеянно потеряла переносицу. – Ты была там вместе с Марго?

– Да.

– Но при этом не заметила, кто именно рассыпал соль. Значит, мой морок тогда подействовал и на тебя тоже. – Саломея присела перед ней на корточки. – Выходит, я могу попытаться сделать это с тобой еще раз.

Ее лицо было так близко, что, если бы у Арины получилось протянуть руку, она бы до него дотронулась. Трещинки, морщинки, сколы... то появляющиеся, то исчезающие, стираемые невидимым ластиком. Платиновые волосы виснут седыми патлами и снова собираются в безупречную прическу. Только глаза остаются неизменными: холодные, колючие, с пульсирующими зрачками.

Голова закружилась, мир поплыл, но через мгновение наваждение исчезло, мир стал прежним, отчетливым, словно с него сдернули упаковочную пленку.

– Да, не получилось, – сказала Саломея с легкой досадой и вернулась обратно к столу, чтобы тут же как ни в чем не бывало продолжить: – Ты быстро учишься.

– Флора не пришла на похороны Марго, потому что к тому времени вы ее уже убили? – спросила Арина.

– Видящую, да еще такую, которая задает очень неудобные вопросы, нужно убирать первой.

– А потом пришел черед Альбины и Софьи.

– Эти идиотки решили вызвать Марго своими силами. Хорошо, что у Альбины не хватило мозгов держать все в тайне. Она мне позвонила, и я просто приняла меры. По уму, нужно было дожидаться и Софью, но похмелье... Я решила не рисковать, и все сложилось как нельзя удачнее.

Когда нашлась Альбина, ты, Анук, позвонила мне, рассказала, что вы едете к Флоре. И я тоже примчалась туда. Как же можно бросить подружек в беде! Я даже пошла вас искать, а в лесу наткнулась на Софью. На ловца и зверь бежит.

– Значит, Софью тоже убили вы? – Ответ был очевиден, но Арина все-таки спросила.

– Конечно, я, – Саломея кивнула. – А вы подозревали того сумасшедшего? Думали, это ненормальный братец Флоры всех убивает? Видишь, я же говорила, что с ним все вышло как нельзя лучше. Вы переключились, и я почти перестала опасаться за свою старую шкуру. Помнишь, Анук, ты тогда еще спросила, не пьяна ли я? А я как раз и была пьяна от переполнявшей меня силы. Если бы ты была чуть более внимательна, если бы не заикливалась на безумном охотнике за ведьмами, то догадалась бы уже тогда. Ну, что ты молчишь?

В клубящемся тумане лежащую Анук почти не было видно. Саломея рывком подняла ее с пола, привалила спиной к стене, как и Арину.

– Вот так, пожалуй, лучше, – сказала морочница, глядя на старую ведьму сверху вниз.

– Ты тоже допустила ошибку. – Анук поморщилась. – Когда вывозила вещи из дома Марты, забыла заглянуть в стиральную машину. Для чующей нет ничего лучше нательного белья. Я нашла ее могилу и вспомнила пророчество Марго. Мертвая восстанет из праха...

– Если уж быть честной, я допустила еще один промах: не заподозрила неладное, когда ты вызвала меня на серьезный разговор и стала потчевать своим кофе. Я тогда даже обрадовалась, подумала: «Вот он, шанс добаться до старой, хитрой Анук! И заманивать никуда не придется». А потом бац – словно по башке меня шарахнул этот твой особенный кофе. Отключилась, а в себя пришла уже в этом хлеву, с пыльным мешком на голове, с кровянкой под носом. Думаешь, я тебе такое прощу? Думаешь, позволю уйти легко и безболезненно? Так вот – зря! Подышать ты будешь в адских муках, это я гарантирую!

– В моем возрасте глупо бояться смерти. – Анук повела плечом, голос ее звучал отстраненно, даже равнодушно. – Не переживай за меня, неразумная. Переживай за свою душу.

– Вот за что я тебя не люблю, так это за вечные нравоучения. Всю жизнь ты меня воспитывала! То не делай, так нельзя, это не по совести. Надоело!

Руки Арины чуть шевельнулись, приподнялись в воздух на пару сантиметров, но тут же снова упали на колени. Слишком медленно, а

терпение Саломеи уже на исходе. И ее настоящее лицо больше не прячется за маской морока, зеленые глаза горят голодным блеском. Такая переварит любую силу, съест и не подавится. С кого начнет?

– По-хорошему, мне следовало бы убить твою протееже прямо у тебя на глазах, – Саломея перешла на вкрадчивый шепот. – Чтобы последним, что ты запомнила в этой жизни, оказались ее предсмертные хрипы. Но нужно быть реалистом. Она хоть и сильная, но опаснее для меня все-таки ты. Значит, с тебя и начнем.

...Черная тень в дверном проеме припала к земле, готова напасть. Блэк пришел, не оставил хозяйку в беде. Хороший мальчик.

И Саломея тоже готова напасть, проверяет остроту кинжала, откладывает в сторону, тянется за камеей.

– Последний вопрос...

Вот и конец. Все игроки уже на исходной: Блэк в дверях, Марго с беззвучным шипением выпускает черные когти, скребет по черепушке. Мертвый пес и мертвая ведьма снова готовы забыть о взаимной неприязни, готовы ее защищать. Вот только что их силы против сил Саломеи? Не хватает еще игроков... определенно, не хватает. И сама она не готова. Черная кровь, убаюканная порошком Анук, просыпается очень медленно, не спешит защищать, делиться вековой ведьмовской мудростью. И веретено, родовая вещь, не у нее, а на столе. Лежит сиротливое, на первый взгляд совершенно безопасное. Ей бы веретено, с ним дело пошло бы веселее.

– Какой вопрос? – Камея качнулась из стороны в сторону. Тик-так...

– Почему никто не попробовал призвать других убитых ведьм, чтобы спросить у них самих, кто их убил?

Ей и в самом деле было интересно. Это ведь так логично, если можно призвать Марго...

– Глупая, – Саломея коротко хохотнула. – С ведьмами Круга этот номер не пройдет. Умерла, значит, умерла, освободилась от земных проблем и обязательств. Ты думаешь, кому-то хочется добровольно становиться неприкаянным духом? Спроси у своей мертвой подружки, рада ли она тому, что с ней случилось, хочется ли ей быть неупокоенным духом.

– Я больше не неупокоенный дух, – сказала Марго с мрачной усмешкой и запустила в Саломею черепушкой.

Блэк, словно того и ждал, сорвался с места, в один гигантский прыжок оказался у стола. Волчьи челюсти сомкнулись на руке, сжимающей камею. Арина не поняла, испытала ли Саломея боль, но что-то она определенно почувствовала, взмахнула свободной рукой, защищаясь от невидимого

врага.

– Не смей! – крикнула она Марго, уже примеряющейся к ее шее.

– Ага, сейчас!

Черный коготь прочертил невидимую линию на маскоподобном лице, заставляя Саломею дернуться, удивленно вскрикнуть и снова схватить со стола кинжал Анук.

– Марго, осторожно!

Арина опоздала. Клинок вонзился в живот Марго, полоснул снизу вверх, рассекая едва ли не пополам, заставляя со стоном отползти прочь, съежиться в темном углу. Но Блэк напал снова, напоролся на кинжал, отскочил. Ему не было так больно, как Марго, однако и по-настоящему навредить Саломее пес тоже не мог.

Ну что ж, по крайней мере, они попытались... Арина попробовала встать. Наверное, еще пару минут – и у нее бы получилось. Вот только не было этого времени. А Саломея передумала, решила начать с нее. Иначе к чему этот полный ярости взгляд? Отчего так алчно подрагивает острие кинжала, примеряясь, принаравливаясь к сонной артерии?

– Я говорила, будет много крови. – Саломея улыбалась. В ее улыбке не было безумия – одно лишь предвкушение скорого чуда. – Я тебя не обманывала.

– ...Не в этот раз, мадам. – От знакомого голоса заныло сердце. Ей бы испугаться, а она радуется. – И руки вверх поднимите. Быстро!

– Волков...

– Тебя нельзя оставлять одну. – Он не смотрел в ее сторону, он не сводил глаз с Саломеи. И пистолетное дуло тоже не сводило с нее холодного вороненого взгляда. – Мадам, прошу вас, отдайте мне оружие...

* * *

Как же Волков не хотел оставлять ее одну! Она ведь едва не сломалась тем памятным дымным летом. Летом, которое изменило их обоих: ее, обычную девчонку, превратило в ведьму, а его, законченного материалиста, заставило поверить, что такое возможно. Больше года Волков присматривал, наблюдал, чтобы быть уверенным: с Ариной все в порядке, она живет тихой жизнью в маленьком домике посреди одичавшего вишневого сада, пишет свои чудные книжки, иногда даже от руки, подаренным им пером. Последнее особенно грело душу, роняло в нее робкое зерно надежды, что когда-нибудь ему не придется больше держаться

в стороне, что беречь и охранять можно будет, находясь рядом. Когда-нибудь, но не сейчас. Сейчас гарантия Ариной безопасности – это его отсутствие в ее жизни.

Волков постарался спрятать ее как можно надежнее. Новые документы, новая жизнь в уютном домике, который он купил специально для нее. Купил, отремонтировал, оформил на подставное лицо, чтобы сдавать Арине за сущие копейки и знать, что она не окажется на улице из-за чужого самодурства. Его бы воля – он бы оформил дом на нее, но такую, как Арина, не обманешь. Такая начнет задавать вопросы, допытываться, откуда взялся неведомый покровитель и с чего вдруг расщедрился. Волков не мог рисковать. В игре, которую он затеял – или не он? – риск и так был слишком велик. Спрятав Арину, Волков не мог спрятаться сам. Да и не собирался! Он охотник, лучший в своем деле. Серый Волк – зубами щелк... И у него есть цель. Опасная, очень умная и хитрая дичь, которая в любой момент может сама превратиться в загонщика.

Дементьев, человек, посмеявшийся посадить Арину на цепь, попытавшийся превратить ее в карманную ведьму, мучивший ее. Этот не успокоится, пойдет до самого конца, чтобы добиться своего, добраться до той, по чьей вине остался без руки, до Арины. Не помогут ни новые документы, ни жизнь затворницей в пряничном домике посреди вишневого сада. Наверное, даже пластическая операция не спасет.

Вот чтобы не добрался, чтобы не отомстил, Волкову приходилось работать на опережение. Первым найти Дементьева, первым нанести превентивный удар. О том, каким будет этот удар, Волков даже не задумывался, знал наверняка: если придется, он убьет. Но для начала Дементьева нужно найти. И у Волкова, самого лучшего в своем деле, ушли месяцы на то, чтобы получить хоть какую-то информацию, намек на информацию...

Он хорошо запомнил тот день. У Арины тогда вышла первая книга. Волков прочел ее за одну ночь, наивный дамский роман про крутого поисковика, Индиану Джонса и Шерлока Холмса в одном флаконе. В гранях этого флакона, в особых словечках, в многозначительных недосказанностях он узнал себя. И это было такое потрясение! Как не произнесенное вслух признание в любви. Ну, ему хотелось так считать.

И подумалось вдруг, что Арине он, возможно, нужен рядом, а не на расстоянии. Что, если она всегда будет у него на глазах, ничего дурного с ней не случится. Тогда он, холодный и расчетливый профессионал, впервые в жизни дал слабину, позволил себе подумать о будущем. Не об одиноком холостяцком существовании, а о чем-то гораздо большем, почти

несбыточном. И купил ручку с золотым пером, а к ней дурацкий букет роз. Никому никогда он не дарил цветы, и уж тем более розы. Одиноким волк не закичивается на таких вот... глупостях.

И он почти решился. Вот что самое удивительное! Даже придумал, что скажет, когда станет дарить ручку и розы. Что-то ироничное, чтобы в ее глазах не выглядеть совсем уж дураком.

Один-единственный телефонный звонок нарушил все планы, отменил такое близкое счастье. Звонок этот был куда важнее банальных роз в сопровождении ироничных фраз. В нем, возможно, заключалось их с Ариной будущее. Наконец-то после стольких месяцев безуспешных поисков Волкову удалось напасть на след Дементьева. Уже остывший, почти невидимый, но все же след.

И Волков ушел. Не сбежал, а именно ушел. Цветы и подарок передал с каким-то мальчишкой и даже не остался, чтобы посмотреть, как изменится ее лицо, когда она увидит. Еще посмотрит когда-нибудь, если повезет.

Ему не повезло. След увел в никуда, и пришлось все начинать сначала: рыть землю, выискивать, вынюхивать. Волков вернулся, прямо из аэропорта отправился в свою московскую квартиру и, едва переступив порог, понял: в квартире побывал чужак. Идеальный порядок, все вещи на местах, но... Не под тем углом повернутая сандаловая статуэтка – воспоминание об Индии. Чуть сдвинутая картина Шагала, подарок-благодарность от израильского бизнесмена. Узкая, едва заметная щель между ящиками письменного стола. И вешалки в шкафу висят по-другому. Их кто-то двигал, уронил сорочку, поднял, пристроил обратно на плечики, но не так, как делал это Волков. Десятки мелочей, шесть искусно замаскированных «жучков», незаметных обывателю и кричаще очевидных для него. В квартире кто-то побывал, ничего не взял, однако все тщательно обыскал. Замок сейфа оказался не поврежден, но Волков не сомневался: его содержимое изучено, сфотографировано, проанализировано. Пусть! У него не было привычки хранить серьезные документы в домашнем сейфе, только некоторую резервную сумму наличными да кое-какие малозначимые бумажки. Для самого важного – картотеки, деловых документов, оружия – имелся надежный схрон, о существовании которого не знал никто, кроме Волкова. Было несколько банковских ячеек с поддельными паспортами и упитанными пачками долларов и евро. На черный день. Были банковские счета – залог безоблачной старости. Если, конечно, удастся до нее дожить. Но все, что касалось Арины, Волков не хранил ни в схронах, ни в банковских ячейках, ни – уж тем более! – в квартире. Арина жила в его голове и, наверное, в сердце. Номер телефона, единственное, что их

связывало, он знал наизусть и после редких разговоров всегда стирал из памяти своего мобильного.

Из московской квартиры Волков ушел, прихватив с собой деньги, чтобы больше в нее не возвращаться. Дичь решила переквалифицироваться в загонщика, начала собственную игру, и он был готов поиграть.

Противостояние с Дементьевым длилось больше полугода. Этот человек не хуже его самого умел замечать следы и уходить от погони, примеряя все новые и новые личины. Американский бизнесмен, новозеландский скотопромышленник, лондонский галерист. Волков гонялся за ним по всему миру, твердо зная: Дементьев меняет документы, внешность, место жительства, но одна-единственная примета остается неизменной. Все они – и бизнесмен, и скотопромышленник, и галерист – были одноруки. Протез не спрячешь, даже при очень большом желании, даже очень хороший и дорогой протез. Значит, у Волкова все получится. Нужно лишь терпение и немного везения...

Волкову повезло в середине августа. Ниточки – не ниточки даже, а стальные тросы – протянулись из Лондона до Гоа. Гоа – кто бы мог подумать! И Волков, привычно сорвавшись с места, рванул в Индию.

Он валялся на пляже. Дочерна загорелый, с отросшими до плеч патлами, в солнцезащитных очках и труселях легкомысленного апельсинового цвета, он изображал ошалевшего от свалившейся свободы дауншифтера, когда на мобильнике, с которым Волков не расставался даже на пляже, высветился знакомый номер.

Арина никогда не звонила сама. Из гордости или еще по какой-то одной ей ведомой причине. И от этого неожиданного звонка жаркое индийское солнце выцвело, безоблачное небо затянуло дымом пожарища, а океан выстыл, вмиг превращаясь из Индийского в Северный Ледовитый.

У Арины что-то стряслось, потому что в противном случае она не стала бы его беспокоить. Но как же так? Дементьев тут, на Гоа. Волков видел его собственными глазами. Значит, и беда тоже здесь – расслабляется, нежится на солнышке. Тогда что случилось на другом конце света, в одичавшем вишневом саду?

У Арины и в самом деле кое-что стряслось. Она не умела жить без приключений. Книжных страстей ей было мало, и поэтому она связалась с призраком. Такая немыслимая, невероятная возможность с недавних пор Волкова если и удивляла, то не слишком сильно. После того как он, провалявшись несколько дней в коме, сам едва не превратился в призрака, после избушки, затерянной в самом центре торфяного болота, и встреч с немыслимыми тварями Волков почти перестал удивляться. Он даже на

Арину, которая теперь самая настоящая ведьма со всеми вытекающими, смотрел как на обычную девчонку. Ну, может, не самую обычную. Себя-то зачем обманывать?! Арина не была обычной с этими своими шаровыми молниями, с призрачным псом, который больше похож на волка. Она была необычной, и именно это делало ее уязвимой для всякого разного... потустороннего.

Значит, вот так, мимо призрака мертвой тетки Арина пройти не смогла. Мало того, отыскала в лесной глуши теткино тело. Чем не приключение для настоящей ведьмы, маскирующейся под писательницу! И с найденным телом нужно было что-то делать, а они, обе эти дуры, живая и мертвая, не знали что. С этим бы Волков разобрался, связей в полиции у него имелось много: и просто хороших знакомых, и должников, и настоящих боевых товарищей. Настораживало другое: мертвая тетка была уверена, что померла насильственной смертью. Вот с этим требовалось разобраться незамедлительно, проверить, выяснить.

И Волков выяснил. Не было насильственной смерти, причиной случившегося стала гипогликемия. У тетки рухнул сахар в крови, и она рухнула в пруд. Захлебнулась, утонула – всякое бывает. От сердца отлегло. Все-таки несчастный случай – это не убийство. Призрачная тетка может валить по своим призрачным делам.

Не свалила, осталась рядом с Ариной, пудрить мозги. И это Волкова особенно бесило, едва ли не больше того факта, что Арина предложила ему деньги за работу. Ему – деньги! Додумалась...

А тетку он проверил и знал про нее теперь если не все, то многое. Спирит, таролог, потомственная ведьма. Ну конечно, как же без потомственности в нелегком магическом бизнесе! Вон Арина, пожалуй, единственная, кто без родословной, а остальные все сплошь с богатым историческим прошлым.

И он попытался намекнуть, деликатно так, без давления, что тетку надо гнать вшаей, что убийства не было. А Арина не поверила, Волков по голосу слышал. Разозлилась даже. Он тоже разозлился, потому что знал: на солнечном Гоа его присутствие сейчас важнее, чем в дождливой России, и вырваться никак не получится, потому что, стоит только отвлечься, Дементьев снова исчезнет. В общем, как-то плохо они тогда поговорили, попрощались сухо, как чужие. А может, так и есть и не нужно выдумывать всякие... нелепицы?

Той ночью Волкову не спалось, а когда долгожданный сон наконец пришел, вместе с ним появилась Арина. Она приходила к Волкову не так часто, как ему бы того хотелось, но достаточно часто, чтобы помнить все

детали и ждать повторения с нетерпением безусого юнца, для которого эротический сон – единственная отдушина и реальность. Сны Волкова, те, в которых он был с Ариной, тоже казались действительностью. И Арина была в них не призрачной гостьей, а настоящей, из плоти и крови. Волков изучал ее тело от ночи к ночи, от макушки до пяток. Он наперечет знал все ее родинки, а у Арины их было много. Знал, что она любит и умеет. Даже кое-чему ее научил. В конце концов, он старше и опытнее. Он – мужчина, а она всего лишь маленькая ведьма. Но утро всегда наступало раньше, чем Волкову хотелось бы. Ночь уходила, уводила с собой Арину, и наступивший день нужно было чем-то заполнять. Лучше всего работой. Волкову казалось, что история с призрачной теткой скоро закончится, рассосется сама собой.

Не рассосалась. Арина снова позвонила, и в голосе ее был страх. Она вместе с этой своей мертвой подружкой нашла еще одно тело. Хобби такое, что ли? Нашла и позвонила сначала в полицию, а уж потом ему. И снова нужно было подключать связи, наводить справки.

Не оказалось тела! Ни живого, ни мертвого – никакого! Местный участковый все там проверил. Отыскалась только свежевскопанная грядка, про которую Волков, грешным делом, подумал, что это могила. И не он один. Участковый не поленился, грядку перекопал, но так ничего и не нашел.

А Арина снова разозлилась. Вот только на сей раз он не понял, из-за чего. Из-за того, что тело не нашлось, или из-за того, что девица из соседнего бунгало – та еще идиотка! – подсунулась слишком близко к трубке, проблеяв какую-то хрень? А что ему делать с девицей-идиоткой, которой скучно на Гоа и со своим престарелым бойфрендом тоже скучно, которая так и льнет к симпатичным молодым мужчинам. А он скучающий дауншифтер, ему чураться здешнего высшего общества никак нельзя. Особенно девицы-идиотки, потому что ее престарелый бойфренд уже дважды ужинал на вилле Дементьева. И вообще, может, Арина не из-за этого разозлилась, а из-за того, что Волков ей не поверил?

Не то чтобы он не хотел верить, но факты есть факты. Нет тела – нет дела. Хотя зерно сомнений вся эта мутная история в душу заронила. Что-то там вокруг Арины происходило. Понять бы еще, насколько все серьезно. Здравый смысл подсказывал, что нет для Арины никого опаснее Дементьева, но интуиция нашептывала – что-то тут есть настораживающее, и с этим нужно разбираться как можно быстрее.

Ночью Арина не пришла, и Волков... осатанел, что ли. Он привык, что не днем, так ночами она рядом. Пусть даже нереальная. Или реальная? Кто

знает, что может ведьма! И Волков изменил правила игры, без приглашения шагнув из своего сна в ее, прямо в комнату с остывающим камином.

Она не желала его видеть, отбивалась и царапалась, как кошка. Рысь волку не подружка. Мог бы и сам догадаться. Волков ушел, а утром на спине увидел царапины и даже почти не удивился. После душа царапины исчезли, словно их и не было. А может, и правда не было...

Дело на Гоа двигалось семимильными шагами. Престарелый бойфренд девицы-идiotки пригласил господина Стогова – да, на Гоа он был Стоговым! – на закрытую вечеринку к «одному лондонскому бездельнику». Закрытая вечеринка – это хорошо, это, значит, максимально близкий контакт. Контакт какого рода, Волков еще не решил. Для начала ему бы попасть на охраняемую виллу, осмотреться.

Времени на подготовку у него было достаточно. Изменить внешность особого труда не составит. Отросшие волосы, щетина и очки могут изменить лицо до неузнаваемости. Одежда, осанка, походка сделают все остальное. Ему бы еще не отвлекаться...

Не получилось. Интуиция не давала покоя, заставила позвонить Арине. Лучше бы не звонил, честное слово! Еще две мертвые женщины. Обе были ведьмами или считали себя таковыми. И снова Арина в самом эпицентре. Его не нужно было просить о помощи, три мертвые ведьмы и одна пропавшая без вести – это серьезный повод для волнений. Тем более две последние смерти на несчастные случаи точно не спишешь.

Оказалось, на несчастные случаи не спишешь, а вот на самоубийства запросто! Волков не поверил собственным ушам, когда узнал результаты экспертизы. Но эксперт, человек серьезный, ас в своем деле, был категоричен – самоубийства! Странно, жутко, однако факт. Выходило так: один несчастный случай, одно исчезновение и два самоубийства. И все это произошло на ограниченном участке за ограниченный период времени с женщинами, которые были знакомы друг с другом и считали себя ведьмами. Или являлись ими в самом деле. Есть над чем задуматься.

Но больше, чем разговор с экспертом, Волкову не понравился короткий диалог с Ариной. Она не верила в суициды, злилась и рвалась в бой. Но самое главное – Арина боялась. И Волков тоже испугался не на шутку. Интуиция уже не шептала, а в голос кричала об опасности. Что-то было не так. И не здесь, на Гоа, рядом с Дементьевым, рядящимся под лондонского галериста, а в России. Что-то было не так с Ариной, и Волков решил. К черту Дементьева! Проблемы нужно решать по мере их поступления. Пора возвращаться.

А Арина – вот ведь ведьма! – бросила трубку и отключила мобильный.

Ну что ты станешь с ней делать!

Волков злился, но злость эта была неправильной, нерациональной, маскирующей другое, куда более яркое чувство – страх. Так тяжело бояться за кого-то! За себя он не боялся никогда, к собственной жизни относился с равнодушным фатализмом. У Волкова не было ни родных, ни близких – никого из тех, кому его смерть причинила бы боль. Раньше не было, а теперь вот появилась Арина и на поводке, как пса, привела за собой страх. Черт возьми, он устал бояться! Бояться, что с ней что-то случится. Доведенная до автоматизма жизнь впервые дала сбой, профессионализм забуксовал...

Надо лететь и разбираться со всем самому, по-мужски. Безо всяких там магических штучек. Но сначала нужно позвонить Семе. Он парень бывалый, толковый, пусть присмотрит за Ариной, подстрахует. Только бы не свинтил куда, только бы оказался на месте.

Сема не подвел, просьбу выслушал, согласился помочь. Ну, так это и нормально, Волков его тоже выручал не единожды. Холодная хватка страха не исчезла окончательно, но чуть ослабла, ровно настолько, чтобы можно было дышать без боли. Все, нужно спешить, самолет – не такси, подстраиваться под клиента не будет.

Самолет трясло почти всю дорогу, швыряло из одной воздушной ямы в другую, и Волков снова боялся, что не долетит, рухнет вместе с этой громадиной в океан и Арина останется там совсем одна, без опоры и поддержки, без крепкого мужского плеча.

Прилетели с задержкой, но приземлились, слава богу! Первое, что сделал Волков, – позвонил Арине. «Аппарат вне зоны действия сети...» Да что же это такое?! Кто скажет, как бороться с женским упрямством? Или это не упрямство?

Сема тоже не отвечал, просто не брал трубку. И волосы, все его за год отросшие патлы, встали вдруг дыбом, зашевелились на загровке от недоброго предчувствия.

Всю дорогу до дома Арины Волков не переставал звонить то ей, то Семе. Безрезультатно! И мечтал он только об одном: как разорется, когда увидит Арину, живую и невредимую, а потом сгребет в охапку, сильно, до боли, до хруста в ее тонких ведьмовских косточках. И больше не отпустит от себя никогда. А Семе начистит рожу за то, что ушел с боевого поста и трубку не берет. Это были нереальные мечты. Волков все прекрасно понимал и злился на себя, что не может абстрагироваться, посмотреть на происходящее трезвым взглядом. Так, как положено.

Когда он добрался наконец до места, одичавший вишневый сад уже

укутали сумерки. И сквозь них не пробивался ни единый лучик света – дом был тих и темен. Он опасливо наблюдал за Волковым глазами-окнами, щерился распахнутой дверью. Прежде чем войти внутрь, следовало обойти дом по периметру.

Кровь... много крови, высохшей, несвежей. Рифленый след на влажной земле сорок четвертого размера, правая пятка чуть скошена. Семин след. И кровь Семина. А вот эта вмятина – след от тела. Тут голова, тут ноги. Там, где голова, на траве кровь. И еще следы, мужские сорок второго размера и женские тридцать седьмого. Женские совсем свежие. И это хорошо! Почему хорошо, Волков не знал, не позволял себе отвлекаться. Он работает, выполняет заказ. Сам заказчик, сам исполнитель.

Тело Семы перемещали. Или не так: тело перемещалось само. Сема пытался подняться, ухватился рукой за угол дома, оставил еще один след, на сей раз окровавленной пятерней. Отпечаток виден, если заглянуть за угол и присмотреться как следует. Темно, света бы побольше... А вот тут Сема снова упал, впечатался затылком в землю, примял вишневый подлесок. Тут тоже есть кровь, но ее уже меньше. Остановилось кровотечение? Хорошо, если так. А где тело? Нет тела – нет дела. Тело ушло само, сначала ползло, потом встало на ноги, пошатнулось, чтобы не упасть, ухватилось за ствол вишни и дальше потихонечку, где ползком, где на ногах, направилось к выходу из сада. Направилось кружным путем, не по центральной дорожке, явно от кого-то прячась. Сема-Сема, как же ты так попал? А еще спец...

В дом входить не хотелось. Волков даже разозлился на себя за это гаденькое чувство беспомощности.

Соль на полу, что-то черное, похоже, печная зола, изрубленный в щепу обеденный стол. Но крови нигде нет. И это очень хорошо. Что бы тут ни случилось, кто бы тут ни побывал, обошлось без кровопролития.

Мобильный забренчал, когда Волков уже стоял на крыльце, мучительно размышляя над тем, как поступить дальше. Звонил Сема. Нашелся, паразит! Живой!

– Волк?.. – Голос Семы слабый и сиплый, но узнаваемый. – Волк, это ты?..

– Я. – Телефон заскользил во вспотевшей ладони, пришлось вытереть ее о штанину. – Ты где? – Он хотел спросить об Арине, но не стал. Если Сема знает, то сам расскажет.

– А я в реанимации... отхожу от наркоза. Сестричка мне попалась чуткая, душевная, разрешила сделать один звонок.

– Что с тобой?

– Дурак я! Вот что со мной. – В трубке что-то забулькало, захрипело. – Сема кашлял. – За девчонкой твоей следил, а о собственной жопе не позаботился. То есть о голове. Он сзади подкрался. И как я только не услышал... Саданул чем-то в висок, а когда я обернулся, пырнул в бок.

– Сильно?

– Уже все зашили. Голова болит больше, чем бок.

– Видел его?

– Темно было, ночь кромешная. Знаю только, что мужик. Баба бы так не смогла. Но я не затем звоню, чтобы пожаловаться, рассказать, какой я идиот. Я девчонку твою не уберег, Волк. – В трубке снова забулькало, и голос Семы сказал куда-то в сторону: – Все в порядке, красавица, что мне станется? Еще пару слов, и все... отдам мобильный.

– Сема, – позвал Волков, сжимая и разжимая кулак, как чужую, разглядывая собственную руку. – Сема, что с Ариной? Он ее забрал?

– Не он – она. Я отключился, а когда в себя пришел, долго не мог сообразить, где я, что я. Потом входная дверь хлопнула. Я высунулся из-за угла, а там старушка, божий одуванчик, тащит что-то волоком и сама с собой ругается. Я не сразу понял, что это она девчонку твою... С головой у меня беда, сотрясение мозга... Значит, старушка дорожкой Арину твою волочет, а я кустиками ползу, как умею... Она меня опередила, ведьма старая! Пока я дополз, она девчонку уже в багажник машины сунула.

– Живая? – спросил Волков, прислушиваясь к стекающему от затылка к копчику холоду.

– Что? – переспросил Сема.

– Арина живая была?

– Связанная. А мертвых зачем связывать?

И то верно...

– Я не смог ее остановить... старушенцию. Отключился... Не справился, короче.

Что уж теперь?

– Но номер машины запомнил. Слышишь, Волк? Я номер видел, перед тем как отключиться. И запомнил!

– Диктуй! – Холод истаял, щекотными ручейками растекся по телу.

Сема продиктовал.

– Спасибо. Ты поправляйся там...

О чем еще говорить, когда самое важное сказано? Жив, и слава богу. И Арина, надо надеяться, еще жива. Если он поспешит, все может быть хорошо.

Номер пробили быстро, вычислили хозяйку, узнали прописку и постоянное место жительства. Она в самом деле оказалась древней. Сто лет в обед. И как она только справилась с Ариной в одиночку? Куда увезла? И куда делся тот, кто напал на Сему? Куда делся? Откуда взялся? Зачем приходил?

Сплошные вопросы. Сложный попался ему заказ. Сложный и срочный. А начинать нужно с дома этой Анук Георгиевны, старухи-похитительницы, ведьмы, как сказал про нее Сема. Может, и правда ведьма?

Домик маленький, как игрушечный. Фруктовые деревья, терраса, увитая виноградом, и машина, та самая, которую Сема засек. Дверца со стороны водительского сиденья открыта, багажник тоже. В нем – лопата со следами земли. Что она творила, ведьма старая? Кого закапывала?.. И дом нараспашку. Приходи, вор, бери, что хочешь. Не к добру...

Дом стоял пустой, тихие шаги Волкова отдавались в нем приглушенным эхом. Опять мимо. И лопата в багажнике... А на дворе уже ночь. Куда она делась, старая карга? Что сделала с Ариной? В доме пусто, машина на месте, значит, далеко уйти не могла. Искать нужно где-то поблизости, прочесывать территорию. Сколько на это уйдет времени?

...Черная тень, чернее ночи, стремительная, видимая лишь боковым зрением и почти невидимая в упор, метнулась под ноги, распласталась на полу террасы, сделавшись совсем незаметной.

– Блэк?.. – Волков присел на корточки, на призрачного Ариного пса смотреть старался искоса, чтобы видеть хоть что-нибудь. И видел – вот что удивительно! – Блэк, это же ты?

Протянутую ладонь закололи тысячи мелких иголок. Волков едва не отдернул руку, но в последний момент удержался, прикрыл глаза, привыкая к ощущениям. На сетчатке вспыхнул и медленно истаял собачий силуэт. Вот как это работает!

– Блэк, где Арина? – Волков открыл глаза, уставился в пустоту перед собой. – Ты знаешь? Покажешь мне, правда?

Пустота изменилась, пришла в движение. Он снова зажмурился. Призрачный пес вскочил на лапы. Он покажет. Он ведь затем сюда и пришел, чтобы отвести Волкова к Арине. Умный пес.

– Только медленно, прошу. – Волков тоже встал. – Я плохо тебя вижу.

Блэк его понял, гигантским прыжком отскочил в сторону, из темноты

под мутный лунный свет, и стал чуть более заметным. Серебряные искорки в невидимой собачьей шерсти, текучий, как вода, силуэт.

– Вот так, оставайся на свету, – попросил Волков и тоже в один прыжок соскочил с террасы на дорожку, скомандовав: – Пошли!

Они побежали по узкой грунтовой дороге между едва различимым в темноте лесом и шелестящей стеной рогоза. Когда луна пряталась за тучи, Блэк совсем исчезал, но Волков не притормаживал, несясь вперед, как взявшая след гончая, краем глаза успевая замечать движение рядом с собой, постоянно чувствуя присутствие пса. Дорога свернула к реке, к стоящей на самом берегу маленькой избушке.

Из окошка и настежь распахнутой двери сочился неровный оранжевый свет, сталкивался с наползающим от воды туманом, проигрывал битву, истаивал. Волков замер, уперся руками в колени, восстанавливая дыхание, вынул из кобуры пистолет. Блэка он больше не видел и не чувствовал. Да и зачем теперь? Призрачный пес выполнил свое дело, привел его к Арине, а дальше он уже как-нибудь сам, своими силами.

Туман был на руку, укрывая, глуша шаги. Волков прокрался к избушке, заглянул в окно.

Арина сидела на полу, связанная, но живая. На первый взгляд даже невредимая. Успел!

А вот и старая карга, та самая, о которой рассказывал Сема. Тоже связанная...

Что-то не так. В этом деле постоянно что-то не так. Кто друг? Кто враг? Хрен разберешь! Уверен он только в себе и в Арине, а значит, остальные пусть пока побудут во врагах. И старая карга, которая связана, и вторая, помоложе, но какая-то странная, изможденная, дерганая, с кинжалом в руке. У кого оружие, тот враг номер один. Здесь и разбираться нечего.

А вон и четвертая! Немудрено, что сразу он ее даже не заметил. Призрака еще попробуй разгляди. Наверное, та самая Марго, гадалка и потомственная ведьма. Приткнулась между Ариной и каргой едва уловимой тенью. Все девочки в сборе. О троих он знает хотя бы понаслышке, а с четвертой еще предстоит познакомиться. Волкову вдруг стало так легко и радостно, словно он надышался веселящего газа. Страх, тисками сжимавший горло, отступил, и сырой речной воздух показался упоительно вкусным, как будто до этого он вообще не дышал. С женщиной, пусть даже и вооруженной, он справится. Главное – успел.

А женщина, та, что с кинжалом, уже собиралась пустить его в ход, примеривалась к Ариной шее, пригнувшись, по-звериному склонив

голову. Все, медлить нельзя!

– Я говорила, будет много крови. – Рука, сжимающая кинжал, нетерпеливо дрогнула.

– Не в этот раз, мадам! – Волков прицелился. С женщиной, какой бы ведьмой она ни была, нужно обращаться вежливо. – И руки вверх поднимите. Быстро!

– Волков... – Радость в голосе и безмерное удивление, а еще, кажется, страх. Арина за него боится? Да что с ним будет?!

– Тебя нельзя оставлять одну. – Хотел обернуться, посмотреть хоть одним глазком, но передумал. Потом, когда все закончится. – Мадам, прошу вас, отдайте мне оружие.

– Еще один незваный гость? – Тетка с кинжалом обернулась.

То ли свет от свечей упал как-то по-особенному, то ли Волкову просто почудилось, но лицо ее из старого и изможденного вдруг сделалось молодым и очень привлекательным. Есть такие лица, на которые хочется смотреть не отрываясь.

– Какой грозный! Вы со всеми женщинами так... строго? – Игривая улыбка, робкий шаг в его сторону.

Не со всеми, а только с ведьмами. Ведь это же ведьмовские штучки?..

– Волков, уходи! – В голосе Арины страх. Чего она боится?

– Стреляй, глупый мальчик! Стреляй, пока не поздно! – А это кричит карга. Сипло, как ворона каркает.

– Уже поздно. – Рука с кинжалом прочертила в воздухе линию – томно, изящно. Смотрел бы и смотрел. А во второй руке появилась штучка. Как же это называется? Подвеска? Кулон?

– А знаете, так даже интереснее!

– Волков, уходи!

– Стреляй, мальчик!

Камея – вот что это такое! Раскачивается на длинной цепочке, как маятник. Тик-так... Красиво, глаз не отвести. И голос красивый, журчит ручейком, ласкает слух.

– Признавайтесь, девочки, чей рыцарь? Анук для такого красавчика старовата.

Анук – это карга, он помнит. Вот только воспоминания не имеют никакого значения.

– Значит, у нашей маленькой ведьмочки есть сердечный друг.

А маленькая ведьмочка – это кто?

– Прискакал на белом коне спасать возлюбленную.

– Не трогайте его! Просто отпустите. Разбирайтесь со мной.

Хоть бы его, Волкова, спросила, хочет ли он уходить. А он не хочет! Часики тик-так, голос-ручеек. Куда от такого волшебства уйти? За это и жизни не жалко.

– Очнись, мальчик! Очнись! – Ворона каркает, отвлекает. Так и хочется запустить в нее чем-нибудь.

– Вы желаете меня... обезоружить? – Зеленые глаза как колодцы, упадешь – не выплывешь. Так он и не хочет выплывать.

– Желаю... вас... – Горло пересохло, а в голове туман. – Обезоружить...

Смех перезвоном, холодная ладонь на горячей щеке.

– Хороший мальчик, послушный. Они все меня слушаются, от мала до велика. Еще ни один не посмел ослушаться. Вот тут они у меня! – Ладонь сжимается в кулачок.

– Отпустите...

– Может, и отпущу. Интересный экземпляр, породистый. Чувствуется в нем мощь. Я люблю таких... горячих. Вот только пусть он сначала кое-что для меня сделает.

Что угодно! Он же ради этого и пришел, чтобы защитить, исполнить любое желание.

– Это тебе, мой рыцарь. Подарок. – В ладонь ложится кинжал – красивый, старинный. Волков разбирается в таких вещах, умеет ценить не только женскую красоту.

– Спасибо.

– Это тебе спасибо. А пистолет отдай, от греха подальше.

Зачем ему пистолет, когда есть кинжал, когда она просит!

– Ты знаешь, что нужно сделать. – Глаза-колодцы близко-близко...

Теперь он знает, до краев наполняется ненавистью к той, другой, съездившейся у стены. Высокие скулы, острый носик, глаза как плошки. И на дне их – не страх, нет, жалость. Кого ей жаль, маленькой ведьме, посмевающей стать у него на пути?

– Волков, это же я...

– Да, ты...

Синяя жилка бьется быстро-быстро. Захочешь – не промахнешься. Но спешить нельзя. Крови должно быть много, умирание должно быть долгим. Так она хочет. Долго не получится, Волков точно знает. Крови много, но смерть почти мгновенная. Как же быть?

Острые кинжала скользит по белой коже, оставляя кровавую дорожку.

– Волков... – Шепот-шелест отвлекает и раздражает. – Андрей, не поддавайся, не слушай ее...

Почему-то убить никак не получается. Глаза-плошки... Что в них такого?

– Закрой глаза.

– Нет.

– Тебе не будет больно. – Будет много крови, но боли не будет.

Ярость куда-то делась, вылилась из души, как вино из прохудившегося бурдюка. Остался только долг, как на войне. Но на войне он не убивал женщин. Женщин нельзя даже бить... Не по-мужски...

– Давай же! – Окрик, как удар хлыстом. И спине больно, как от хлыста. – Убей!

– Андрей, не слушай ее...

– Делай, что велю...

– Мальчик, сопротивляйся...

Мальчиков на войну не берут... Женщин бить нельзя... Лицо какое знакомое... Родинка на левой щеке... Все родинки он знает наперечет... И эту тоже...

Рычание – яростное, отчаянное. И руке с кинжалом не больно, но как-то... странно. Это призрачный пес впился призрачными зубами, защищает. Кого? Арину?..

– Арина...

– Волков...

– Борись, мальчик!..

– Убей!..

Не подчиниться приказу нельзя. Тик-так... Убить хочется, аж челюсть сводит.

– Или она, или ты. Выбирай!

Или она, или он... Волков смерти не боится. И раньше не боялся. Даже когда еще пацаном попал на войну. Он за нее боится...

– Убей!

– Волков!

– Мальчик, не слушай!

Черное лезвие острое, милосердное. Больно не будет. И крови много тоже. Главное – не промахнуться. Тик-так...

– Волков, нет!!!

– Мальчик!!!

– Глупец!!!

...И в самом деле, совсем не больно. Наоборот, наваждение отпускает, а черная рукоять размеренно подрагивает в груди в такт ударам сердца. Тик-так...

...Мир кувыркнулся, и Арина кувыркнулась вместе с ним. Рухнула в разверзшуюся воронку вслед за Волковым, схватила. Держать, не отпускать! Привязать к себе, чтобы не ушел, не умер. Чтобы не смел снова ее бросить...

Черная кровь проснулась от яростного крика, от нежелания мириться с неизбежным.

«Марго, мне нужно веретено!»

«Я попробую».

И уже через мгновение веретено, родовая батарейка, упало на колени, завибрировало, нагрелось, наполняя онемевшие руки силой. Получилось!

– Глупец! Чертов идиот! – Голос Саломеи забивает все пространство домика, из-за него тесно и душно. – Хорошо тебе теперь полудохлому? Скажи, хорошо?

Острые веретена нагревается, точно жало паяльника. Пахнет паленым. Это веревка и немножко кожа. Быстрее...

– Он живой, – шепчет Анук то ли успокаивающе, то ли предупреждая. – Нож в ране, мой нож... сдерживает кровотечение. Арина, соберись, успокойся.

Ей нельзя успокаиваться, ей нужны все силы. Ради Волкова.

– Нож в ране? – Саломея смеется, падает перед Волковым на колени, склоняется, словно собирается его поцеловать. – Так это поправимо. – Костлявая рука тянется к рукояти.

– Не смей! – Путы падают, но осознание того, что ей не успеть, не остановить, парализует. – Не трогай его!

Слезы... беспомощные и горячие, как острые веретена, застилают глаза, прожигают огненные дорожки на щеках. А черная кровь, которая хранит память всех, кто был до нее, уже действует.

Веретено, маленькая деревянная торпеда, летит вперед, раскаленным жалом впивается Саломее в плечо, отшвыривает к распахнутой двери. А там, у двери, ее уже ждут...

Глаза Бабая по-кошачьи горят в темноте, улыбка похожа на оскал, и в улыбке этой – приговор.

Вскидывается вверх рука с камеей!

– Ты не сможешь!

Падает вниз рука с ножом.

– Смогу, не сомневайся. Я слишком долго терпел!

Туман пульсирует от радостного нетерпения, помогает Бабаю тащить сопротивляющуюся Саломею прочь, глушит отчаянные крики. Лучшего поделкиника, чем туман, не найти. Наконец-то Бабай обретет покой...

Ползком по грязному полу, не обращая внимания на впивающиеся в ладони занозы, к Волкову. Черная рукоять как метроном. Тик-так... Дыхание хриплое, с присвистом. Лицо бледное, бескровное, губы синие. А глаза открыты, следят за каждым ее движением.

– Молчи... не говори ничего. Тебе нельзя разговаривать...

В отросших волосах – серебряными блестками чешуйки. С длинными волосами он совсем молодой, почти мальчишка. Мальчикам нельзя умирать. Это неправильно!

Рукоять-метроном... тик-так... отсчитывает оставшиеся секунды жизни. Все медленнее, все слабее. А глаза смотрят внимательно, и губы сжимаются что-то сказать.

– Все... нормально. Не плачь.

– Что мне делать, Анук? – Анук старая, мудрая. Она должна знать. – Может, ваши травы?..

– Он умирает, девочка. Отпусти, не мучай.

– Нет! – Собственный крик глушит. – Должен быть выход, я точно знаю!

– Не мучай... Тут и Марта не помогла бы...

– Все хорошо... – Волков, умирающий Волков улыбается. – Приду... призраком.

– Мне не нужен призрак! Я хочу тебя здесь, в этом мире!

В этом мире... Если миры перемешать, если замкнуть теневой Круг и попросить, загадать одно-единственное желание...

– Не делай этого, девочка! – Анук знает, видит по взгляду, что решение принято. – Отпусти его!

– Не могу... – Губы касаются колкой щетины. – Волков, слышишь меня? Я тебя не отпускаю!

Верная Марго уже рядом, смотрит понимающе.

– Ты мне поможешь?

– Да. Только, Арина...

– Что?..

– Я хочу уйти. Устала...

– Хорошо, только помоги!

Протянуть руки, сжать ладони Марго, зажмуриться от боли и лавины незнакомых чувств. Замкнуть Круг.

Получилось?..

...Мир замер, остановился. Капельки тумана, блески-чешуйки, неподвижная рукоять кинжала. Межвременье, теневая сторона. Уже знакомая, но неисследованная.

– Говори! – Лицо Марго застыло гипсовым слепком. Теневой стороне не нужны лица, только теням тут место. – Загадывай!

– Загадывай... – Тень, ее собственная, но все равно неузнаваемая, становится в Круг третьей подружкой. У нее тоже нет лица, но есть что-то похожее на душу – золотая искорка там, где должно быть сердце.

– И ты тоже загадывай. – Вторая тень выступает из темноты, берет их с Марго за руки. Четвертая подружка.

– Сначала ты. – Марго смотрит ей в глаза, и тень-подружка тоже. Золотая искорка загорается чуть ярче.

– Только не ошибись. – Ее собственная тень меняется. Широкие лапы, кисточки на острых ушах. Почти как в гадании Анук. В теневом мире она рысь с золотой искоркой вместо сердца. – Проси о самом важном.

О важном. Важнее ничего и быть не может.

– Волков жив!

Золотая искорка вздрагивает чуть удивленно.

– Ты уверена?

– Волков жив и здоров!

– Принято!

Тень Марго похожа на кошку, длиннохвостую, длиннолапую, красивую.

– Теперь ты.

– Хочу освободиться, уйти туда... туда, где мне место, где меня ждут.

Тень одобрительно кивает остроухой головой – правильное желание, разумное.

– Принято. Можешь идти.

– Арина... – Прощальный взгляд, прощальные объятия, теплые, человеческие. – Спасибо...

– Счастливого пути.

Марго уходит привычным способом, просто исчезает. И тень-кошка исчезает следом, прощально мигнув золотой искоркой.

– А ты отчаянная. – Ее собственная тень теперь обычная, человеческая. Держать ее за руки... странно, но не страшно.

– Он будет жить?

– Да. За него не бойся, бойся за себя.

Бояться за себя никак не получается, кончились и силы, и чувства. В теневом мире они не нужны.

– Не боишься, – тень кивает, в голосе ее чудится сожаление. – Придется платить.

– Я знаю.

– А готова?

– Он был готов умереть вместо меня.

– Люди такие странные. – Тень снова меняется, становится остроухой, широколапой, нервно дергает коротким хвостом. – Значит, ты тоже готова?

– Да.

– Смерть бывает разная. Ты знаешь?

– Я уже приняла решение.

– Глупая! Поменялась, не глядя, не зная, что получишь, что отдашь.

– А можно?

– Что – можно?

– Увидеть, что получу?

– Можно. – Тень подается вперед, ее дыхание холодное, как воздух в феврале. – Смотри.

...Рыбацкая избушка. Огарки свечей на дощатом столе. Блестки-чешуйки на полу. В мутном рассветном свете они уже почти не видны, просто угадываются на дне редкого, клочковатого тумана. Это все не важно, это декорации. Важны люди...

Волков. Не похож на мертвого, похож на спящего. Отросшие волосы завиваются на кончиках из-за тумана. Лицо спокойное, глаза закрыты, и тени от ресниц острыми стрелками на полщеки. На голой груди – повязка. Рубиновые капли на белой ткани. Белого много, рубинового мало. Это добрый знак. Присесть рядом, прижаться ухом к груди, осторожно, чтобы не разбудить, не сделать больно, но услышать размеренное тук-тук... Кинжала нет, однако сердце бьется. Не обманула тень.

– Я никогда не обманываю, – голос-шелест за спиной. Голос есть, а тени не видно. В этом мире ей тень не положена, потому что тут она всего лишь гостья, заглянула на минутку, чтобы убедиться...

– Убедилась?

– Подожди...

Снаружи все в тумане, тихий плеск просыпающейся реки где-то совсем рядом. И хриплый голос: незнакомый язык, музыка слов. Анук, постаревшая за одну ночь на десятки лет, над едва различимым в тумане телом. Это тело мертво. Арине не нужно приближаться, чтобы понять. Тело изрезанное, искромсанное – неузнаваемое, но все равно знакомое. Бабай совершил правосудие, отомстил за сестру, унял свой зуд. Остальное

сделала Анук. Кинжал в ее руке чернее ночи. Особенная вещь, вещь рода, выгорела, убив ведьмину суть, совершив еще одно, куда более жестокое правосудие. Саломеи больше нет и никогда не будет. Нигде: ни в мире живых, ни в мире мертвых.

Анук оборачивается. Песня, похожая на колыбельную, обрывается, тончайшей паутинкой вибрирует в звонком утреннем воздухе.

– Ты здесь! – Широкие ноздри раздуваются, в уголке черного глаза притаилась слеза. – Я знаю, ты здесь.

Арина уже не здесь. Она всего лишь гостя, заглянувшая в этот мир на минутку, чтобы убедиться, что с людьми, которые ей дороги, все будет хорошо.

– Да, с ним все будет хорошо. Рана уже затягивается.

Она знает. Теперь она многое знает.

– А ты застряла... Глупая девочка... Глупые дети... Послушай... – Голос Анук падает до шепота, но она все равно слышит каждое слово. – Ты не умерла. Тебе есть куда вернуться. Если ты решишься. Если захочешь очень сильно, у тебя получится.

– Не получится! – Тень обнимает за плечи, укутывает невидимой мантией.

– Не отпустишь?

– Ты сама не захочешь. Никто не хочет возвращаться.

– А если захочу?

Нет ответа. Тени никогда не лгут, но и правду не говорят...

– Арина, возвращайся! – По морщинистым щекам Анук текут слезы.

– Зачем тебе возвращаться? – мурлычет тень на ухо. – К кому?

– К Волкову.

– Мертвые нужны только теньям.

– Я не умерла!

– Смотри сама...

Собственное тело кажется незнакомым. Когда она успела забыть? На длинных русых волосах росинки тумана, в распахнутых глазах тоже туман, чешуйка на щеке серебристой родинкой. Тело вытянуто по струнке: пятки вместе, носки врозь. В скрюченных пальцах веретено. Вот она какая... Волков с раной от ножа куда живее...

А рядом Блэк. Положил лобастую голову на лапы. Охраняет? Ждет, когда хозяйка вернется?

– Видишь? – В голосе тени нет ни печали, ни радости. – Зачем тебе возвращаться? Пойдем, я расскажу тебе сказку. Я знаю очень много сказок. Пойдем...

– Подожди.

В последний раз коснуться отросших волос с завитками на кончиках, поцеловать на прощание.

– Не целуй, – тень мягко, но настойчиво тянет за собой. – Не нужно, чтобы он мучился.

– От моих поцелуев?

– От своих воспоминаний. Пойдем, твое время в этом мире истекло...